Вепрь-3

Вепрь - 3

Константин Георгиевич Калбанов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация:

Зверь лютый и безжалостный живет в каждом человеке, но одни холят его и лелеют, другие же держат в холодном теле и прочной клетке, не давая ему воли. А что делать если эта клетка оказалась разрушенной, а ты уже не хочешь жить по воле того зверя? Есть ли средство способное воздвигнуть новую клетку и во вчерашних врагах увидеть если не друзей, то просто живых людей? Виктору кажется, что есть. Но так ли это? ОКОНЧАНИЕ 26.07.2012 г.

- Калбанов Константин Георгиевич
  - Вепрь-3
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
- notes
  - 1

Калбанов Константин Георгиевич
ВЕПРЬ
Книга третья

Вепрь-3

Глава 1

— Эвон, вишь Вепрь, — вдруг донесся мальчишеский голос полный как страха, так и восхищения.

— Брешешь, — не веря и все же желая, чтобы это оказалось правдой, высказал сомнение другой голосок.

— Собака брешет. Говорю тебе Вепрь и есть. Ишь страхолюд какой, его как только ворог видит, тут же обделывается, а он его раз и об колено.

— Я думал он по боле.

— Да куда боле-то. И без того, эвон какой здоровый.

Вообще-то особой статью Добролюб не выделялся. Да, был крепок. Да, высок. Но ничего выдающегося, хотя сила в теле была такой, что многие диву давались несоответствию ее, его сложению. Ну да, не обидел Бог силушкой, чего уж там. Обычно, слыша, как его называют ненавистным прозвищем, кое ему дали гульды, он злился и осмелившемуся его так назвать доставалось на орехи, но на кого прикажите злиться, на ребятишек. Так они и не в злобе говорят это, а глазенки смотрят на него так, что он себя в них только героем увидеть и может, а тут еще и гульды на подходе. Как на ребяток злиться. Правда обидно. 'Ишь, страхолюд какой'.

А ведь было время и это страшное лицо было пригожим настолько, что девки глаз не сводили, томно вздыхая. Было. Было, да прошло.

Этот мир не был его родиной или был, тут уж и не скажешь однозначно, во всяком случае, тело его было плоть от плоти этой реальности или планеты, кто знает куда его занесло в параллельный мир или на иную планету. Виктор Волков родился на Земле и был представителем двадцать первого века, отстоящего по развитию от этого мира на несколько веков. То место куда его занесло, было сродни позднему средневековью той, родной для него Земли. Впрочем, это место для него было столь же родным, хотя судьба обошлась с ним очень сурово.

Так уж случилось, что попав в автомобильную катастрофу, Виктор пришел в себя здесь и оказался при этом в чужом теле. Теле скомороха, по имени Добролюб, которого привалило деревом. Из того, что он запомнил об аварии, он сделал вывод, что там, на Родине, он погиб, уж в очень серьезное ДТП он попал. Как так случилось, что это тело покинула душа, а его, Волкова, нашла здесь пристанище, ему было невдомек, но случилось то, что случилось.

Здесь он нашел себя. Ему нравилось жить среди этих людей и

в этом времени, где все было куда как честнее и человек стоил ровно столько сколько стоил. Хватало и подлости, и злобы, и зависти, обычные в общем-то люди, но все одно справедливости здесь было куда больше чем там, где он жил прежде. Да, здесь можно было попасть в холопы и имелся правящий класс, вот только бояре и дворяне не стеснявшиеся отмечать свое более высокое происхождение и чуравшиеся сидеть за одним столом с низшим сословием, откровенно выказывавшие неприязнь к простолюдинам, по сути служили этим самым людям. Они не провозглашали пылких и зажигательных лозунгов о равенстве и братстве, они не задумывались о правах человека, мало того, четко указывали на полное бесправие определенных слоев населения. Они могли запороть насмерть своего холопа или убить чужого, отделавшись малой вирой, но при всем при этом, они служили людям, даже распоследним холопам. Здесь высокородные не отсиживались на теплых местечках, посылая на смерть тысячи людей и наживаясь на их крови, они сами шли в первых рядах на ворога. Понятно, что хватало всяких, но то исключение, которое не стоит возводить в правило.

Виктор нашел здесь семью, нашел тех кто стал для него по настоящему дорог, хотя все его родные остались там, на оставленной им Земле. Нашел. А потом в одночасье лишился практически всех, в том числе и семьи, жены и дочурки.

Гульды. Беспокойные соседи брячиславцев истово ненавидящие всех славен, время от времени и с завидным постоянством приходившие в их земли с войной. Именно им он был обязан своим уродством. Но не за то он лютовал на гульдов. Семью свою никак простить не мог, которых заживо пожгли, а жену перед тем еще и попользовали. Сам он бился, сколько мог, троих срубил, да только и ему досталось. Посчитали мертвым. Пришел в себя, а подворья то и нет. Из забытья его вывело горящее бревно, раскатившегося сруба. Оно и пожгло лицо. Как выжил и сам не понял, а только когда оклемался, хотел одного… Крови.

За семью он посчитался, посчитался так, что гульды сильно пожалели о том, что не добили его, когда он лежал посреди двора, полыхающего постоялого двора. Только на его совести были тысячи жизней ненавистного племени, Виктор не гнушался ничем — он травил, взрывал, жег, стрелял, резал, ни на минуту не задумываясь прав ли он или нет. Под его горячую руку, направляемую холодным рассудком, попадали и взрослые, и старики, и дети, но он даже и на секунду не посчитал себя неправым. Что посеешь, то и пожнешь. Буквально омывшись в крови врагов, он все же нашел и непосредственных виновников

гибели его близких, нашел и покарал. Когда это случилось, то тиски постоянно сжимавшие его грудь, слегка поослабли, а ненависть немного притупилась, вот только не сказать что сильно. Сегодня гульды снова пришли с войной на землю Брячиславии и снова готовы насиловать, убивать, грабить и жечь. Что же, никто вас сюда не звал.

Виктор бросил последний взгляд на мальчишек, ухмыльнулся, вот ведь не хотел пугать, а мальцы с тихим вскриком порскнули в сторону, только пятки засверкали. И то, его улыбки сейчас волк испугается и хвост подожмет, чего о детях-то говорить. Махнув мысленно на них рукой, он пошел дальше, все больше мрачнея от того, что люди старались податься в стороны, дабы не оказаться у него на пути. Оно вроде и попривык уже, но иной раз находило на него. Вот и сейчас как оглоблей огрели, аж дыхание сперло.

Люди его как и ожидалось были на подворье. Даже сотники жили в сотницкой казарме, а вот у них отдельное жилье. По здравому размышлению, воевода решил поселить эту братию на особицу. С одной стороны отборные бойцы, опять же снаряжения своего видимо не видимо, как и имущества. С другой, таких лучше держать в сторонке. Одного взгляда на эти разбойничьи рожи было достаточно, чтобы понять, добра от них лучше не жди. Даже воевода для них не был авторитетом, только один человек мог отдавать им команды. Хотя они и считались людьми служилыми, командира своего никак не желали называть десятником, только атаманом и прозывали.

Во дворе его встретила старушка Любава. Знатная травница и лекарка, к ней вся округа стекается, а она никому и не отказывает. Воевода хотел было поворчать, да потом махнул на все рукой. Вообще многое спускалось Добролюбу. Отчего она привязалась к этому человеку всем было определенно непонятно, а только всегда старалась она держаться к нему поближе. Может от того, что таким знахаркам время от времени достается от разъяренной толпы, когда ум за разум заходит, а в голове одна каша и хочется всю вину за все горести свалить на чьи-либо плечи. Вот в этом случае знахари подходят как нельзя лучше. Потом и пожалеют и повинятся, а назад уже ничего не вернуть. А коли рядом с лекаркой приключится такой вот удалец… Не, проще злобу выместить на ком другом.

— Чего добрый молодец, голову повесил.

— Скажешь тоже, добрый.

— Добрый, добрый, чай думали когда имечко-то давали. А то что до крови сейчас охочий, дак исцеление твое близко. Скоро совсем появится человек, что жизнь твою перевернет и заставит

по иному на нее взглянуть.

— Бабка Любава, ты бросай предрекать-то, — горько ухмыльнулся Добролюб, — лекарка, да травница ты знатная, на всем свете такую не сыщешь, а вот в будущее ты лучше не зри. Не твое это. Что до доброты, так то тебе неведомы мысли мои, а они ой как не добры.

— Дак на ворога идти, откуда тут добру-то быть.

— Бабушка, а есть у тебя травка…

— У меня всякой травки в избытке, и та что отправить в мир иной может, тоже имеется, потому как если с умом, то и она на пользу. Но то не про твою честь, — ничуть не смущаясь нахмуренными бровями собеседника выговорила бабка.

Было дело. Однажды прокравшись в палатки маркитантов, Виктор потравил бочки с пивом. Тогда как раз намечался штурм Обережной, крепости в которой он сейчас служил командиром разведчиков, а тогда… Тогда он был простым трактирщиком, израненным и озлобленным, жаждавшим забрать как можно больше жизней в отместку за свершенное их соплеменниками. От штурма гульдам пришлось отказаться, так как к утру выяснилось, что больше полка оказались отравленными и выжить из них никто не сумел.

— Бабушка, ты бы сначала выслушала, а потом в крик бросалась.

— Ну, говори, — насупилась старуха.

— Нужно колодец потравить в Тихом.

— А я что говорила, — тут же подбоченилась она, устремляя на собеседника победный взгляд и являя собой обличие неподатливости.

— То, что за смертоубийством к тебе лучше не соваться, я ведаю, потому и прошу тебя не о том, чтобы потравить гульдов насмерть, а так, чтобы они животами маялись дня два.

— А пока они маются из них вояки, никакие. Ох и баламут.

— Как начнут животами маяться, так их командир пусть и принимает решение. Отходить, стало быть все целы останутся, пойдут дальше, понадеявшись на число свое большое, то их беда, потому как хворый воин и не воин вовсе. Тогда воевода их легко согнет. Но вины твоей в том не будет, грех на их начальнике повиснет, ибо выбор у него будет.

— Хитро. А ить не по чести воинской.

— Ой бабушка и ты туда же, — припомнив разговор, что вот только что случился в доме воеводы отмахнулся Виктор.

— Ладно, чего уж. Правда извести чуть не половину всех запасов трав придется, намешаю такую бурду, что пронесет основательно. В Тихом два колодца, стало быть, два бурдюка

готовить надо. Через пару дней и опасности никакой не останется, — явно успокаивая саму себя подытожила она. — До полуночи то время дашь?

— Можно подумать, у меня выбор есть.

— Здравствуйте, бабушка Любава.

— Чего тебе Мила? — Окидывая недобрым взглядом женщину с сильно округлившимся животом, поинтересовалась старуха.

— Так на сносях я. Вот думаю как бы не того.

— Иди Мила, не до тебя сейчас. Если ничего не приключится, то два дня у тебя еще есть.

Недоброе отношение к женщине, да еще и к той, которой вот-вот рожать могло показаться как минимум странным, но ничего странного в поведении лекарки не было. Она-то чай тоже баба, а как нормальная порядочная женщина может относиться к гулящей. Срок придет, бабушка и поможет, но только отношение ее к этой женщине не изменится. Опять же, гулящая, гулящей рознь. Есть такая, что плоть свою тешит, но за дите любого удавит. А есть вот такие, которые до последней возможности о своей усладе думают, пока срок не приходит, а тогда мертвым младенцем и разрешаются. Гнать бы такую из села, да и без нее никак. Мужикам-то нет-нет пар спустить потребно и женки их о том знают, а виду не подают, будто ослепли и оглохли, а ведь село, там все на виду, да и в городах народу не больно-то и много, среди четверых, обязательно два знакомца найдутся.

Дверь в просторную избу распахнулась и на крыльцо вышел парнишка лет шестнадцати. Ладный должен был получиться мужик, да вот только несчастье приключилось с ним пару лет тому, привалило в бурю деревом, бабка Любава выходила, но паренька перекосило, так что ни за соху встать, ни другим мужским занятием заняться. Не желая быть нахлебником до конца дней своих в родительском доме, паренек прибился к ватаге Добролюба. Ватажники поначалу ворчали по поводу прихоти атамана, с воеводой и вовсе отдельно беседовать пришлось, но начальство убедил, а десяток сам угомонился, когда вдруг выяснилось, что они и обстираны и снедь готова и в жилье прибрано. Нашел себя парень, хоть и тяжко ему.

— Тихоня, парням скажи, чтобы спать ложились, а потом бабушке Любаве помоги.

— Знать доброе дело будет, господин десятник? — вот только он его десятником и величает из всей ватаги.

— Доброе, я на другие и не способен, — хохотнув и вновь одарив свет своей неподражаемой улыбкой или оскалом, произнес Добролюб, известный окрест под именем Вепрь.

***

— Смеяна? Отец небесный, ты как здесь?.. — Боян стоял ловя ртом воздух, словно только что пропустил в душу сильнейший удар.

Было с чего. Смеяна, дочь воеводы и его законная супруга, разрешилась от бремени раньше срока, почитай на два месяца, но слава Богу, мальчик родился крепеньким и здоровым. Сейчас она должна была находиться в Звонграде, а вернее на пути в столицу. Был такой обычай, что первенца молодая рожала в отцовском доме, коли до того не было уж больно далеко. Там под материнским доглядом она проводила и первые пару месяцев, оттуда и крестили ребенка. Если такой возможности не было, то матушка приезжала и жила все это время рядом с дочкой. Разумный обычай. Кто как не родная мать и подскажет, и подскажет, и поддержит, и уму разуму научит, свекрови-то они разные бывают. Опять же, даже если в новой семье молодую на руках носят, ей бедняжке все одно не сладко, ить из отчего дома уходит в иную семью, со своим укладом, все для нее там непривычно и в новинку.

Вяткины проживали в Брячиславле, но рассудив, что отец будущего ребенка несет службу неподалеку от Звонграда, порешили отправить молодку рожать в отчий дом. Там и Боян сможет их навещать и молодой матери поддержка. Вот только когда стало ясно, что гульды готовы выступить в поход, молодой глава семейства отписал жене, чтобы она немедля выезжала к его родителям. Но у нее видимо помутился рассудок, коли вместо столицы она направилась прямиком в пограничную крепость и это когда война уже началась.

— Боянушка, любый мой, потом, все потом. Сама тебе вожжи принесу и спину под наказание подставлю, только сейчас погоди ругаться, — прижимая к себе младенца, скороговоркой проговорила молодая мать.

— Что стряслось? — Заместитель воеводы и гневаться позабыл, потому как вид жены его встревожил не на шутку.

— Захворал Ратиборушка. Сказывают у вас тут бабка кудесница проживает, что и с того света возвращает.

— Ты чем думала, — это уж вспылил вышедший на крыльцо Градимир, любил он дочку крепко, да только глупости потакать последнее дело, — его лечить нужно, а не в карете раскатывать.

— Отступились лекари! — Уже навзрыд закричала Смеяна и где тот вечно улыбчивый и жизнерадостный лик. Слезы растеклись по красивому, но осунувшемуся лицу.

Вожжи там или строгий выговор, все потом. Кудесница бабка Любава или нет, то уж без разницы, не полкового же коновала призывать. Отправлять за бабкой, потом пока она поглядит мальца, пока сходит за тем что потребно, а тут может счет на минуты. Градимир вообще редко когда терялся, вот и сейчас долго раздумывать не стал. Кто сказал, что родители больше него испугались, чай внук.

— Живо в карету.

Оно и не далеко, но все одно быстрее чем пешком. Боян хоть и в тревоге, а на подворье занимаемое разведчиками ступил не скрывая своего неудовольствия. Будь его воля, то такую горячку пороть нипочем не стал бы. Но кто его станет слушать, уж не тесть это точно.

— Чего стряслось, воевода? — Удивленно встретила их лекарка, которая возилась у большого чана установленного над костром и исходящего паром и далеко не благовониями.

— Внук приболел и тяжко.

— Несите за мной.

Сказав это, старуха указала молодому калеке на котел, приглядывай мол, и довольно легко для своего древнего вида зашагала к дому. На крыльце появился Добролюб, а и то, чего это приключилось, эвон целая делегация да еще и бабенка какая. Бабенка? СМЕЯНА? Да что тут происходит-то? Как же стали ему объяснять, только и успел, что посторониться. При входе прихожка из той два хода, влево это в помещения занимаемые десятком, вправо к бабушке, у нее только одна комната, но она самая большая, хозяйство у нее немалое.

Кто бы сомневался. Пропустив мать с дитем, бабушка захлопнула дверь перед самым носом Градимира, это он гарнизону голова во всем, а ей не указ. Виктор только и успел услышать старческое и категоричное 'неча'. Ага, бабушка в своем репертуаре, коли при деле, так и Великого князя не постесняется оставить за дверью. Спрашивать Волков ни о чем не стал, незачем и без того понятно, что беда с дитем. Хм. Выходит Смеяна уж родила. Забудь, ты всегда знал, что она не для тебя.

Виктор отошел к Тихоне, который колдовал над взваром готовившимся по особому рецепту лекарки. Вообще-то будь бабушка иного нрава, то приготовила бы такой отвар, что упокоил бы всех гульдов со стопроцентной гарантией. Самая знаменитая отравительница Мария Медичи и ее помощник алхимик в сравнении с ней просто дети шкодливые, в этом он ничуть не сомневался. Вот только на смертоубийство она нипочем не пошла бы, характер у нее был стальной.

Эх, жаль не подумал сразу. Готовился к войне, готовился

серьезно и вдумчиво, множество мудреных придумак воплотил в жизнь. Если их сейчас ввести в бой, то вполне возможно, что удастся разбить армию гульдов, правда только в одном сражении, не так чтобы и много всего успели изготовить. А тут всего-то потравить колодцы и приходи кума любоваться, пейте люди добрые. Ну да, все мы крепки задним умом.

А это еще что? Нет мужиков-то понятно, а мамку-то почто выдворила на улицу? Видать та оказалась больно сердобольной, а это только в помеху, вот и разошлась лекарка. Смеяна с плачем припала к груди Бояна, все так же стоящего на крыльце, а тот ее нежно обнял и по стану поглаживает. От вида этой картины у Виктора аж дыхание сперло. Что это? Ревность? Э-э-э парень, так нельзя. А ну-ка пошел со двора, не то и до беды недалеко. Так сам себя понукая, он вышел за калитку и направился к воротам, от греха подальше, мало ли. После того, что с ним случилось за последнее время, он очень сильно сомневался, что его не переклинит самым непредсказуемым образом.

Крепость сейчас походит на растревоженный улей. Народу видимо-невидимо, мало дополнительный полк стрельцов и весь посад за стенами, так еще и почитай со всех окрестных деревень собрались. Весть о том, что Великий князь бит на границе и отошел к Кукше уже всем ведома, как и то, что два полка гульдов движутся к Обережной. Сам Виктор о тех полках и поведал, вернувшись из разведки, потому и парни сейчас отсыпались, почитай двое суток в седле.

Вообще сейчас и Кукшинский и Звонградский уезды стояли на ушах, те кто поосмотрительнее, бросали дома, собирали скарб, живность и уходили целыми селениями в леса, проклиная на все лады и Карлу и его племя, и по князюшке не забывая пройтись, а то как же, не оборонил. Оставаться дома, когда такое творится никому не хотелось. Оно и свои славени, коли налетят, то разор учинят и надругаются не стесняясь, чего уж говорить о гульдах, эти вообще жалости не ведали.

На этот раз на постоялом дворе принадлежащем Виктору, дело было поставлено куда как лучше. Все имущество вывезено, станки разобраны и так же надежно упрятаны, обильно смазанные салом, чтобы никакая ржа не добралась. Богдану особо развернуться не получилось, на инструменте удалось заработать только три тысячи. Нет, по местным меркам это огого какие огромные деньги, если лошаденку крестьянскую можно и за пять рублей сторговать, просто можно было получить и куда больше. С другой стороны даже с учетом больших расходов на подготовку к встрече с врагом, в кубышке у Виктора имелось пять тысяч рублей.

Он был просто таки богатеем и вполне имел возможность развернуть мануфактуру по производству инструмента по нарезке резьбы. Здесь, обычные в мире Волкова, лерки и мечики способны были произвести революцию, а используемым станкам, изготовленным по разработке Виктора, вообще аналогов не было. Вот только закралось к нему сомнение, что ему позволят так запросто владеть столь прибыльным производством. Шутка ли, если развернуть только те станки, что у него были он мог получать прибыль минимум в две тысячи в месяц, а то и больше. А там где замешаны деньги… Местный полковой воевода Смолин благоволил Добролюбу, но кто знает, как далеко его благодетельство простирается.

Лиса Отряхина, звонградского купца, через которого шла реализация готовой продукции, мастера чуть не за грудки тягали, требуя продать чудо какой инструмент, но тому предложить пока было нечего. Он только и мог, что разводить руками, ссылаясь на неспокойные времена и на то, что изготовитель отчего-то перестал торговать с ним. Всем было и невдомек, что производят тот товар на территории Брячиславии.

Виктор подумывал было обосноваться в долине, где ему удалось накрыть банду разбойников, но по здравому размышлению решил все же проверить как там и что. Выводы оказались не в пользу местечка. Ветра там если и дули, то были большой редкостью, зачастую стояло полное безветрие, а как поднимался ветер, так особой силой не отличался. Долина была надежно укрыта скалами, становившимися непреступной стеной на пути воздушных потоков. Река полностью перемерзала, несмотря на быстрый бег, может чуть позже чем реки со спокойным течением, но зазор был совсем небольшим, чтобы иметь какое-то решающее значение. А коли привода для станков надежного не будет, то какой смысл городить огород, ты поди еще все протащи в тот узкий проход.

Нет, можно было обосноваться и там, благо прибыль обещала перекрыть все время вынужденного безделья с лихвой, но Виктор всерьез подумывал о том, чтобы перебраться в Новый Свет. Да, там опасно, но та опасность явная, когда все ясно, вот ты, а вот твой враг, здесь свои, там чужие. Опять же, до бога высоко, до царя, то есть Великого князя, далеко, так что можно будет крепко устроиться, да и представители власти там будут куда как более сговорчивее, ведь кругом только те, кто готов тебя сожрать. Вот то, чего он опасался здесь, было куда как страшнее, если там он мог быть хоть кем-то, то тут ноль без палочки, от которого избавиться проще простого.

— А-а-а!!!

— Убилась!!!

— Лекарку!!! Лекарку зовите!!!

Истеричные женские крики, разом вывели Виктора из задумчивости. Оно, бабье племя любит голосить по поводу и без такового, но по интонации можно легко угадать, когда они голосят на публику, чтобы привлечь внимание окружающих, мол поглядите люди добрые, что деется, когда от горя, когда просто за компанию, чтобы поддержать товарку. Но этот крик безошибочно указывал, что случилась беда нешуточная. Волков даже еще не успел задуматься вопросом, чтобы такое могло приключиться, как уже бежал на крики, не отдавая себе отчета выхватив пистоли, словно готовился отразить нападение. С другой стороны время военное, все помыслы об этом, так что его реакцию понять можно. Но вскоре он понял, что несмотря на реальную беду, оружие здесь было лишним.

Толпа расступилась перед ним так, словно заросли камышей, оно вроде растут плотно, но противостоять прущему нахрапом человеку не могут. Люди сами начинали подаваться в стороны, едва заметив кто именно проламывается сквозь плотные ряды, хотя это было и мудрено, но у них получалось. Когда он оказался в центре скопления людей, увидел двух баб, склонившихся над телом женщины и выкрикивавших крики о помощи. Быстрого взгляда оказалось достаточным, чтобы узнать в распластавшейся на земле, возле крепостной стены женщине никого иного как давешнюю разбитную бабенку Милу, что была на сносях и коей бабка Любава прочила еще пару дней до родов.

— Чего тут, — присаживаясь на колено и нащупывая живчик на шее, угрюмо бросил Виктор. Опешившие бабы тут же позабыли голосить и одна из них, глядя изподлобья на страшилище пристроившееся рядом, ответила.

— На стене она помогала, оступилась и вниз головой.

— Головой приложилась?

— Ага.

Виктор не нащупав пульса пошевелил голову покойницы и та как-то подозрительно легко качнулась в сторону. Похоже шею сломала. Он взял руку и попытался нащупать пульс на запястье. Тоже ноль. Положил руку на грудь. Вроде тоже ничего. А хотя, вот что-то так слабенько, нет не там, где он пытался почувствовать сердцебиение, но он явно что-то почувствовал. Показалось? Нет, вот опять. Сам не зная отчего, еще ничего не осознав, он положил ладонь на вздымающийся живот мертвой женщины. Вот оно. Когда Голуба ходила тяжелой он ни раз и ни два прикладывался к ее животу, чтобы почувствовать толчки беспокойной Нежданы. Ни с чем иным он это не мог спутать.

Времени на раздумья нет. Впрочем, вполне возможно, что и есть, откуда ему-то знать, он чай не лекарь и не повитуха. Единственно в чем он был уверен, так это в том, что женщина мертва, уж это-то он определил точно.

— Вот, что. Пошли отсюда все, — но толпа и не думала расступаться, тогда он поднялся на ноги и в мгновение обведя всех пристальным взглядом рыкнул, — Кому сказал, пошли прочь!

А вот этого оказалось достаточным, связываться с этим сумасшедшим слившим уж реки крови никто не пожелал. Буквально несколько секунд и рядом никого. Нет, толпа его не остановила бы, но то, что он собирался сделать было настолько диким, что вполне возможно, какая из баб попыталась бы ему помешать, а тогда могло случиться все что угодно. Опустившись опять над трупом он выхватил боевой нож и разом вспорол платье и нижнюю рубаху после чего мысленно перекрестившись рассек плоть…

— Ты сынок на молодку не серчай, — при этих словах, молодой боярич аж скривился. Еще бы, такое вольное обращение. Но Бабка Любава словно и не видела ничего, — Если бы еще денек протянула, то потеряли бы вы мальца. Как есть потеряли бы.

— Так теперь все в порядке? — Крепко прижав к себе младенца, с надеждой спросила Смеяна.

— Будет в порядке, — убежденно поправила ее старуха, — поживешь в крепости, полечим твоего Ратиборушку, выправится никуда не денется, будет еще радовать вас и докучать своими шалостями.

— Думаешь ли о чем говоришь старая, — вскинулся Боян. Вот ведь, его дитя с того света тянут, а он…

— Боян, — не выдержал Градимир. Понятно, что она стоит много ниже, но ить услугу неоценимую оказала, опять же года уважения требуют. — Я тебе не отец, но не думаю, что тому тебя батюшка твой учил. А ты бабушка, нешто не ведаешь, что творится окрест. Может, вместях со Смеяной в Звонград поедете.

— За заступничество благодарствую, да только мне никуда ехать не нужно. Я все мамке обскажу, настои и травки дам, сама управится, я только изредка навещать буду, глянуть, что да как. А вот мальцу ходу отсюда нет. Не перенесет он пути. В доме, в тепле и уюте ему надлежит быть. Потому, хоть земля разверзнется, а в дорогу ему никак нельзя. Смерть это верная. Ох, Отец небесный! Натворил чего, горячая головушка?!

Градимир и Боян недоумевающее переглянулись, уж слишком резкая произошла перемена с бабкой. Но в следующее мгновение

сообразили, что восклицая это, она смотрела вовсе не на них, а куда-то им за спину. Поняв это они обернулись, туда же взглянула и Смеяна, все так же прижимая к груди притихшего младенца. К подворью со всех ног бежал Доролюб, с окровавленными лицом и руками, в которых сжимает скинутый с плеч кафтан. Бежит так, словно за ним сто чертей гонятся и вот-вот нагонят.

— Бабушка! Нежданa!

— Чего голосишь? Натворил чего?

— Нежданa, — протягивая ей свернутый кафтан, который тоже в крови произнес мужчина.

И вот ведь странность, лик страшен настолько, что казалось кроме свирепости на нем ничему иному места быть и не может, но вот читается в нем и страх, и растерянность, и тревога, и еще Бог весть что.

— Мила?

— Со стены, насмерть расшиблась.

— Ох, Отец небесный.

Никто толком еще ничего не понял, а бабка уж выхватила из его рук кафтан, подозрительно так пискнувший, и стремглав унеслась в дом. Добролюб за ней. Ага, размечтался, дверь прямо перед носом захлопнулась, только и услышал.

— Тут побудь.

А что делать. Остался в прихожей, переминаясь с ноги на ногу. Через пару минут, бабка вновь появилась на крыльце и глянув на Смеяну, спросила.

— Мальца-то грудью кормишь?

— Кормлю, — растерянно ответила она.

— А ну подь сюды.

Вот расскажи кому, не поверят, но никто даже и не подумал возражать властным распоряжениям лекарки, а молодая мать покорно прошла в дом, все так же прижимая к себе дите. Когда она вошла в уже знакомую комнату то увидела, что на столе лежит туго спеленатый младенец уже начавший хныкать, по опыту знала, вот еще чуть и округа огласится громким и требовательным плачем. Бабка указав на стол, где лежал младенец все так же властно распорядилась.

— Покормить нужно. Давай, сынка подержу.

Боярская кровь она крепка, настолько крепка, что гордости и гонору ей не занимать. Смеяна всегда знала какое положение она занимает и цену тому положению. Вот только материнские чувства они нечто особенное и при виде дитя возникают иные понятия, потому как Смеяна ни на мгновение не задумавшись, тут же согласно кивнула, сунула Ратибора в руки старухе, а сама

взяла кулечек и выпростала грудь.

— Ох.

— Что милая?

— Ну и хватка у него.

— У нее. Девка. А что хватка крепкая, так чего удивляться, кровь она не водица. А ты чего же сама кормишь, никак мамку сыскать не смогли? — Недоверчиво поинтересовалась старуха.

— Отчего же. Есть мамка, у воеводского дома осталась. Только матушка сказывает, что дите непременно должно материнским молоком вскармливаться, в нем сила. Вот коли моего не достает, то кормилица подкармливает.

— Мудра твоя матушка. От ить беда, как быть и не знаю.

— Что стряслось-то?

— Да по всему видать мать ее уж преставилась, не знаю как там и что, но догадку имею, что расшиблась она насмерть, а Добролюб, аспид наш местный, развалил ей уж мертвой живот и вытащил дитя.

— Это как же так-то? — Что это? Никак страх в глазах мелькнул? Ну, а чего же удивительного, страсти такие рассказывают.

— А вот так. Если поспеть вовремя, то дитя спасти можно. Он поспел. — А вот теперь в глазах молодой матери что-то на восхищение похожее, не каждому дано, вот так вот, как Добролюб, — Эвон и пуповину обрезал, как Бог положил. Но видно Отец небесный любит его и длань над ним свою распростер. А как теперь быть и не знаю. Нет среди местного люда кормящих матерей. Не упомню чтобы такое было, прорва народу и ни одной с грудничком.

— Так беда-то в чем? Чай коровки не перевелись. Понятно, что сейчас молока взять было неоткуда, но в крепости коров много, сама видела.

— То так, да только слаба она еще, ей хоть недельку материнское потребно. Ну да Бог не выдаст. Коли направил туда Добролюба, иной вряд ли решился бы, глядишь, еще разок Нежданe поможет.

— Нежданe?

— Разве не слышала, как он ее величал? Видно дочурку покойную в ней узрел. Теперь никому не уступит, себе заберет, а и по праву.

— Как так?

— Дак его это дочка, от того и прежнюю в ней сразу узрел. Кровь она сильнее любых уз будет.

— Бабушка, нам ить все едино тут оставаться, так давайте мы к себе ее пока заберем. Мамка-то своего в дому оставила, у

родственницы, а как покормит, так и сцеживает, чтобы не перегорело молоко, так что беды в том не будет.

— Ох-хо-хох, доченька. Тут и без того не ведаю, как быть, натворила старая головушка, совсем уж ума лишилась.

— Что случилось-то?

— Да случилось, красота ты моя ненаглядная. Ить какое дело, ребеночек этот не от честной мамки, а от гулящей.

При этих словах Смеяна непроизвольно дернулась, от чего Нежданна выпустила грудь и тут же потешно зашевелила губами, стараясь вновь ее выискать. Старуха только виновато улыбнулась и собиралась поменять детей, дабы вернуть матери законного и забрать незаконнорожденную. Однако боярышня удивила ее, слегка обернувшись, словно желая сказать, не трогай, поправила грудь и девчушка тут же вцепилась в сосок, вырвав очередной непроизвольный вздох и улыбку кормилицы.

— Грехи они на родителях, — внимательно глядя на младенца убежденно проговорила она, — в детях нет греха, они чисты и замараться о них нельзя. Так матушка сказывала.

— А как же Боян?

— Было дело, что род наш едва не пресекся и стараниями простого люда, спасшего моего прадеда во младенчестве, вновь возродился. Дети боярские молоком холопским взращиваются. А как инако, так и нельзя?

— То иное.

— Поймет, — убежденно тряхнула она головой, уверенная в своей правоте и в своем любом.

Тем временем, наскоро ополоснувшись, Виктор отправился заниматься похоронами Милы, которая все так же лежала у стены, прикрытая остатками платья и платком. Когда он пришел, то обнаружил, что крестьяне не оставили тело без догляда, ее уж успели обмыть, а рядом двое мужиков наскоро ладили гроб из грубо отесанных досок. Его встретили косыми взглядами, осеняя себя косым крестом. Однако, когда узнали, что с девочкой вроде как порядок и о ней сейчас справляет заботу старая лекарка, вроде поостыли и если косились на Добролюба, то это уж по старой привычке. К детям отношение здесь было особым и тот кто не страшась ничего спас ребенка отношение уважительное. Вот кабы иначе… А раз так, то…

Время горячее, потому с похоронами затягивать никто не стал. Снесли покойницу в церковь, где батюшка ее отпел, а потом на погост. Виктор не скупясь уплатил всем за старания и помощь, были и те кто отказался, нашлись и те кто принял деньгу. Одним словом все вышло по людски. Ну, почти все. Обошлись без поминального обеда, но Волков всем присутствующим раздал

деньгу, чтобы помянули покойницу и тут уж никто отказываться не стал, потому как то уж иное.

Глава 2

— А как не станут гульды на постой в Тихом?

— Куда они денутся. Чего становиться в чистом поле, коли вот она деревня, нетронутая и обжитая. Так что Кот не сомневайся, встанут, ночи еще прохладные, уж офицеры не откажутся расположиться в домах, — убежденно проговорил Виктор.

Парень только пожал плечами и быстро пристроив на срубе бурдюк вынул затычку, потом придавил сверху, чтобы побыстрее опорожнить его. Тугая струя тут же зажурчала падая в колодец. Оно конечно, у бабушки выдался тот еще денек, но дело она сделала, в основном за самим процессом следил Тихоня, но лекарка заверила, что все в порядке и варево удалось.

В Тихое они прибыли уж ближе к полудню, в селе все еще оставалась часть мужиков пребывавших в надежде, что беда их все же минует и ворог пройдет стороной. Наивное желание, учитывая то, что вдоль Турани только одна дорога до Обережной и иного пути у гульдских полков быть не может. Пришлось доходчиво разъяснить, чтобы не маялись дурью, попрощались с домами, потому как их все одно пожгут, да уходили в леса к своим близким. Только выпроводив селян приступили к колодцам. Те еще чего доброго могли бучу учинить, иди с ними мучайся, успокаивай, да отгоняй. А то как же, потравят колодцы, а как потом из них воду пить, опять же отрава она так или эдак уйдет, а как гульды потравятся тогда лютовать начнут и дома точно пожгут. Можно подумать, что когда-нибудь иначе было, но поди то крестьянам объясни, которые до последнего на лучшую долю надеются и думают, что может все же пронесет.

В путь как и планировалось, они выдвинулись ближе к полуночи, как только взвар был готов, хотя тот должен был войти в силу только когда полностью остынет, но времени для этого было предостаточно. Соболя Виктор отправил в лесной стан, где базировался десяток Горазда еще засветло, как только управился с похоронами. Волков не хотел доверяться только возможности устроить тем полкам искусственную дизентерию. Мало ли как оно обернется, а допускать гульдов к крепости он теперь не хотел ни под каким предлогом и не только приказ Градимира тому причиной.

Поначалу планировалось просто потравить колодцы, попадутся на удочку хорошо, нет, тогда пропустить их к крепости, устроив по пути кровавую баню с помощью имеющегося под рукой снаряжения. Не сказать, что у него было достаточно

средств, все же много с собой взять он не мог, поди все это сохрани в тайне. Однако, десяток одноразовых картечниц, по десятку надствольных и по шесть ручных гранат в наличии имелось. Люди вооружены нарезными карабинами, и имели опыт их использования с расстояния в шестьсот шагов. Так что мало гульдам точно не показалось бы. А когда расположились бы лагерем напротив Обережной, он планировал и дальше портить им кровь, для чего привлечь и второй десяток и остальные средства остававшиеся в тайном стане, где сейчас находились и все обитатели постоялого двора, с самим подворьем он уже простился. Ерунда, главное это люди.

За Градимира и полки, что выдвинутся навстречу противнику он не переживал, потому как во-первых, сразу упредил воеводу, если вдруг не будет от него посланника, то тот должен будет отходить к крепости, во-вторых, он своими действиями намеревался отсрочить подход врага к Обережной на сутки. До вечера он с парнями кружил бы коршуном над противником, а к ночи они и сами остановились бы. А там и еще один переход.

Вот только все эти планы пошли псу под хвост. Поначалу в крепости появилась Смеяна, вновь заставив учащенно биться его сердце, хотя уж давно мужняя жена и успела стать матерью. Потом Неждана. Что творилось у него на душе когда он взял в руки младенца, он не смог бы объяснить, хоть бы от того зависела его жизнь. Словно кто-то переключил какой-то неведомый тумблер, вот был один человек, а вот уж совсем иной. Нет, в нем не проснулся альтруист и он готов был сражаться с врагом вторгшимся на землю, ставшую для него родной, вот только это уже не было самоцелью. В этот момент он просто обрел новый смысл жизни, вот этот маленький комочек, зашедшийся плачем в его руках. Может то было наваждение, но в этот момент он увидел перед собой Неждану, и сколько не тряс головой наваждение не пропадало.

Потом выяснилось, что Смеяна не может покинуть крепость, так как ее намертво привязал ребенок, а там и Неждана вдруг оказалась в ее руках. Виктор хотел вывезти малышку в лесной стан, чтобы передать ее в заботливые руки Беляны. Материнское там молоко или еще какое, он верил что все обойдется, тем паче что и бабушку собирался отправить туда же, как бы она не брыкалась. Никого из дорогих его сердцу оставлять здесь он не собирался, потому как если не удастся сдержать гульдов, падение крепости только вопрос времени, а штурм будет кровавым, сомнений в том не было.

Все прахом. Оставить Смеяну в таком опасном месте он не мог. Неждану, под самым благовидным предлогом не отдал

воевода. Не было в его словах угрозы, была только забота о ребенке, сиротинушке неприкаянной. Что тут скажешь, воевода тут закон, а в условиях войны и подавно, ему определять кому удочерять малютку, вроде все в пределах, вот только власти обычно не лезли в эти дела, если только какие семьи не подерутся кому брать о ребенке заботу. Ага, вот такая ипидерсия, даже если не было родни, чужие люди без вопросов, а глядишь еще и вперегонки, тянули детишек в свою семью, хотя и с достатком не очень. Не знали тут приютов, не существовало их и все.

Умен все же Градимир. Как он четко сумел уловить настроение Виктора и упредить его действия. Волкову поначалу было и невдомек, что основную роль в том сыграл не воевода, а Смеяна. В молодой женщине подспудно появилось желание оставить девочку при себе и то, кем была мать малютки, ее ничуть не смущало. Боян и слышать не желал, чтобы его сын и плод гулящей бабы были вскормлены одной грудью, при этом он помышлял даже не о своей жене, а о кормилице. Смеяна стояла на своем крепко, прижимая к себе двоих детей и заливаясь слезами. Вот выправят девочку, материнским молоком, а потом уж можно будет ее и отдать, ить нету здесь кормящих, на сносях есть, а с грудничками нет.

Иди и воюй с бабой в которой мать заговорила, этот голос никакими вожжами не заставишь замолчать. Бывали случаи когда молодка с младенцем быстренько забежит в дом к соседке и попросит присмотреть за дитем, чтобы ненароком не зашиб разбушевавшийся муж, а сама шмыг обратно в дом, под мужние крепкие кулаки. И бьют ее смертным боем, и блажит она от боли, и пощады просит, и старается как-нибудь успокоить разошедшегося мужика, а душа ее спокойна, потому как дите пристроено под доглядом товарки.

Пока Смеяна припиралась с мужем, Градимир отошел в сторонку, оно конечно дочка, но чай уж замужем в иной семье, где свой уклад, не след туда влезать. Подошел к бабушке да задал пару вопросов, вроде как и заботу о малютке проявляет, но что нужно вызнал у бесхитростной лекарки. Не доподлинно, да достаточно, чтобы понять, Неждана сейчас крепче всякой цепи привяжет Добролюба к крепости и заставит превзойти самого себя. Ни на минуту воевода не упускал того, что обязан исполнить повеление Великокого князя, хоть на пупе извернись.

Вернулся к Бояну и попросил закончить тот разговор в доме, нечего Ратибора хворого на улице держать, да разговоры разговаривать при честном люде. Смеяну с детьми посадили в карету, а с зятем Градимир пошли пешком. О чем они

разговаривали, Виктору уж было неведомо, так как о произошедшем он узнал от бабушки Любавы, но догадаться мог, потому как ненавидящий его Боян отчего-то сменил гнев на милость и позволил Смеяне оставить на время девочку у себя.

— Что Вепрюшка, екнуло сердечко?

— Не то слово бабушка, словно в тески угодило.

— Иначе и быть не может.

— Отчего же?

— Так твоя дочка, касатик. Ты не гляди на меня как на умалишенную, уж кто-кто, а я знаю что говорю. Я твою Неждану не видела, но уверена, что они одно лицо.

Это как же так-то. Ведь за все время он только раз и позволил себе. Не было больше желания, только тогда, когда вернулся из Звонграда, после свадьбы своей первой настоящей, безответной и безнадежной любви. В него тогда словно бес вселился, а потом ничего, отпустило и снова, словно той потребности у него и не было. Но права бабка, прежняя Неждана и нынешняя одно лицо.

После разговора с лекаркой он бросился в воеводский дом, дабы забрать ребенка и получил отказ, мол недосуг тем делом заниматься, сиротка под доглядом, так чего о том разговаривать, тут нужно думать как ворога бить. Понимал Виктор воеводу, не одобрял, ярился, камень за пазухой тяжкий заимел, но понимал. А еще понял, что этого не простит ему. Мелькнуло было желание силой забрать Неждану, да та мысль сразу погасла и не полусотня оружных стрельцов, отчего-то рядом с воеводским домом оказавшихся его остановила. Ну, заберет он Неждану, и что дальше? Как быть со Смеяной? Разорвать сердце надвое? Не было у него иного выхода, как не допустить врага к крепости.

Передовой разъезд драгун появился уж ближе к вечеру, как видно, гульды были уверены в том, что если гарнизон Обережной и выйдет им навстречу, то так далеко от крепости отходить не станет. Буквально через час начали втягиваться и остальные части. Первый полк прошел село насквозь и встал лагерем перед небольшой речушкой, впадающей в Турань, сразу же выставив охрану у моста. Не меньше двух рот переправились на другой берег, у моста выставили караул с обоих берегов.

Речушка-то вроде и не большая, но глубокая, сходу так и не переправишься. Будь село поближе к крепости, то Градимиру достаточно было встать на ее берегу и ходу тем полкам дальше не было бы. Но это с одной стороны, а с другой, противник мог подогнать речные суда и куда как быстрее сплавиться по Турани к Обережной. А сколько в том гарнизоне оставалось бы? Вот то-то и оно, потеряли бы крепость. Начни воевода отступление и на его загривке повисли бы гульды. Не было гарнизону сюда ходу,

слишком далеко, оттого и не рассматривался этот вариант.

В самом селе остались только драгуны, артиллерия, повозки с припасами, да как и ожидал Виктор, в дома встали на постой офицеры. Второй полк в село входить не стал, разбил лагерь перед ним. Как видно с переправой не торопились. Сомнений в том, что славени не решатся на атаку вдали от Обережной у командира не было, но на всякий случай он все же решил перестраховаться и иметь рубеж в виде реки дабы избежать внезапного нападения, а двух рот в качестве заслона на том берегу, если кто решит устроить налет и пожечь мост, вполне достаточно.

Вот солдаты начали разводить костры, да устанавливать треноги, пора было озаботиться ужином, ведь целый день на марше, это не шутки. Виктор был удивлен, отчего противник не задействовал речные суда, как в прошлую компанию, но потом пришел к выводу, что те сейчас, скорее всего, заняты обслуживанием основной армии, этому же корпусу вменялось всего лишь, взять под контроль тракт. В том, что никто не станет отправлять помощь осажденным они похоже не сомневались, да и то, какая помощь, коли сейчас думы не о том.

Сведения принесенные Виктором, еще до конца зимы получили свое подтверждение из других источников и Великий князь приступил к подготовке. За зиму в пограничные крепости завезли припасы, пополнили арсеналы оружием, так чтобы их коменданты могли вооружить большее число ополченцев. Вот только подкрепления направили лишь в Обережную, имеющую наибольшее значение.

Как только земля просохла, двинулись к границе и полки. Великий князь решил дать бой гульдам и вывел к Турани семидесяти тысячную армию. Гульдов оказалось меньше аж на десять тысяч, но это не помешало им переправиться, причем в самые сжатые сроки и изготовиться к встрече славенского войска. Там у Турани и произошло сражение, которое Миролюб вчистую проиграл Карлу, несмотря на превосходство и в людях и пушках. В этом бою в высшей степени проявили себя полки нового строя, под командованием иноземных офицеров, служивших за славенское золото, и нужно признать, служивших исправно. Но те полки не составляли и трети от общего числа. Карлу удалось опрокинуть стрельцов на левом фланге и обратить противника в бегство.

Вот тут то и проявили себя новые части. Мало, что они непреступной стеной стояли в центре, так еще и приняли на себя основной напор ринувшихся в наступление гульдов. Ведя арьергардные бои, отбивая одну атаку за другой, истекая кровью,

они сумели сбить наступательный порыв противника, отступить в полном порядке и предотвратить избиение армии. Именно благодаря им, кампания не закончилась, едва начавшись. Армия брячиславцев отошла в полном расстройстве, но она не была разбита окончательно.

Гульдам тоже изрядно досталось в том сражении, поэтому две армии сейчас стояли лагерем друг против друга и зализывали раны. Обе стороны спешно готовились к новому сражению. Вот и выходило, что если подкрепления будут отправлены, то к Кукше, где сейчас находился Миролюб, но никак не к Обережной. Насколько было известно Виктору, гульды даже не стали брать пограничные крепости, хотя те были деревянными и огненному бою долго противиться не смогли бы, вместо этого к Ладе были отправлены по два полка, чтобы держать ее под контролем, это Карлу было куда более выгодно, чем ослаблять свои силы в штурмах не имеющих большого значения крепостей. Вот если бы разгром был бы полным, тогда дело иное, а так, лучше не торопить события.

Так, а это еще что за новости? Вон же колодцы со столь желанной холодной и чистой водой. Так куда же вас черти несут? Выходит зря бабушка извела припасы трав. Не вышла ловушка, не попались гульды. Вот ведь напасть. Солдаты вооружившись различными емкостями направлялись к речушкам, ручьям, к самой Турани, но никак не к подготовленным для встречи дорогих гостей колодцам. Видно из прошлого они сделали правильные выводы и были готовы проделать лишний путь и использовать воду чуть погрязнее, чем проверять, решатся ли брячиславцы потравить свои колодцы или нет.

Виктор наблюдал за селом через подзорную трубу, а потому все мог разглядеть в деталях. Качество панорамы так себе, по центру вполне приличное приближение и приемлемая видимость, по краям все расплывается, но зато стоит безумных денег. Волков очень сильно сомневался, стоит ли вываливать огромную сумму за некачественный товар, но его уверяли, будто качество самое что ни на есть высшее. С другой стороны, может так оно и было, поди изготовь в нынешних условиях хорошие линзы.

— Никак зря старались, — в сердцах посетовал находящийся рядом Зван. У него подзорной трубы нет, но тут и невооруженным взглядом видно, что обычной в таких случаях суеты у колодцев нет и в помине.

— Выходит, что зря, — столь же разочарованно крякнул Виктор.

Значит не по нраву вам колодезная вода. Что же, видит Бог он хотел обойтись малым, а раз так, то придется действовать

иначе. Вот только нужно бы все доподлинно рассмотреть, что там у них да как, чтобы впотьмах чего не напутать. На тот случай если гульды не попадутся на крючок, он собирался действовать совсем иначе, доставить беспокойства гульдам, пустить им кровь, но без особого риска для себя и своих людей. Сейчас ситуация поменялась в корне. Не мог он позволить гульдам дойти до крепости, случись, голову готов был свою положить, но заставить их повернуть восвояси.

— Что делать-то будем атаман? — Когда они вернулись к остальным, задал интересующий всех вопрос, Зван.

— Вы отправитесь к месту встречи с Гораздом и приведете на определенную мной позицию. С рассветом, когда они начнут готовиться к выступлению, взорвете мост, да обстреляете их из минометов и гранатами. Как с тем покончите, отходите. Найдете удобное место, снова устроите засаду и повторите. Как выйдут все сюрпризы, уйдете в леса и станете досаждать ворогу, по мере сил и возможностей, ну, а коли не схотите, то и винить мне вас не в чем. Зван передашь Горазду, что я велел указать где малая казна, там поболе вашей доли будет, так что обмана с моей стороны нет.

— Ты никак прощаешься с нами, атаман? Что удумал-то? — Внимательно глядя на Виктора спросил Зван, а и то, все выглядело так, словно вожак их свою последнюю волю высказывает.

— Не знаю, сумею ли воротиться. Однажды такое уж проделал, но случится ли то везение вдругорядь, Бог весть. Те повзки, что в центре села, там и продовольствие и боевые припасы, эвон и пушки там же. Хочу прокрасться да подпалить огневой запас, коли полыхнет, то гульдам почитай и не с чем будет воевать. Опять же, командиры их почитай все в домах расположились, может удастся и их приголубить тем взрывом, не всех, но многих.

— А отчего сам-то? — Это Куница не выдержал, а то как же, в отсутствии Соболя он первый разведчик. Задело видать.

— Потому как там гульдами все кишит. Потому как мне есть за что так рисковать. У вас той причины нет.

— Ты нормально-то сказывать можешь? — Вновь не выдержал Зван.

— Дите, то что я вынул из чрева Милы… Моя то дочка. Нежданна.

— Ой ли? — Усомнился Куница. — Мила она разбитная бабенка была, да и ты, только раз к ней и хаживал.

— Моя то дочка. Когда на руки взял, сразу в ней Неждану признал. Опять же, бабушка сказывала, а она в том толк знает.

Хотел было вывезти ее из крепости в лесной стан, к Беляне, да воевода сиротку под свое крыло взял, сказывает апосля пристроит, а покуда в его дому есть кормилица, они и присмотрят. А и то, кто я ей по закону?

История Виктора и чему он свирепостью своей обязан, были известны всем, а потому и на что он готов ради дочери ни для кого удивительным не было. Да чего там дочь. Было дело, он ради них, людей по сути чужих для него, не колеблясь пошел на плаху. Обошлось, не без того, но кто знал, чем все обернется.

— А ведь сказывал я тебе, атаман. Воевода, тот благоволит тебе, но думки завсегда свои имеет, — Вздохнул Зван. — Что же ты нам раньше не сказал, что там дочка твоя. Выкрали бы. Да и сейчас все еще можно, тем паче, что в крепости гарнизон нынче не тот. А атаман? Все ладно сделаем. А как гульды к Обережной подступят, то и кровь гадам пустим, в сторонке отсиживаться не станем, присягу исполним. Все будет по совести, но только не из подпалки.

— Думал о том. Но ить там еще есть…

— Чего замолчал? Сказывай, — поторопил Зван.

— Не важно. Не могу я иначе. Нужно не допустить гульдов к крепости, а как мы тут набедокурим, то и у воеводы шанс одолеть ворога появится. Людишек мы покосим, припасов лишим, багенетами они много не навоюют.

— Темнишь ты атаман, — покачал головой Куница, — но не хочешь сказывать, то воля твоя. Только в стан к ворогу лезть одному не дело, кто нить должен и спину прикрыть, так что я с тобой. Вот только не дело тебе самому идти, твою рожу и ночью признать недолго.

— Сказываю же, то дело мое.

— Так ты за себя и решил, а мы за себя. Верно сказываю, браты, — задорно улыбнулся Зван.

— А то.

— В корень зришь.

— Ага, — загомонили ватажники.

— Так что атаман, думку думай, что мы вместе делать станем, а не порознь, — закончил Куница.

— Спасибо братцы. До гробовой доски не забуду.

— Это мы нипочем не забудем, — возразил Зван. — Были мы тати, без роду, без племени, подле плахи обретающиеся, а сегодня в люди вышли. Служим, не без того, да только уж не хоронимся по чащобам. Так что сказывай, что делать.

— Кот, отправляйся к Горазду и веди туда куда я указал.

— Ясно, — тряхнув головой, парень тут же направился к лошади. А чего время терять, его похоже вовсе не осталось, так

что поспешать нужно. Поди еще Горазда найди.

— Куница, — продолжал Виктор, — тебе как и уговаривались, рвать мост.

Переправа через речку была заминирована, оставалось только дернуть за бечевку, что в камыши прибрежные тянется: был мост и нет моста, как и тех, что на нем будут находиться. Это они проделали, на случай если противник не отвернет потравившись колодезной водицей. Так сказать пустить первую кровь. Куницу же на эту роль отвели как самого лучшего разведчика, ведь хорониться придется не далее как в полутора сотнях шагов, в качестве прикрытия только камыши, да откос берега, немного выдающийся в воду, это чтобы обломками моста не зашибло. В принципе, мост гульды восстановят довольно споро, и материала в виде изб сколько угодно, но минимум на полдня это их задержит. А там можно и еще врезать.

— То не дело, — возразил браконьер. — С тем почитай любой справится, а вот моя духовушка, очень даже может пригодиться когда в лагерь пойдем. Шума она не создает, бьет, что мушкет, а управиться с ней кроме меня некому, разве только ты, да у тебя иных забот хватит.

— А то я не ведаю, да только в лагерь мы ночью пойдем, а мост рвать утром станем, — возразил Виктор. — Опять же, ты близко окажешься, так что пока мы шорох наводить станем, под шумок сможешь офицеров подвыбить, только высматривай кого поважнее.

— А вот это добре, — обрадовавшись, что никто не собирается его лишать удовольствия прогуляться к гульдам, с улыбкой заявил разведчик.

— Да смотри, рвануть нужно будет, как только на мост взойдут драгуны. Они должны будут выдвигаться первыми.

— А коли пехота пойдет?

— Вряд ли. Но если так, то как только увидишь что народу много, так и рви.

— Понял.

— Зван, как и условились, расположитесь на той позиции. Минометами бить по тому берегу, да только когда народу поболе набежит…

— Так ты же… — перебил было помощник.

— Мы можем и не вернуться, — оборвал его в свою очередь Виктор. — Да не забудь тогда уж кого отправить в камыши.

— Ясно, — вздохнул тот в ответ, а чего не ясного, все под Богом ходят.

— А раз всем все ясно, тогда пошли на опушку, будем копать позиции, как говорится за себя и за того парня.

— Это за какого?

— Ну дак ребята с Гораздом когда появятся Бог весть, может и на рассвете, когда же им окапываться.

— Это и под минометы выходит копать будем?

— А ты как догадался, Зван?

— Э-эх, мало того, что эти бездельники и половины не хватили, что мы, так еще и копать за них.

Ну да, дедовщина она не в советской армии появилась, так что парней понять можно. Однако, нужно отдать им должное ворчать то ворчали, но за работу принялись дружно, не забыв помянуть и Кота, самого молодого из них, который избежал нудной работы. Виктор и Куница так же взялись за саперные лопатки. Нужно было дать успокоиться гульдам, а раз так, то по одному окопчику для стрельбы с колена они подготовить сумеют, все помощь.

Место определенное им для устройства засады, представляло собой открытое поле. На этом участке лес отступал от берега метров на триста-четыреста, крестьяне по обеим сторонам от деревни устроили росчисти под пашни, на противоположном берегу речушки отвоеванное у чащи пространство было куда более обширным. Так вот от опушки, где они сейчас устраивали позиции, до окраины села было примерно четыреста метров. Практически идеальные условия для воплощения задуманного, потому как гульдам придется подбираться к ним по открытой местности, и если все пойдет как задумано, то выступить смогут только две роты солдат. Многовато, но остановить их вполне реально.

Еще загодя Виктор составил таблицу с ориентирами. Беда сегодняшней артиллерии была в том, что при всей своей мощи, разумеется на данный момент, она не отличалась точностью. Причин тому было много. Ядро или бомба так же как и пуля в стволе имела зазор, от чего точность стрельбы была ниже. Если с гладкоствольными мушкетами проблема во многом решалась при помощи пули Нейслера, то к пушкам подобное не применишь. Навеска пороха не всегда была одинаковой, сравнительно недавно начали применять картузы, но не повсеместно, да и там с точностью было так себе. Не малую роль в этом решала и точность определения дальности и прицельные приспособления, зачастую стрельба вообще велась на глазок, что при низкой скорострельности было существенным недостатком.

У Виктора со скорострельностью все было в полном порядке, по нынешним временам практически пулемет, но имелась иная проблема, ограниченность в боезапасе. Богдану, при всем его усердии удалось запасти не так чтобы и много боеприпасов. Вот с

прицелами был практически порядок. Конечно не оптика, а некое подобие квадранта, но все одно получалось довольно не плохо, недостающее компенсировалось большим количеством осколков и радиусом поражения компенсирующим неточность прицела. Но все еще оставалась проблема с определением дальности.

Чтобы решить эту проблему, Виктору пришлось во время последнего посещения столицы навестить одного математика и кое-чему у него поучиться. Ну, не помнил он тригонометрию. Геометрию еще туда сюда, типа пифагоровы штаны на все стороны равны. Что же касается всяких там синусов, косинусов и тангенсов, полный провал, правда тут они назывались иначе, но не суть, потому как без них тут никак. Другое дело, что ему постичь эту науку оказалось куда как проще, чем местным. Пришлось слегка раскошелиться на оплату ученому, потом и на покупку квадранта, который он собирался использовать как дальномер, но на круг, с учетом предстоящей экономии боеприпасов, а вернее эффективности их использования, должна была получиться просто колоссальная экономия.

Так что несмотря на то, что Горазд должен был подвезти только два миномета, проблем они должны были наделать много. Ну не принято тут прятаться от арт-огня, а даже совсем наоборот, выстраиваться в линию, да еще и в несколько шеренг, и изображать из себя стойких оловянных солдатиков. В свете этого, свое веское слово должны были сказать и гранаты, метаемые при помощи мушкетов. Одним словом, веселье обещало оказаться еще тем.

Нормально. Они что вообще больные на голову или все же понатыкали тут секретов. Вообще система охраны Виктору нравилась. Организовали несколько постов, по десятку на каждом, и эти архаровцы запалили костры подле которых и устроились, с двух сторон не дальше двадцати метров маячат часовые, остальные у огня. Разрывы между такими постами довольно большие, в рост не пройти, но если ползком очень даже возможно. Вот именно это соображение и навевало мысль о секретах.

Виктор и Куница напялив маскировочные балахоны довольно медленно, ползком преодолели линию охранения, так и не обнаружив ни одного секрета. Было дело прошло пара патрулей, а вот секретов ни одного. Получается весь расчет делался на ту охрану, вскрыть которую не составляло труда. Да что же они тут ничего не слышали о диверсантах? Хм. Вообще-то не слышали. Ну и слава Богу.

Зайдя за охранный периметр, они поднялись и совершенно открыто пошли в направлении домов. Тут теперь главное не

приближаться слишком близко к караульным и не оказаться на пути очередного патруля. Лишнее это. Как и предполагал Виктор, два солдата, в такой же форме как и все в лагере, особого интереса ни у кого не вызвали. Ну, это знакомо еще по прошлому разу, когда он подорвал пороховой погреб у Обережной. Основная масса уже улеглась отдыхать, все же назавтра очередной трудный переход, но и бодрствующие тоже имелись.

Хорошо все же, что крестьяне оставили село, уведя с собой заодно и всех собак. Иначе бреху было бы… С другой стороны, по улицам все время передвигались два патруля, так что кого облаивать им было бы и так. Село было довольно компактным, имело две улицы пересекающиеся под прямым углом, одна это дорога нанизывающая на себя все населенные пункты вдоль Турани, вторая сбегает непосредственно к берегу. По средине небольшая площадь, вернее довольно большой незастроенный и не выгороженный участок на пересечении дорог. Вот к нему-то и стремились доморощенные диверсанты. Хотя, не такие уж и доморощенные, если припомнить, сколько им уже удалось наворотить.

Черт. Быстро же они ходят, или здесь больше чем два патруля. Виктор и Куница поспешили юркнуть за угол избы. Оно вроде и в форме, только вот лицом к лицу сталкиваться нежелательно и без того практически вплотную подошли совершенно не скрываясь, теперь лучше поберечься. И вообще, хватит ходить по дорогам, вот так вот тишком, огородами. Скромнее нужно быть, скромнее.

У повозок оказалось аж четверо часовых, вот только как всегда служба была организована так себе. Вместо того чтобы разойтись по сторонам и охранять обоз из полутора десятков повозок, тесно сбитых на площадке и по улицам, они встали по двое и лясы точат. Вот молодцы. Так держать. Одно плохо, повозка груз которой Виктор в подзорную трубу точно классифицировал как порох, стояла как раз в центре, неподалеку от парочки часовых.

— Может снимем? — Прошептал в самое ухо Куница.

— Ты страхуй, и если что начинай валить. Попробую все же по тихому пробраться, лошадей они увели пастись, так что может и получится, — скорее выдохнул, чем произнес Волков. Напарник только согласно кивнул и изготовился к бою.

Подобраться к повозке оказалось гораздо проще чем казалось. Сколько миллионов нервных клеток при этом погибло и какое количество адреналина сейчас бушевало у него в крови, вопрос иной. Главное, что часовые и ухом не повели, продолжая приглушенно разговаривать на своем гортанном языке. Вот она,

эта клятая повозка. Верный нож в руке. Этот булатный клинок ему достался с одного из убиенных драгун, тот наверное тоже с кого-то снял, великолепная сталь, отличная балансировка, удобная рукоять. С тех пор как он его взял в руки, так с ним и не расставался. Остро отточенная сталь легко взрезала парусину, при этом даже взведенный как боевая пружина Виктор почти ничего не услышал, о часовых продолжающих бубнить между собой и говорить нечего.

Ага, знакомые бочонки. Ухватив один из них, Волков аккуратно его приподнял, потом извлек на свет божий и опустил на землю. Пробочка на месте вот и ладушки. Второй. Тоже с пробочкой. Невольно вспомнилось, как он тогда под Обережной мучился с пробкой, вынуть которую получилось только ценой пары сорванных ногтей. Сейчас прошло все гораздо проще. Один бочонок без пробки положил набок и тут же у отверстия образовалась небольшая горка черного порошка. Второй на руки и просыпая непрерывную дорожку, все так же тишком уходить.

Добравшись до крайней повозки, Виктор дождался пока пройдет патруль, а потом дав им отойти двинулся дальше к Кунице. Вроде порядок. Вот и дальше бы так же, пошли, пошли, пошли. Все, стоп. И отошли достаточно далеко, по идее дома должны будут прикрыть и порох в бочонке кончился. Огниво. Высечь искру. Огненная дорожка быстро побежала к повозкам. Ходу!

Нет, насчет того, что удастся таким образом ликвидировать командование он конечно погорячился, но все одно получилось очень впечатляюще. Они были более чем в сотне метров от места взрыва, но их все же настигло одно из колес. И как только не попало? Тут без увечий точно не обошлось бы.

Сказать, что поднялась паника, это не сказать ничего. Оно и к лучшему. А что? Все куда-то бегут, что-то кричат. Вот и они беспрепятственно и совершенно не скрываясь выбежали за пределы села и растворились в темноте. Все хорошо, что хорошо кончается. Хм. В данном случае начинается. Что же, с почином.

Вообще-то он ожидал куда большего, ну да чего жаловаться. Уничтожение почти всего обоза тоже чего-то да стоит. Опять же пять изб снесло, и раскатало по бревнышкам, да и за околицей появились несколько крестов, эдак десятка с два. Чем не результат? Маловато конечно, но ведь основные войска были не в селе, так что столь низким потерям при столь внушительном взрыве собственно удивляться не приходится. И потом, наверняка есть и раненные и их как утверждает статистика должно быть куда больше, чем погибших, эдак раза в три. Почти сотня солдат. Нормально. Сейчас еще добавим.

Продолжая наблюдение, Виктор невольно припомнил события прошлой ночи. Что-то было не так. Он отчетливо это понимал, но уловить, в чем именно произошли изменения не мог. Наконец его осенило. Он боялся! Нет, он не столбенел от страха и медвежья болезнь себя никак не проявила, но он боялся погибнуть. Если раньше это было скорее нежеланием покинуть этот бренный мир раньше чем он сможет расквитаться, то сейчас это был именно тот самый страх, который он раньше всякий раз испытывал перед схваткой. С чего бы это? Странный вопрос, потому что ответ был на поверхности. Неждана. Она не просто появилась в его жизни, эта кнопка, которая еще и не видела ничего, вернула его к прежней жизни. У него появился смысл, тот якорь, который теперь удерживал его на этом свете. Этот страх был первым предвестником того, что жизнь налаживается и постепенно возвращается на круги своя. Нет, гульдов он не возлюбит, мало того, будет безжалостно истреблять, вот только той жажды крови уже не было, ему больше не хотелось рвать всех подряд, ему хотелось защищать и заботиться.

Закончив свои наблюдения, Виктор покинул пост и лесом двинулся в обход открытого места, к позиции на которой сейчас находятся его парни. Кот и Горазд очень легко нашли друг друга, придя к одинаковому решению, придерживаться дороги, а она тут одна. Перед рассветом все бойцы заняли свои места, ожидая команды Волкова. О том, что у них все в порядке Виктор сообщил лично. Куница сразу направился к своему месту, отведенному ему в этом представлении. Все говорило о том, что гульды не утихомирятся уже до самого рассвета, а при свете солнышка, поди проберись по тем камышам, да еще и поспей вовремя. Лучше уж так.

— Ну, что там? — Тут же подбежал Горазд.

— Порядок, — с улыбкой ответил Виктор. — Могло быть и лучше, но будем надеяться, что сейчас наверстаем. Только бы у Куницы все срослось.

— Срастется, — уверенно заявил парень.

— Твои как, трясутся?

— Есть такое дело. Ведь в деле еще не были, только тренировки. Мы со Званом их распределили вперемешку со старичками, чтобы случись они их подстегнули.

— Правильно сделали. Я что-то это упустил.

У Горазда было вообще-то не десять человек, а двенадцать, так что всего в отряде насчитывалось двадцать один человек. С боевым опытом у них было совсем погано, не отправлять же их в Гульдию для получения оного. Чревато. Да что там, даже старички ватажники имели только опыт коротких схваток или

диверсий, в настоящем бою никто из них не был. Виктор мог считаться исключением, но и его настоящая война осталась где-то там в далеком далеко, на прежней Земле. Вот и выходило, что сегодня для всех для них будет боевое крещение. Несмотря на отсутствие боевого опыта, молодые имели преимущество перед старичками, потому как все были обучены пользованию и дальномерами, и таблицами, а значит знали и грамоту. Они имели возможность куда больше упражняться в метании надствольных и обычных гранат, а так же стрельбы из миномета, этого оружия старички не знали вовсе. Так что недостатки молодняк мог компенсировать лучшей обученностью. А вот как они себя поведут когда начнут свистеть над головами пули, предстояло еще выяснить.

Стараясь не отсвечивать на открытом месте, Виктор прошелся вдоль линии неглубоких окопчиков. Если стоять на колене, то вполне приемлемо, над бруствером будет видна только голова, да и то лишь в оставленном секторе для стрельбы. При желании можно не отсвечивать и там, в конце концов гранаты можно запускать и навесом. Парни нервничают, причем все без исключения, а если быть более точным, то у старичков нервозность наблюдается куда больше, эти знают каково оно сходиться с противником и прекрасно отдают себе отчет, что даже если не случится осечки и мост взорвется, как ему и положено, на этом берегу уже находятся две роты пехоты, три сотни солдат. Против двух десятков много, очень много.

Соотношение один к пятнадцати, не баран чихнул. Все будет зависеть от того, насколько они хорошо поработали при создании нового оружия, от умелого его применения, а главное от того выдержат ли нервы. Молодые находятся в благостном ничего-неведении. Нет, они тоже вполне себе нервничают, но как-то не так, отстраненно что ли. Вот двое у миномета, деловито, и в который раз, перекладывают мины, чтобы было удобнее заряжать. Второй номер, передвинул два бурдюка надутые воздухом и имеющие медные трубки, способные достать до конца деревянного ствола. После десятка выстрелов случаются осечки, так как сгорающий порох выжигает кислород на дне ствола и бывает фитиль, пропитанный селитрой, тухнет. Чтобы этого избежать, после каждой серии из десяти выстрелов, медная трубка опускается в ствол, вентиль открывается и из сжимаемого бурдюка в ствол устремляется воздух, несущий с собой и кислород. По этой причине и мины раскладываются небольшими штабелями по десять штук, так проще избежать путаницы.

Сам миномет вообще песня. Кусок ствола лиственницы, имеет отверстие примерно девяносто миллиметров, мина

проскальзывает с минимальным зазором. Проволокой его оплетать не стали, хотя на базе имелись и такие стволы, просто эти одноразовые, каждый из них должен сделать только по пятьдесят выстрелов, после чего превратиться в одноразовую картечницу, а для этого прочности дерева вполне достаточно. Казенная часть упирается в брус, с которым соединена особой скобой. Тренога крепится к стволу посредством хомута, угол возвышения регулируется при помощи винта. К стволу, и так же на хомутах, прикреплен и угломер, эдакий прицел. Все соединения винтовые и при необходимости уже через три минуты металлические части могут быть демонтированы, спасать дерево никто не собирается. Еще пара минут, в стволе проделывается отверстие буравчиком, ввинчивается колесцовый замок, в ствол загоняется картуз с порохом, поверх него с картечью, дальше только навести на цель, отбежать и дернуть за веревочку. Несмотря на то, что миномет в основном деревянный, не сказать что он легче стальных собратьев, а даже наоборот, тяжелее, насчет габаритов, лучше и не вспоминать, довольно громоздкая конструкция. Впрочем, несмотря на свои габариты, они куда скромнее чем у пушки, к бою изготовить можно в разы быстрее, для транспортировки достаточно одной вьючной лошади, со специально приспособленным для этого седлом.

Убедившись, что у парней все в порядке, Виктор встал за большим деревом на опушке и вскинул к глазам подзорную трубу. Того, что заметят блики он не боялся, об этом позаботится тень деревьев, сам одет в одежду защитного цвета, так что даже если станут рассматривать в оптику, ничерта не заметят.

Насколько он мог судить с последствиями взрыва, устроенного ими ночью, уже разобрались. Обломки убрали с дороги, все что удалось спасти разместили по другим повозкам, что не поместилось, уложили в наспех изготовленные волокуши. Радовало, что спасено было не так чтобы и много. Жаль не удалось повредить повозки с пушками, но сейчас это по большому не имело значения. С транспортировкой артиллерии здесь было совсем плохо. Качество стали не позволяло изготовить достаточно прочные оси, а сами пушки были весьма тяжелы, при длительном нахождении в боевом состоянии оси попросту гнулись, а уж при транспортировке и подавно. По этой причине орудия здесь перемещались к месту сражения в разобранном виде, и под транспортировку одной единицы использовалось две три повозки. Для того чтобы изготовить их к бою, требовалось затратить весь световой день, порой и больше, ну тут уж все зависело от навыков пушкарей. Опять же, пороха у них скорее всего оставалось немного, наверняка это зелье было распределено

таким образом, чтобы не потерять весь запас разом. После конфуза с колодцами в это верилось легко. Однако, Виктор предполагал, что около половины боезапаса ночью взлетело на воздух.

Если им удастся подорвать мост и не допустить к позиции эти две роты, то опасаться было нечего. Разумеется благодаря этому чертову дымному пороху их позицию засекут, вот только достать их тут практически невозможно, если только из пушек, но то, пустые опасения, по известным причинам. Не сказать, что гульды не могли ничего предпринять, но из всех вариантов, самым подходящим был обход со стороны леса, переправившись через реку вне пределов видимости противника. С другой стороны, стоять насмерть на этой опушке, не входило в планы Виктора. Он хотел нанести максимальные потери, настолько серьезные, чтобы они все же отвернули, из опасения потерпеть поражение от брячиславского воеводы. Нет, изображать из себя взвод, погибающий у деревни Крюкова, он вовсе не хотел. Теперь ему было ради чего жить.

Солдаты по обеим берегам речки уже свернули лагерь, и начали готовиться к выдвижению, впрочем, не особо торопясь. Первыми выдвинулись драгуны. Вообще-то глупость. К чему в лесистой местности в качестве передового дозора использовать кавалерию, куда более логично было бы пустить пехоту. Но с другой стороны, кто сказал, что они будут скакать без оглядки. Помнится тот десяток драгун, который попал в их засаду, в лесу действовал грамотно и взяли их как раз на открытом месте.

Выстроившись в колонну по два порядка полусотни драгун ступили на мост. Первая пара уже достигла середины моста, всего на него взошло не больше десятка всадников. Мало, но с другой стороны и речушка узкая. Только бы Куница от жадности не решил дождаться пехоту, передвигающуюся в более плотном построении, а соответственно при подрыве понесшую бы куда большие потери. Почему ничего не происходит? Проклятье! Неужели подвел взрыватель? Но если так, то и второй бочонок имеет свой, страховка на всякий случай, мало ли. Не сработали оба? Система не раз проверялась и ни одной осечки. Гульды обнаружили закладку? Вполне возможно, но ой как нежелательно.

Виктор уже значительно нервничает, по спине проходит озноб, а между лопаток пробегает струйка холодного пота. Более сотни всадников, да тут не нужна будет никакая подмога пехоты, драгуны и сами управятся, быстро преодолев открытое пространство они в мгновение перебьют засаду. Можно конечно уйти в лес, вот только придется все бросить и к противнику

попадет много всего интересного, системы самоликвидации нет и в помине. Гульды наверняка сумеют разобраться со всем этим богатством, не дураки. Тогда получится, что Волков сотоварищи подложат Брячиславии большую такую свинью.

Взрыв! У Виктора едва ноги не подогнулись от охватившего его облегчения. Оставались еще две роты, но с этим они как-нибудь с Божьей помощью разберутся, а нет, так и уйти время будет и прибраться за собой. Район моста заволокло белым непрозрачным дымом из которого во все стороны разлетались обломки моста, земля и камень. Отдаленные крики полные боли и отчаяния слышны даже здесь. Вот густое белое облако воспарило ввысь и его подхватил ветерок дующий в сторону Турани, проясняя картину.

Хм. Взрыв разметал не весь мост, а только две трети. Впрочем, результат все одно отличный. Оставшаяся часть наверняка тоже нуждается в ремонте, столбы опор ближе к противоположному берегу переломало так что только половина из них торчит из воды словно гнилые зубы, от остальных не осталось и следа. Часть опор, это у середины реки остались на своих местах, с них напрочь снесло настил, но вполне возможно, и скорее всего их использовать опасно, наверняка потрескались, так что или менять или укреплять.

Досталось не только драгунам, но и уже выстроившимся в походную колонну пехотинцам, судя по всему, обломки моста влетели в плотное построение и наделали делов. Это в планы не входило, но не сказать, что было неприятной неожиданностью. Каждый погибший солдат сейчас являлся дробинкой падавшей на чашу брячиславцев, склоняя весы в их сторону, и вынуждая противника отказаться от дальнейшего продвижения вперед. Большего Виктору и не нужно.

Противник заволновался и заметался в панике. Нет, не так. Метались лишь те, кто оказался поблизости от места взрыва, остальные сохраняя порядок выстраивались в боевые порядки. Походный строй быстро начал трансформироваться в линию, перед строем заметались сержанты и офицеры, спешно готовя подразделения к бою. Та же картина и на этом берегу.

Две роты перемещаются немного в сторону, чтобы при случае оставшиеся на том берегу могли поддержать их огнем с фланга. Иллюзорная надежда, если учесть дальность прицельного огня современных мушкетов. Примерно с десять минут идут перемещения и перестроение войск, подтягивается полк расположившийся за селом, обоз наоборот отходит. Быстро же они управляются с подготовкой к бою.

Пора. Первоочередная цель находится на этом берегу,

поэтому весь огонь на них. Конечно минометам было бы раздолье дальше, за речкой, там более плотные построения, а потому и попусту израсходовать снаряд шансов меньше, но реальная угроза может исходить только от вот этих рот.

— Прицел на четыреста шагов! — Это предельная дальность для надствольных гранат, но разброс не должен быть большим. — Цель две отдельные роты на этом берегу! — Вообще-то все уже давно оговорено, но как говорится повторение мать учения, опять же минометам нужно время чтобы изменить прицел, противник сместился в сторону. — Минометным расчетам доложить о готовности!

— Первый, готов!

— Второй, готов!

— Десятники!

— Первый десяток готов!

— Второй десяток готов!

— Помни ребята, в рукопашную не вступать! Бить ворога на дистанции! А ну-ка все дружно! Огонь!

У Виктора сейчас в руках тоже карабин с насаженной на него гранатой, а сам он уже в окопчике, незачем отсвечивать. Приклад зажат подмышкой, цель в прорези прикрепленного с боку прицела. Вокруг уже слышатся глухие и одновременно звонкие выстрелы, первые вестницы уходят к цели. Припоздав на малое мгновение, он так же отправляет ребристый гостинец в противника. Быстрый взгляд вдоль позиции, как и ожидалось, парни не стали мудрить с навесной стрельбой, к чему, если можно без риска взять более точный прицел. Позиция занятая ими четко обозначается дымками от сгоревшего пороха, так что гадать откуда пришла беда гульдам не придется. Что за оружие используют брячиславцы они тоже поймут сразу, ручные мортирки. Вызовет недоумение точность стрельбы, но чего только не случается на войне.

Гранаты еще не долетели до цели, когда с небольшим запозданием с глухим 'бух', выметают свои снаряды минометы, фитиль горит в среднем четыре, пять секунд, так что запаздывание вполне объяснимо, вот дальше минометы начнут опережать стрелков. Наконец среди строя начинают вспухать ватные облачка и с незначительным интервалом доносятся звуки относительно несильных разрывов. Дыма пока не так чтобы и много, поэтому Виктор отчетливо видит, как из строя вываливаются люди, некоторые катаются по траве, наверняка раздаются и крики, но он их не слышит.

Один за другим раздаются два басовитых взрыва, заглушающих все остальное. А чего вы хотели, чай мины раза в

четыре поболе гранат будут и заряд там куда как солиднее. Одна из мин бьет слегка позади строя и словно вминает его стыла, вторая угодила точно в строй и когда дым рассеялся, там наблюдается солидная брешь. Удачная стрельба, ничего не скажешь. Такой результат только лишь одним умением не объяснить, везение здесь сказало далеко не последнее слово.

Все это он наблюдает перезаряжая карабин, готовясь запустить следующий гостинец, теперь нужно стрелять как можно чаще и точнее, потому как позиция уже обозначилась. Если дымки от карабинов были незначительными и был иллюзорный шанс на то, что их не заметят, то от минометов дыма было значительно больше. Виктор уже взводил курок, когда один за другим снова раздались глухие голоса минометов. А он что говорил, эти монстры свое еще возьмут, после магазинных кремневок они были самым скорострельным оружием этого мира.

Противник в прицеле. Видны разрывы мин. На этот раз не так удачно, но все одно в молоко не ушли, кого-то задели. Выстрел! Закрутилось, понеслось. Минометы и стрелки бьют уже вразнобой, кто-то управляется быстрее, кто-то медленнее, отчего стрельба становится практически беспрерывной.

Командиры рот, рассредоточивают свои подразделения и эффективность стрельбы резко снижается, но никак не скорострельность. На гульдов продолжают сыпаться гранаты и мины, унося то одну, то несколько жизней, раня солдат и заставляя их кататься по земле, оглашая окрестности криками полными боли и страдания, которые теперь уже различимы несмотря на продолжающийся обстрел.

Что это? Прахом вся работа по вычислению дистанций и определению ориентиров. Вместо того, чтобы двинуться в наступление и опрокинуть небольшой отряд, гульды спешно переправляются вплавь на тот берег, уходя к своим. Но почему гульды, славящиеся своим упорством и высоким боевым духом, вот так вот дали безнаказанно себя расстрелять и обратились в бегство?

А чего ты собственно хотел, им ведь и невдомек, сколько здесь войск противника, все говорит за то, что тут сосредоточено большое количество войск. Ничем иным такую скорострельность гульды объяснить не могут. Ну да, стрельцы не бьют из пищалей, но по другому и быть не может, больно далеко. Вот пойдут две роты в атаку, а там в лесу стоят все два полка из Обережной, больше войскам здесь взяться неоткуда.

Все. Дальше только попусту метать снаряды, а их не так чтобы и много. Заставили противника представляющего непосредственную опасность отступить и ладушки. Место где

недавно стояли эти роты усеяны убитыми и раненными, хорошо различимыми благодаря синим мундирам. Хорошо все же поработали, к переправе двинулись не больше двух третей, а может и меньше.

— Прекратить огонь!

— Прекратить огонь!

— Хорош, браты! — тут же дублируют команду Горазд и Зван. Канонада не такая уж и сильная, чтобы не расслышать команду, поэтому уже через пару секунд наступает тишина.

— Минометы, прицел на шестьсот шагов!

— Есть шестьсот шагов!

— Есть шестьсот шагов! — Кричат минометчики. Оба расчета находятся с боков от Виктора, поэтому слышат его хорошо.

Ага, в голосах задор и азарт. А то! Безнаказанный обстрел противника и главное вид того, как тот несет ощутимые потери, кого хочешь воодушевит. Но уж лучше получать боевое крещение вот так, чем сходу оказаться в мясорубке лобовой атаки. Как говорится, от простого к сложному.

— Стрелкам, вооружиться штуцерами! Прицел шестьсот шагов!

Ну да, вот так вот незатейливо он назвал карабины с нарезными стволами. А чего изобретать что-то новое, если все это уже было и не имеет значения, что не в этом мире, ему так привычнее. Сам он так же вооружился своим револьверным карабином. Оно далековато конечно, но с другой стороны противник продолжает стоять в строю и второй полк уж подтянулся. Ну-ну ребятки, давайте кучнее.

— Огонь!

А получи, фашист гранату! Нет, тут представителей рейха нет и в помине, но замени фашиста на гульда, а гранату на мину и все будет в точку. Мины ударили довольно точно, на этот раз в строй попаданий не было, но чушка нашпигованная порохом и ударившая даже между двумя линиями построений не нанести потерь не может.

Минометы свое слово сказали. Пора присоединять свой голос к их басу. Послышались выстрелы штуцеров. В свое время было сожжено изрядное количество пороха, чтобы высчитать градуировку прицела.

Никакой теоретической подготовки у Виктора не было и никак иначе, кроме как многократными повторениями результата он добиться не мог, поэтому засучив рукава принялся за осуществление своих намерений. Нет, не так. Он рассказал о своей идее Богдану и Горазду, благо объяснять насколько это может оказаться важным не пришлось. Этот этап был пройден еще

когда высчитывали прицелы под минометы и гранатометы. По совету Волкова из дерева изготовили массивную станину, где намертво зажимался штуцер и из такого положения производилась стрельба на различные дистанции. Работа кропотливая, отнявшая много времени, но результат был получен. Возможно и скорее всего будь на месте Виктора тот кто был в ладах с точными науками и все вышло бы проще и быстрее, но ему был доступен только этот метод.

Как бы то ни было, важен результат, а он был. Несколько фигурок выпали из строя и мины тут были совсем ни причем. Что же, это не может не радовать. Приклад привычно уперся в плечо. Рассмотреть отдельных солдат нет никакой возможности, строй предстает перед взором как сплошная синяя линия. Ну так значит так, будем целиться в эту линию. Выстрел! Вроде есть. Показалось или действительно, одна из фигурок выпала из общего строя. Вот же. Когда смотрел на результаты стрельбы других, то видел падающих, как дошло до себя, ни черта не разобрать. Ну и Бог с ними. Кресало на место, взвести курок, посадить строй на мушку. Выстрел!

Поначалу все было просто замечательно. Гульды добросовестно изображали из себя стойких оловянных солдатиков и разумеется несли большие потери. Потом их командующий попытался рассредоточить солдат, но добиться существенного уменьшения потерь ему не удалось. Слишком большое количество народа было сосредоточенно на сравнительно небольшом участке. Если эффективность стрелков быстро упала, то мины продолжали собирать обильный урожай смертей. Поэтому совсем скоро части начали отходить. А вслед за отступившими появились разрозненные группы и как сумел рассмотреть в подзорную трубу Виктор они не были вооружены, зато у них в руках были носилки и лопаты.

Понятно. Противник ограничивается только обстрелом из тяжелого вооружения, из стрелкового может бить только по большим скоплениям солдат. Гульды и вовсе лишены возможности вести хоть какую-нибудь стрельбу. Брячиславцы кроме обстрела себя никак не проявляют, а после отвода войск дальше от речушки, прекратился и артиллерийский огонь. Наметилось затишье. Славенские мортиры не в состоянии добить до противника, войска себя никак не обозначают, единственная переправа разрушена. Сейчас командующий гульдов лихорадочно обдумывает варианты решения возникшей проблемы. А пока суть да дело, необходимо собрать раненных и похоронить павших. Сначала на своем берегу, если не встретят противодействия, то и на противоположном.

— Не стрелять! Пусть собирают своих.

Не отрываясь от окуляра подзорной трубы, отдал команду Виктор. Опушка находится на неком возвышении, а потому видно довольно хорошо, за исключением тех мест, где стелется дым от загоревшихся крайних домов. А неплохо поработали. Потери вполне сопоставимы с тем, если бы на этом поле гульды столкнулись с гарнизоном Обережной, причем встреча должна была закончиться не в пользу первых.

Пора привести оружие в порядок. Дело это такое, исправный и почищенный мушкет или пистоль, вполне способны спасти твою жизнь, загаженные же, могут дать осечку в любой момент. Как известно по закону подлости это происходит в самое неподходящее время, когда мгновение определяет грань между жизнью и смертью. Громкие слова? Возможно, вот только откуда взялась поговорка об этом своеобразном законе, причем в различных интерпретациях она имеется у многих народов. Так что есть там мистика или нет, лучше содержать все в порядке, а тогда уж и шанс нарваться на неприятности будет куда ниже.

Виктор быстро раскидал карабин и принялся за чистку. Он давно уже взял себе за правило, даже если ты произвел только один выстрел, почисть оружие и подойди к этому столь же серьезно, как и после дюжины выстрелов. С другой стороны это уже настолько въелось в его натуру, что не отнимало много времени. Пока руки быстро и сноровисто, сами по себе делали привычную работу, голова была занята совсем иными вопросами.

Прошло минут пятнадцать не больше, когда оба карабина были почищены и снаряжены для боя. А повоевать отряд все еще был вполне способен. У бойцов все еще оставалось по десять надствольных и шесть ручных гранат. Как все же хорошо, иметь под седлом крепкого коня, а еще заводных и вьючных лошадей, потому как такое количество снаряжения унести на своих плечах на сколь-нибудь дальнее расстояние просто не реально, а уж воевать будучи навьюченным словно мулл… Минометы так же все еще могли сказать свое веское слово, у них оставалось еще по десятку мин на ствол. Гульды слишком быстро сориентировались и отвели свои части. Можно было конечно обстрелять и разрозненные группы, вот только каждая мина обходилась в копеечку, требовала затраты и определенной доли труда, так что просто разбазаривать их не хотелось. Имелись и картечницы, но их время придет, когда гульды продолжат таки движение, а они продолжат, потому как заставить их отвернуть у Виктора сейчас не было никакой возможности.

***

— Господин полковник, какие будут приказания?

Барон Мартинсонс не без самодовольства приподнял подбородок и напустив на себя самый деловой и глубокомысленный вид осмотрелся окрест. Командование экспедиционным корпусом, включавшим в себя два полка, на него свалилось совершенно неожиданно. Не сказать, что он считал это неверным, он давно уже полагал, что представитель такого древнего и славного рода достоин генеральского чина и несправедливо позабыт. Конечно его задевало то, что командование ему было пожаловано не королем, а перешло по старшинству в результате гибели прежнего командующего. Тот неосторожно полез на передовую, когда мост взлетел на воздух. Видите ли ему понадобилось лично разобраться в диспозиции, чтобы принять решение. Идиот схлопотал славенскую пулю, едва только подъехал к разрушенному мосту, причем не один, а вместе со своим заместителем. Хм, два идиота. Настоящему командующему вовсе нет необходимости самому лезть на передовую, для этого есть целый сомн адъютантов и иных офицеров, которые должны поставлять сведения.

Вот он, даже будучи командиром полка, никогда не лезет вперед, потому как он является и сердцем и головой своей части. Лиши организм любого из этих органов и он умрет, так и полк попросту погибнет без руководства. Потеря даже половины личного состава не может считаться фатальной, тогда как гибель командира будет катастрофой. Он не раз слышал высказывания офицеров, в особенности молодой поросли, что войны выигрываются солдатами. Что за чушь! Войны выигрываются полководцами, но никак не этой серой скотиной. Конечно, гульды, даже крестьяне, стоят куда выше, чем даже бояре этих славен, но ведь он-то представитель древнейшего гульдского рода. Что же, если его не сумел по достоинству оценить король, то провидение само расставило все по своим местам.

— Майор Лиепиньш, вы являетесь знатоком фортеций, думаю восстановить мост, для вас не будет неподъемной задачей.

— Если славенские мортиры позволят, то разумеется нет.

— Превосходно. Сколько вам потребуется времени?

— Трудно сказать. Необходимо обследовать оставшиеся часть моста и опор, только после этого я смогу говорить о каких-либо сроках. Хорошо уже то, что с материалом проблем не возникнет, эти дома вполне для этого подойдут.

— Это не ответ, майор.

— Но господин полковник…

— У вас времени до полудня. Можете привлечь столько

людей, сколько вам понадобится. Исполняйте.

— Но славенские пушки…

— Вам не ясен приказ?

— Приказ ясен, но…

— Прекратите пререкаться и приступайте к исполнению.

Майор словно пришибленный, покинул наскоро возведенную палатку полковника. Еще бы, командующему не пристало проводить совещания под открытым небом на виду у солдат. Настоящий командующий должен быть недосягаем как Господь, его подчиненные это уже давно поняли, теперь пришла пора разъяснить это остальным. Вслед за майором потянулись и остальные. К удивлению барона один задержался.

— Господин полковник, разрешите высказать свое мнение.

Проклятый выскочка. Когда из полка забрали этого безродного капитана Андриса Пельш, барон Мартинсон было перевел дух от облегчения, тем более когда на его место прибыл новый командир роты, из древнего и благородного рода. Но радость была не долгой, потому как этот офицер оказался как раз из той самой молодой поросли, считавшей, что все знают лучше старшего поколения. Мелькнула было мысль осадить его, так же как и давешнего майора, но этот был слишком знатного рода и с ним нужно было держать ухо востро. Тем более это не могло ударить по авторитету барона, ведь они остались одни.

— Слушаю вас, капитан.

— На мой взгляд, приступать к восстановлению моста сейчас было бы несколько преждевременно. Брячиславцы могут обстрелять команду по ремонту из своих мортир. Мост восстановить они нам не дадут, в добавок мы понесем неоправданные потери.

— То есть, вы предлагаете сидеть здесь и ничего не предпринимать? Вам напомнить, какой приказ нам надлежит выполнить?

— Нам не удастся его выполнить, если мы понесем слишком большие потери, а они и без того значительны.

— Мне это известно. Вам есть что еще сказать, капитан?

— Господин полковник, брячиславцев на том берегу не может быть много. Комендант Обережной не может себе позволить столь далеко отойти от крепости, это была бы для него непростительная глупость. Если бы у нас были речные суда, то мы могли бы обойти их по Турани, но мы лишены такой возможности. На мой взгляд, было бы предпочтительнее обойти противника, переправившись через эту речушку выше по течению, в лесистой части. Выйти во фланг засаде сбить ее и овладев обеими берегами, восстановить мост, после чего продолжить

наступление.

— Если действовать таким образом, то мы потеряем весь день. В приказе же ясно сказано, в кротчайшие сроки перерезать торговый тракт и изолировать гарнизон Обережной. К тому же там не может быть малых сил, такое количество пушек никто не отправит в отрыве от основных сил.

— Но если судить по дымам, то там нет большого количества пушек или мортир. Скорее всего мы имеем дело с какими-то новыми орудиями, обладающими большой скоростью перезарядки.

— Этого не может быть. Если бы такое было возможно, то у нас это оружие уже было бы. Лучшие умы запада не смогли создать ничего подобного, неужели вы хотите убедить меня в том, что это по силам каким-то грязным славенам. Скорее всего они расположили свои мортиры в лесу и нам не видны дымы от их выстрелов. Ваше предложение неприемлемо. Можете идти.

Проклятые свиньи! Как такое возможно? Он представитель древнейшего рода не мог ошибиться! Все шло хорошо. Солдаты быстро разобрали ближайшие к речке дома и начали сносить материал к берегу. Согласно доклада майора, оставшаяся часть моста практически не пострадала, в незначительном ремонте нуждался только настил. Оставшиеся опоры тоже можно было укрепить, после чего они вполне могли справиться со своей задачей. К обеду управиться с ремонтом не было никакой возможности, но уже к трем часам по полудни, переправа будет готова. И вот когда на берегу собралось уже достаточно много народу, когда начали появляться первые результаты работы, ударили славенские мортиры. Их там было никак не меньше десятка, чтобы не говорил этот выскочка, так быстро стрелять не могло ни одно орудие. Даже гульдские пушкари не могли похвастать таким умением, а их армия считалась по праву одной из лучших на западе. Меткость славен, тоже поражала. Что же, похоже офицеры из числа западников, кое чему научили этих дикарей.

Работы по восстановлению переправы были безнадежно сорваны, мало того, это стоило большой крови. Несомненно главной силой армии являются военачальники, но серой солдатской массе должны противостоять такие же солдаты. Не хотелось этого признавать, но похоже на этот раз этот выскочка прав. Потери уже слишком велики, еще немного и придется задуматься как минимум о прекращении продвижения вперед и затребовать подкрепления. Ладно, но только этому мальчишке не придется торжествовать.

— Марис, это правда?

— Что именно, — обернулся к подошедшему командиру третьей роты, давешний капитан.

— Нашим ротам приказано обойти славен с фланга переправившись выше по течению?

— Мне казалось, я только что это сказал.

— Но это какая-то ерунда. Правильнее было бы выслать разведку, установить численность противника и только после этого предпринимать какие-либо действия.

— Возможно. Но это все потеря времени, которого у нас не так чтобы и много.

— Но отправлять две побитые роты, в которых людей едва ли наберется на одну полноценную… Мало, что полковник нас невзлюбил и мы все время движемся в авангарде, так сейчас он решил вообще нас уничтожить.

— Все не так страшно, как кажется на первый взгляд. Славен там не может быть много, так что и наших побитых рот с них будет достаточно.

— Но такое количество мортир не может быть отправлено в сопровождении жалкой роты.

— А кто говорит о том, что там такое количество артиллерии. Не надо повторять чужие бредни. Судя по дымам, их там от силы две мортиры, только очень скорострельных. Вот мы и добудем их для нашего короля, стоит ли тебе объяснять, что благодаря этом мы имеем шанс оказаться на слуху у короля. Этот спесивый тупица полковник никогда не был в чести у Карла, а после этого похода мнение о нем упадет еще больше. Уж я-то постараюсь, чтобы он не сумел приписать себе наши заслуги. Так что выше нос, мы ему еще покажем.

***

Ха! Да ты прямо прозорливый полководец, никак не иначе. Как все просчитал. С другой стороны чего просчитывать, удивительно как не просчитался. Ну и ладно, прав тот кто побеждает, а пока поле боя остается за ними, значит, прав он.

Поначалу, весь отряд продолжал оставаться на прежних позициях. Виктор подозревал, что по сложившейся здесь традиции, гульды будут действовать прямо в лоб и не ошибся. Примерно через полчаса после отвода частей, когда санитары все еще продолжали собирать раненных, а похоронная команда начала сносить к братской могиле павших, появились назначенные в саперы солдаты и начали спешно разбирать избы. Виктор не мешал им, поджидая, когда на восстановление мота сгонят как можно больше народу. Противник спешил, поэтому не

мог не задействовать максимально-возможное количество людей, им срочно нужна была переправа.

Предчувствие его не обмануло, вскоре на берегу яблоку негде было упасть. Ну, это яблоку, а вот мине… Налет был скоротечным, потребовалось чуть больше минуты, чтобы выпустить весь оставшийся боезапас. Но этого оказалось вполне достаточным, чтобы разметать всю ремонтную бригаду, оставив немалую ее часть лежать на берегу. Если они и после этого по дурному решат осуществлять дальнейший ремонт, то командующего гульдов даже идиотом назвать было бы нельзя. Какая разница, что у отряда вышли все мины, противник-то этого не знал.

Двоих бойцов с вьючными лошадями он отправил в условленное место, нечего себя обременять снаряжением. Виктор рассчитывал обнаружить место переправы отряда отправленного во фланг и сорвать эту попытку, смысла удерживать старую позицию уже не было. Если удастся предотвратить переправу, хорошо. Не удастся, тогда не втягиваясь в затяжной бой, они отойдут и никакие гульды не сумеют их настигнуть в этих лесах. Пусть переправляются, они подготовят им новый сюрприз, потом еще, и еще, и так пока будет такая возможность. Если во фланг никого не отправят, тогда они сами ударят по гульдам, когда они вновь примутся за восстановление моста. Их дальнобойные карабины вполне позволяли проделать это, не подвергаясь особому риску.

На берегу реки они разыскали Куницу, который все время перемещался вдоль него, высматривая, возможное начало переправы. Доклад разведчика не мог не обрадовать. Оказывается после, взрыва моста, он сумел подстеречь выехавшего к месту происшествия какого-то важного чина, судя по пышному мундиру и свалить его. Не повезло и еще одному офицеру, который сразу же начал отдавать слишком много разных распоряжений, это бывшему браконьеру отчего-то не понравилось и он приласкал и его. Потом подстрелил еще парочку офицеров, судя по всему рангом пониже и укрываясь камышами ушел подальше. Никто его не обнаружил, потому как к тому моменту, взоры всех были прикованы к отряду, засыпавшему своими снарядами гульдов.

Совсем скоро, после появления Волкова с парнями, удалось обнаружить около роты противника, которые весьма недвусмысленно готовились к переправе с использованием подручных средств. Вот при виде их-то и возрадовался Виктор. Часть солдат разместились в укрытии, явно прикрывая остальных, занятых рубкой камыша, из которых быстро вязали плотики, чтобы погрузить на них амуницию, самим им предстояло

переправляться вплавь. Оно конечно не лето, но вода вполне терпимая даже ночью, это Волков знал по собственному опыту. Этими, судя по всему, командовал не дурак, потому как ни один офицер не отсвечивал.

Отряд выдвинулся сюда налегке, не больно-то побегаешь таская на себе по два карабина, паре пистолей, несколько гранат. Так что у каждого было только по штуцеру, они все же куда точнее, а мало ли как все сложится. Паре пистолей, один из которых был заряжен холостым выстрелом, благодаря небольшой насадке, с его помощью вполне можно было метнуть надствольную гранату. Приятных ощущений от такой стрельбы мало, меткость тоже не ахти, но запустить гранату на расстояние в полсотни метров с вполне приемлемой точностью возможно. Надствольных гранат было только по одной штуке, ручных по три. Виктор хотел максимально разгрузить людей, чтобы обеспечить большую мобильность.

Ну что же, все на позиции, пора начинать. Не давать же гульдам возможность начать переправу, их взрыватели не так чувствительны, как в прежнем его мире, так что польза будет только если граната ударит по земле, а не упадет в воду, тогда она просто утонет и вся недолга. Противника видно прекрасно, чего не скажешь о людях Виктора, обряженных в защитные балахоны и благодаря чему все еще остававшихся незамеченными.

Первый выстрел его. Перехватив двумя руками пистоль, которым специально дополнительно вооружился для этой цели, Волков выбрал примерный угол, уж лучше перелет, так хоть есть возможность, что кого-нибудь заденет осколками, от падения в воду толку никакого, он потянул спуск. Пистоль лягнулся словно норовистая лошадь, отсушив руки. Неприятно, но вполне терпимо и чувствительность осталась на уровне. Граната описав пологую дугу ударила примерно метрах в пяти от берега, остальные так же взорвались вдали от кромки воды. Пара булькнула у камышей, кто именно так опростоволосился непонятно, но радует уже то, что найти их на дне реки не смогут, берега тут довольно топкие.

Гульды заметались по берегу оглашая окрестности криками. Прикрывающие их товарищи тут же начали стрелять по тем местам, где вился дымок. Ох уж этот местный порох. Вокруг тут же басовито зажужжали пули. Ладно. Пистоль за пояс, карабин в руки.

— Чего замер, йошки матрешки! Стреляй! Они сейчас перезаряжаются.

А ты как думал дружочек, это тебе не безнаказанно расстреливать врага гранатами, здесь и до тебя могут добраться.

Страшно? Понятно, что страшно, вот только никто тебя жалеть тут не собирается. Паренек из молодняка, нервно сглотнул, тряхнул головой и опасливо подался из-за ствола дерева, выставив карабин. Хотя, какой молодой, поди лет двадцать пять, но то по годам, тут возраст измеряется иначе. Как пить дать промажет. Но то не главное. Главное, чтобы он все же выстрелил в сторону противника, сумел перезарядиться и опять выстрелить. Ожидать многого от новобранца в первом бою, даже от прошедшего такую подготовку как он, глупо. Хм. Попал. Ладно, пора и нам.

Карабин привычно уперся в плечо, Виктор повел стволом в сторону, выискивая цель. Нечего стрелять по прикрытию, они сейчас перезаряжаются и многие попрятались, есть куда более легкая добыча. Он быстро нашел цель. В прорези прицела обозначилась спина бегущего солдата, затянутая в синий мундир. Плавно выбрать спусковой крючок, загорелся порох на полке, подправить прицел. Солдат выгнулся дугой, схлопотав увесистый кусок свинца в спину, слегка обернулся вокруг оси и завалился набок.

Все это Виктор наблюдает периферийным зрением, руки привычно изготавливают оружие к бою, а взгляд выискивает следующую цель. Как все же действует сознание в боевой обстановке. То не видишь ничего, картина сужается до одного человека и ты наблюдаешь только его, не замечая, что творится вокруг. То словно наблюдаешь за происходящим со стороны, успевая охватить чуть не все поле боя.

Снова приклад упирается в плечо. Снова в прицеле чья-то спина. Еще немного, еще мгновение и солдат юркнет за спасительные деревья. Не судьба. За деревья он падает словно подкошенный, явно схлопотав горячий гостинец. Оружие снова готово к стрельбе, но на открытом месте больше никого. На берегу лежат неподвижно или в корчах примерно с полсотни человек, может и больше. Что же, совсем не плохо. Вот выглядывает из-за ствола дерева спина гульда, как видно тот перезаряжается и не замечает, что подставляется. Виктор целится в него. Промах. Пуля увязает в коре, но солдатик словно ничего не замечает. Перезарядка, снова прицелиться, плавно выбрать спуск, подправить прицел. Солдата буквально выбрасывает из укрытия, но это уже не имеет значения, даже если он и не убит, то серьезно ранен, а раз так, то он больше не интересен.

Все, открытых целей больше нет, все солдаты укрылись за стволами деревьев или складками местности. Проклятье! Нужно было использовать гранаты не сразу, а вот сейчас, чтобы доставать противника в укрытиях. С другой стороны той

эффективности, что была вначале, не было бы и в помине. Значит, нужно было ограничиться только одной ручной гранатой, а другие заменить надствольными. Ладно, опыт как и половое бессилие приходит с годами, в следующий раз будем умнее. Ага, а вот чья-то голова торчит. Погоди, не дергайся…

***

Ох и умен атаман! Это же надо, два десятка уже сутки кружат три тысячи и не дают им сдвинуться с места. Вернее не давали, но все за то, что сегодня они всеж таки продолжат свой поход, а что тут поделаешь. Нет, поделать как раз кое-что еще можно, у атамана в загашнике еще чегойтость найдется, вот только он сказывает, что не гоже по мелочам пользовать те заготовки.

Иное дело стволы от минометов, больно неповоротливые и тяжелые их он решил использовать здесь. Оно конечно лучше бы ударить картечью по плотному строю, тогда толку куда больше случилось бы, но и так тоже ничего вышло. Ночью тихонько подобрались шагов на полста, к работающим на восстановлении моста. Гульды отчего-то решили, что ночью им сподручнее будет, а может просто времени терять не схотели. Но то их дела, а они с братами выставили снаряженные картечью стволы, отползли в сторонку, да ка-ак жахнули. Ору было, просто жуть.

Весь лагерь всполошился, ворог частой гребенкой прошелся по окрестностям. Нет, ну прям как дети, кто же станет вас остолопов дожидаться. Как только запалили картечницы, он вместе с Куницей тут же подались восвояси, от греха подальше. Скольких покосили не понять, но должно быть не мало, ить сколько народу понагнали на работы. После этого случая гульды выставили оцепление вкруг моста, причем по обоим берегам, ну и Бог с вами, никто вас тут трогать больше не собирается.

Гульды все же свели к берегу еще пару рот и сумели переправиться на другой берег. Не сказать, что это им задешево обошлось, но все же несколько рот они переправили и теперь крепко стояли лагерем на опушке, это чтобы значит не повторилась прежняя история. Мост им был необходим, потому как обоз и пушки вплавь не переправишь, вот и охраняли. А ты поди охрани, коли ворог словно маленький комар, подкрадется тихонько, ужалит и снова убегает.

Эвон он с Куницей, уже после того как набедокурили с картечницами, из духовушек расстреляли секрет, да еще и поизголялись. Взяли трупы рассадили кружком, словно те разговаривают между собой, а что, шесть трупов с ранами от огненного боя, а выстрелов никто и не слышал, вот иди и думай,

чего тут такое было. Настроение у солдат и без того, не ахти, а как поглядят на такое дело, так и с опаской по сторонам смотреть будут. Оно и к лучшему, а мы еще чего удумаем, чтобы эти аспиды от каждого шороха шарахались.

Соболь перестал даже думать, напряженно вслушиваясь в шум леса. Нет, не показалось, вот опять треснула ветка, гульды, больше некому. То что могут обнаружить схрон он не переживал, чай не первый год в лесу, от зверя укрывается, так чего не спрятаться от человека. Но всегда была возможность, что выйдут прямиком на яму и наступят на плетенную из веток крышку, а человеческий вес ей нипочем не выдержать. На этот случай, укрытие вырыли не так далеко от дороги. А что вполне разумно. Те кто пойдут по дороге, не станут туда соваться, незачем, там только что прошло боковое охранение, а ему в свою очередь, нечего делать на обочине, потому как нужно обследовать как можно более широкую полосу леса прилегающую к просеке.

Опять тишина. Ага, а вот и основной отряд. Выходит гульды вновь в передовой дозор отправили драгун. Сначала он различил топот копыт, чай в яме сидит, дрожь земли особо чувствуется, чуть позже послышались всхрапывания лошадей, бряканье упряжи, разговоры солдат. О чем говорят не разобрать, хотя стараниями атамана, гульдскую речь он вполне разбирал, голоса не сказать что громкие, только бубнеж какой-то, только и того, что понятно, люди речь ведут. Еще немного и наступает тишина. Пора.

Соболь аккуратно приподнял крышку и осмотрелся по сторонам. Никого. Всадники уже скрылись за поворотом дороги. Их все еще слышно, но уже не видно, потому как подлесок надежно укрывает их, а заодно и его самого. Вы ни о чем не думайте, езжайте с богом, вас тоже встретят, только подальше, а они здесь пока позаботятся о ваших товарищах. Бросив взгляд в сторону где должен был находиться схрон с Куницей, он удовлетворенно кивнул. Тот уже покинул свое укрытие и приступил к работе, стало быть и ему пора.

Вытащив на свет божий картечницу, Соболь быстро прошел к намеченному дереву недалеко от дороги. Снаряд тяжелый, но гораздо легче снаряженных минометных стволов, так что ничего страшного, управиться и одному ничего сложного. Уперев казенную часть в ствол, это чтобы придать большую силу картечи, так сказывал атаман, Соболь пристроился и глянул сквозь прорезанный вдоль ствола желобок, это навроде как прицел. Оно конечно картечь разлетится так, что площадь большую займет, вот только направление надо бы выдержать, а ну как чуть вверх или вниз направить, иль в сторону, тогда основной заряд мимо и

пролетит, а того не надо. Ствол он наводил не под прямым углом к дороге, а под острым, так чтобы заряд прошел через дорогу как бы повдоль, тогда и больше народу заденет и если вдруг какой разрыв между ротами, то все одно кого-нибудь да заденет. Ага, ствол чуть задран вверх, это ничего, вот так вот лопаткой пристукнем рогатину. Во-от, теперь порядок.

Теперь зафиксировать отрезом тонкой веревки, замаскировать и потянули бечевочку, эвон Куница уж бежит со своим концом. Он свою картечницу устанавливал шагах в пятидесяти и на другой стороне и выцеливал в туже сторону, это чтобы заряды не встретились, нечего, по одному и тому же месту бить. А вот растяжку, эко слово мудреное, атаман прям затейник какой, соединят в одно натянут поперек дороги, а уж апосля взведут колесцовые замки. Заденут ту бечевку и оба заряда сработают одновременно. Теперь порядок, пора и честь знать, тем паче уж слышатся звуки которые однозначно указывают на то, что походная колонна гульдов на подходе. Милости просим гости дорогие.

Два бывших браконьера переглянулись сияя лукавыми улыбками и шутливо отвесили земной поклон в сторону приближающегося врага, припустили во все лопатки углубляясь все дальше в лес. Все что смогли они сделали, а насколько хорошо, это уж оценят гульды. Атаман им строго настрого наказал, не задерживаться, а сразу же уходить к месту сбора. Они уже были примерно в полуверсте от места засады когда услышали отдаленный сдвоенный хлопок и крики, в интонациях которых были и боль, и гнев, и команды, одним словом чего там только не было. Затем начали раздаваться беспорядочные выстрелы. Знать гостинец пришелся по вкусу, эвон как голосят. В очередной раз переглянувшись они не сговариваясь сплюнули под ноги, что у славен почиталось высшей степенью презрения и продолжили свой путь. Ничего, лиха беда, начало. Они еще покажут.

***

Виктор повозился словно наседка поудобнее устраиваясь в окопчике, немного поправил пучок травы под коленом, при длительном стоянии появляются весьма неприятные ощущения. Надо бы озаботиться наколенниками из твердой кожи с мягкой подкладкой. Почему нет, если так уж сложилось, что то и дело приходится бухаться на колени. Перед лицом врага оно вроде как неприлично, но зато весьма полезно и как мишень не выставляешься, и для стрельбы позиция куда как более удобная, чем из положения стоя.

За прошедший день они устроили несколько минных закладок на пути движения колонны гульдов. Волков очень надеялся, что все они сработали и осечек не случилось. Лучше бы, противнику как можно дольше не понимать, что происходит и как именно славены подрывают мины. Как там обстоит дело с результативностью, предстояло еще выяснить, но он сильно надеялся на то, что неплохо. Всего было устроено четыре закладки по две мины, его была пятой. В этом принимали участие только ветераны, у молодняка нервы были натянуты как струна, так что могли случиться и ошибки. Парни сначала должны обзавестись боевым опытом, чтобы их можно было отпускать в самостоятельный выход. Виктор не без оснований переживал за своих ребят, все ли сумели избежать прямого столкновения с противником? Нет ли потерь? О себе бы подумал.

На этот раз целью засады была не колонна, а передовой дозор, рота драгун. Скорость его продвижения во многом определяет темп передвижения всей колонны. Раньше они их не трогали, так как необходимо было устроить несколько засад на основную колонну, с целью нанесения максимальных потерь. Теперь пришла очередь этих. А то прут, словно им и сам черт не брат.

На данный момент отряд Виктора имел только четверых раненных, по счастью легко. Большое внимание придававшееся при обучении умению маскироваться и использовать любые укрытия, дало свои плоды. Гульды понесли куда большие потери, если только их не назвать огромными, правда до катастрофических отметка еще не дошла, чем Волков был откровенно недоволен. Противник оставил в Тихом множество раненных, под присмотром пары десятков солдат, возможно туда же были отправлены и те, кто пострадал в результате диверсий, сколько-то они потеряли убитыми. Но колонна продолжала продвигаться в прежнем направлении, а это значит, что командующий корпусом все еще уверен в своем превосходстве.

Ага. Появились красавцы. Ну-ну. Интересно, сколько народу сейчас уже обошли его с боков. Сидя под крышкой из ветвей, он выглядывает сквозь узкую щель, обнаружить которую снаружи будет весьма не просто, даже если знать об этом окопчике. Впереди движется дозор из десятка всадников, примерно в ста шагах от них, в пределах видимости остальная рота. Грамотно идут, ничего не скажешь. Выждав, пока основная масса всадников войдет в сектор картечниц, Виктор быстро потянул за оба шнурка, двух мин. Можно было бы устроить засаду и так же как он приказал парням, но он боялся того, что передовой десяток может оказаться достаточно далеко от основного отряда и заряды

сработают практически впустую. Как выяснилось, он был прав. Сначала сработала одна, потом выбралась слабина и дальнего заряда, еще взрыв. Крики, стоны, ржание, выстрелы, все это доносится из непроницаемого облака молочно белого дыма, который в лесу рассеивается весьма неохотно. Все ребятки, мне пора.

Виктор разом отбросил крышку и обернулся к тому десятку, что оказался у него в тылу. Заметили его практически сразу, драгуны уже развернулись. Раздалось несколько выстрелов. Волков тут же упал на дно окопа, с громким жужжанием пронеслось несколько путь. Вот ведь, ничего похожего на тот посвист в его мире, здесь калибры куда солиднее и пение у вестниц смерти подстать им. Не высовываясь из окопа, он метнул в направлении противника две гранаты и когда они сработали, в мгновение выметнулся на поверхность.

Заряд в гранатах куда как меньше, чем в картечницах, потому не только звук разрыва уступает им, нет и того непроницаемого облака дыма, так легкая дымка, которая если и ограничивает видимость, то незначительно. Он успевает рассмотреть двух лошадей без седоков и еще одну дергающуюся на земле, не зря гранатки улетели. Вот только долго думать над этим некогда, мгновение, да и то на ходу, вот и все, что он может себе позволить. Бегом, только бегом. Тут не далеко, всего-то с версту. Вот только эту версту нужно пробежать.

Как там было в том фильме 'Берегись автомобиля': 'Погоня. Какойже детективный сюжет обходится без нее…'. Вот только Юрию Деточкину было куда как проще, он был на колесах и в него никто не стрелял. А тут легкие работают как мехи, и не столько от того, что воздуха не хватает, уж что-что, а физическая форма у него на высоте, сколько из-за хлынувшей в кровь ударной дозы адреналина.

'Вжжью'! Зараза, на этот раз прицелились совсем даже не плохо. Нет, ну нужно тебе это было!? Стало жалко переводить попусту заряд, который стоит не так чтобы и дешево. Идиот! Жизнь человеческая куда дороже, а уж своя… Теперь затея казавшаяся вполне выполнимой уже не казалась такой удачной. Стоп. Ругать себя потом будем, сейчас нужно сбить пыл у этих гадов. Карабин уже давно в руках, вот эта коряга вполне подойдет.

Виктор сходу перемахнул препятствие и резко затормозив, обернулся бухнувшись на колено. Все же нужно будет озаботиться наколенниками. Вот же, подумать тебе больше не о чем! Над головой вновь пролетает пуля. Достали. Вон он дымок, а сквозь него прекрасно виден стрелявший. Адреналин бушует как адское

варево, сердце бухает о ребра как бешеное, но рука не дрожит, в груди закипает такая знакомая холодная ярость. Выстрел! Этот готов. Перезарядка, глаза сами выискивают следующего преследователя. Еще выстрел. Давно бы так. А то взяли моду, бегать словно тут вам и не война вовсе, а тут стреляют. Потеря двоих заставляет драгун искать прикрытие.

Давать здесь бой в его планы не входит, поэтому убедившись, что прыть слегка сбита, Виктор пригнувшись, дабы не отсвечивать лишний раз, побежал дальше. Не стоит забывать о том, что в лесу имеются еще и спешенные драгуны бокового охранения.

'Бах'! 'Бах'! 'Бах'!'Вжжью'! Дурные мысли притягивают неприятности. На этот раз выстрелы звучат слева. Вот же гады! Быстро они подтянулись. Волков прижимается к большому вязу и отчетливо слышит как вслед за выстрелом в ствол ударяет пуля. А вот теперь он только рад тому, что здесь не знают бездымного пороха. В густом подлеске быстро заметить противника не так чтобы и просто, даже с учетом их ярких мундиров. А вот дымок как маяк, указывает где именно нужно искать противника. Два выстрела один за другим, стон раненного. Еще выстрел. Все, никто больше не отсвечивает. Бегом.

Перезаряжаться некогда. Карабин за спину, кольты в руки. Движение справа, что там сзади не рассмотреть. Вот олух! Они же решили, что он уже расстрелял все свои заряды. Ну сколько можно навьючить на себя оружия? Укрывшись за очередной корягой, Виктор вскинул оба револьвера, за прошедшее время он все же сумел поднатореть, в стрельбе с обеих рук. Расстояние едва ли тридцать метров. Гульды бегут совершенно открыто. Сначала он бьет с правой руки, вслед с левой. Двое падают. Быстрая перезарядка. Еще один падает на землю. Следующий выстрел мимо, противник сообразил, что тут явно что-то не то и прячется. Может решили что здесь еще стрелки, а может сообразили, что имеют дело с весьма дорогим и редким магазинным оружием. Не суть. Обернуться назад, еще пара выстрелов. Все. Ходу!

На большую поляну он выскочил уже с полностью разряженным оружием, перезарядиться никак не получалось, как и подстрелить еще кого-нибудь. Сбивая пыл преследователей, он израсходовал и последнюю пару гранат. Впустую, судя по тому, что никаких криков или стонов он так и не услышал. Все, дальше бежать уже опасно.

Отбежав от кромки леса не далее тридцати шагов, он сходу распластался на траве, немного проехавшись по ней брюхом. Едва остановившись, Волков тут же перевернулся на спину, выпростав пару ножей. Перезаряжаться все так же некогда. Трава не очень

высока, но ее достаточно, чтобы скрыться от взглядов преследователей, этому способствует и одежда, сливающаяся с местностью. Драгуны как видно сообразили, что у их дичи все же вышли заряды, поэтому сходу развернувшись широким веером, они не скрываясь выбегают на открытое место.

Как всегда залп не получился, ударили вразнобой, с незначительными интервалами и накладывающимися друг на друга выстрелами. Вдогонку звучат еще несколько выстрелов. Тишина. Стрекот кузнечиков, жужжание насекомых. Вот же паразиты, словно и не стреляли только что. Вот птицы это иное, мечутся в высоте и оглашают окрестности своими беспокойными голосами. Значит несмотря ни на что, он не ошибся и вышел точно на подготовленную засаду. Интересно, все сумели вернуться.

— Атаман. Атаман.

— Чего тебе, Зван?

— Жив, что ли?

— И даже не ранен.

Виктор устало поднимается на ноги и сталкивается взглядом с парнем. Тот улыбается во все тридцать два зуба. Затею Виктора он не одобрял и пытался его отговорить, но тогда Волкову мысль показалась здравой и оправданной. Сейчас он так уже не думал и мысленно клял себя на все лады, вот только внешне этого не показывал.

Глава 3

— Я уж думал, что ты мертв, как и парни твои, а ты эвон: грязный, помятый, усталый, но живой, — говоря это Градимир не скрывал облегчения, невольно охватившего его.

Вот поди пойми этого человека. То за горло берет так, что дохнуть невозможно, при этом еще и карами стращает. То вот так вот переживает. То что, он искренне рад у Виктора сомнений нет, мало того, видно у воеводы словно камень с души упал, ведь понимал, что снова вынудил старого знакомца, коему не единожды жизнью обязан, рисковать жизнью в попытке воспрепятствовать подходу врага. Но видно на этот раз задача и впрямь оказалась для него неподъемной. Не сказать, что Градимир сильно рассчитывал на удачу, но надеялся, иначе не вывел бы полки в поле, навстречу противнику. Когда в назначенный срок посыльный от Добролюба не прибыл, воевода искренне обругал себя, за потерю таких бойцов, и их десятника в частности. Мысленно, не посвящая в свои думы никого, но он был собою недоволен и переживал утрату. А тут…

— Милостью Отца небесного мы со смертью пока разными дорогами ходим, — одарив присутствующих своей неподражаемой улыбкой, ответил Виктор.

При этом краем взора он успел усмотреть, что заместитель воеводы недовольно скривился. Уж этот-то не стал бы огорчаться, погибни этот висельник. И чего взъелся на него? До женитьбы он его просто не любил, это понятно, прямое подчинение воеводе, остальные побоку. Но после свадьбы в него словно бес вселился. Всякий раз искал повод, чтобы пнуть десятника и за людьми его следил так, словно только и ждал, чтобы те оступились. Будь на его месте тот же подьячий из Звонграда, было бы понятно, тот имел огромный зуб лично на Волкова. А этот-то с чего?

— Отчего гонца не прислал?

— Дак не вышла задумка.

— Ну и известил бы.

— К чему? Ить решили же: коли гонца не будет, ты уведешь полки в Обережную. А мне там каждый человек был нужен. С каверзой ничего не вышло, но мы и так, честным оружием сумели пустить кровушку ворогу, — говоря это, Виктор скосил взгляд на Бояна. Ну-у, боярич, тебе не угодишь. Не по чести плохо. Честным оружием, кабы ни еще хуже.

— Хорошо погуляли? — А вот Градимир доволен. Такое впечатление, что после того как он увидел живого Добролюба ему уже ничто не испортит настроение.

— Неплохо получилось. Мне так думается, что более трети полка мы либо поранили, либо на тот свет спровадили.

— И все это честным оружием, — Боян буквально сочился желчью. Нет, ну что ты будешь делать.

— Дак ить мы в атаку не хаживали. Там гранатку кинем, там стрельнем, там волчью яму устроим, опять же чуть не половину ихнего пороха извели. Тайно пробрались в их лагерь и подорвали, но тут тоже все честь по чести, военной хитростью то деяние называется.

— Ты кто такой, чтобы о чести рассуждать!? — Вяткин младший даже вскочил на ноги, вперив гневный взгляд в Добролюба. Достал! Да сколько можно!?

— Я тот, кто за обиду виру кровью берет, боярич. Уже брал и случись, снова возьму.

— Добролюб, — ну вот, опять воевода вынужден встрять между этими двумя. Не следовало доклад принимать в присутствии Бояна, но не гнать же в самом деле, тот уж здесь был, когда десятник заявился.

— Уж не угрожаешь ли ты мне? — Ага, поди успокой лучше зятя.

— И в мыслях не было, — тут же открестился Виктор, чем удивил Градимира.

Вот в начале это был тот Добролюб, которого он знал. Сказал обидное слово, получи ответ, восхотел большего, получишь и больше. А тут… Что это? По всему выходит, он как бы уступает Бояну, на попятную идет и чуть не жалеет о резкости что позволил себе попервах. Чудны дела твои Боже.

— А как же понять твои слова? — Не хочет униматься этот молокосос. Спокойно. Это точно будет лишнее.

— То ты у гульдов поспрошай, боярич. Они тебе все доподлинно разъяснят, — устало вздохнув, проговорил десятник.

— Добролюб! Много на себя берешь.

— Опять казнить станешь, воевода? — Вот ведь. Уж второй раз за последнее время кроме свирепости он еще что-то иное видит в лице этого зверя в человеческом обличии. Неужто не показалось и в страшном оскале видится горестная улыбка? — А давай. Чего уж. Подумаешь висельник, что верой и правдой долг свой выполняет. Родня она завсегда ближе будет. Вот заместитель твой тут про честь рассуждает, а по чести ли то, что он тут творит? Чего на меня глядишь? Нешта не вижу, что обозлить меня хочешь да под суд подвести.

— Да ты… Ты…

— Боян, охолонь, — вздохнув остановил не находящего слов и уже хватающегося за сабельку зятя, Градимир. — Что по

гульдам? Правда то что сказывал тут? — Это уже к Добролюбу.

— Все как есть правда, воевода, — отвернувшись и вперив взгляд в стену, устало ответил Виктор, — Если сегодня в чистое поле стрельцы обережненские выйдут, то ворога одолеют, хотя бы потому что огненных припасов ему не достанет для серьезного боя.

— Иди пока. Отдыхай, — как только дверь за десятником закрылась, Градимир тут же бросил гневный взгляд в Бояна. — Скажи зятек, а коли Смеяну и Ратибора ворог пожег бы, что ты стал бы делать? Лить слезы и утирать сопли? Сомневаюсь. Потому как я в тебе мужа вижу. Так чего же ты набросился на того, кто поступает так же, как, случись, поступил бы ты?

— Он смерд и…

— Он вой, — резко перебил его тесть, — и в том многие уж успели убедиться. И в десятке у него настоящие вои, кои за пояс заткнут и стрельцов наших и посадских. Не понимаешь. Ладно. Вот нас тут более двух тысяч воев, но не мы, а они, эти разбойничьи рожи чуть не полк извели. Не тот вой, кто обличием пригож и свои чистые помыслы напоказ выставляет, а тот кто делом доказывает право свое звание такое носить. Даже если они дальше и палец о палец не ударят, им уж доказывать ничего не нужно. Вот только не будет этого, потому как и далее наперед остальных будут. Я тебя уж не раз спрашивал, но на этот раз не выпущу из горницы, пока ответа не получу. Чем тебе насолил Добролюб?

— А от чего, ты так его жалуешь? — Вопросом на вопрос, с вызовом, ответил Боян.

— Стало быть, начинать нужно с меня. Будь по твоему. Трижды я тому скомороху жизнью обязан, но ни разу он меня тем не попрекнул и не напомнил об услуге своей. В третий раз, спас он не только меня, но и крепость от приступа решительного. Более тысячи людей тогда в должниках у него оказались, а ему за то, только подворье и восстановили, ни почестей, ни наград. Вместо того, я лично его за глотку ухватил и определил на службу государеву, силком определил, вот только служит он не за страх, а за совесть.

— А чего же, ты дите, что якобы его дочь, ему не отдал? Не для того ли, чтобы покрепче его привязать? Чтобы и мысли у него не было, сбежать?

— То не якобы его дочь, а самая всамделешная. А не отдал я ему ее, чтобы заставить извернуться, да самого себя превзойти. Но Отцом небесным клянусь: Зайди речь о моей личной пользе, и думки такой не было бы, но тут дело государственное. Вот и выходит, если кого и нужно в бесчестии попрекать, так то меня, а

не его.

— Ты это… Батюшка, ты себя-то не кори. Чай дочке его заботу материнскую дали, какое уж тут бесчестие. Опять же, лекарка сказывала, что дитю грудное молоко хотя бы попервости надобно, слаба она, — встревожился Боян, уж больно виноватый вид у тестя получался.

— Этим можно себя успокоить, но правда в том, что за добро, я недобрым отдариваюсь, хотя и не ради своей выгоды, — вновь внимательный и требовательный взгляд на Бояна. — Я на твой вопрос ответил. Теперь жду твоего слова. Ведь нет в тебе спеси и людей ты всегда ценил по заслугам, за что и люб мне. Так с чего?

— Я это…

— Чего жмешься как баба? Я ить слову своему хозяин. Сидьмя тут сидеть будешь, пока ответ не дашь. Случись на ворога выйти, так караул у двери поставлю, сам управляться буду.

— Не надо караула, — вздохнул Боян. — Не знаю как и начать. По первости мне просто пришлось не по нраву то, что ворога они били про честь не вспоминая, да приказы только твои исполняли, а ить я не пустое место, я заместитель твой.

— Да как ты не поймешь. Не простые то люди. Ты хоть раз видел, чтобы я им отдавал приказы? Они на службе не из страха за себя, потому как подадутся в лес, поди потом их сыщи, а как на большую дорогу выйдут, так и вовсе беда выйдет, больно ловкие. За Добролюбом они пошли и только его воле подвластны, потому как никому иному не верят.

— То я уж понял. Обида конечно была, но с тем я почти смирился. А вот на свадьбе… Когда он скоморошил на потеху гостям…

— А чего там-то стряслось такого, чтобы я не усмотрел. Развлекал гостей. Старался от души. Да он тогда словно помолодел и про все свои несчастья позабыл. Причем тут свадьба?

— Смеяна…

— Чего Смеяна? Да сказывай, не клещами же из тебя все тянуть.

— Она как его тогда увидела, то в глазах у нее я такую жалость увидел… Не жалеют так убогих да увечных. То иной взгляд был. Словно дорог он ей. Словно сердце ей защемило. Да и в его взгляде было, что-то на боль утраты похожее. Не знаю я как это словами объяснить. Взревновал я.

Баба она сердцем видит. Правильное выражение. Вот только любящее сердце оно востократ бывает более зрячим, так же как и слепым. Не объяснить того. То даже не зрение, а чутье. Сама Смеяна, не отдавала отчета своим помыслам, да и не мыслила

она о том, если что и было, то упрятано так глубоко, что и сама она ничего не видела. Она не видела, а вот он рассмотрел у обоих.

— Ты думаешь, что говоришь-то? — Забеспокоился Градимир. — Ты дочку мою хочешь уличить…

— И мысли такой не было, — тут же встрепенулся Боян. — Верна она мне и верной останется до гробовой доски и любит она меня, то я вижу, чувствую. Сам тем же отплачу. Но есть у нее в сердечке та заноза, а от того и мне больно. Вот голову готов прозакладывать, отдай мы ему сейчас дочку и никуда он не уйдет. Вывезет ее в безопасное место, но вернется и будет тут стоять насмерть, потому как она в крепости.

— Ничего не понимаю.

— Я и сам не понимаю. Но вот уверен, что так оно и будет.

— Ну, а коли так, то отчего не воспротивился тому, чтобы кормилица девочку кормила? Ить дите от девки гулящей. Знаю, что тебе то не по нутру.

— Любовь и веру жены испугался потерять. Она материнским чувством преисполнена и искренне о малютке заботу проявляет, а сама-то и не ведает, что есть и иное. Его это дочь, вот главное, хотя она и сама о том не ведает.

— А может ведает?

— Да то, что это его дочь ей ведомо.

— Я не о том.

— Нет. Не потому говорю, что в то поверить не могу. Не может она так лгать. Я ить чую, что все между нами так же как и прежде. То потаенно очень глубоко.

— А может так статься, что ты видишь то, чего и в помине нет?

— Может и так, — пожав плечами, легко согласился зять, — но вот вижу и все тут.

— Ох, детки, детки. Это что же получается. Даже восхоти я услать его сейчас, то он воспротивится. А тут он, так вам обоим не сладко.

— Не о том, думаешь, воевода, — приосанился Боян, как человек принявший решение. — Переступлю я через себя. Слово тебе даю. Вот выговорился и словно гора с плеч, нет силы в себе все это носить. Оно можно его и отослать, но твоя правда, нужен этот бывший скоморох тут и хитрости его нужны. Ловок он, а тут сейчас все потребно. Ворог у ворот.

Вот так. Выговорился. Самому полегчало и пошел дальше службу справлять, расправив плечи так, словно и впрямь гору с плеч скинул. А что теперь делать ему. Ить гора та на плечи самого Градимира взвалилась. Если прав Боян, то самое малое,

нужно сделать так, чтобы между Смеяной и Добролюбом были сотни верст. Оно, можно и в ярость впасть, да только верно ли то. Эвон супруга его, мать Смеяны, всю жизнь иного любит, но к Градимиру всей душой и верна, и заботу искреннюю имеет, и сердечко у нее за него болит, но права молва людская — сердцу не прикажешь. Неужто и Смеяна, как и мать ее… Да нет же. Кто он и кто она, ей ведомо и бесчестия она не попустит. Опять же, за Бояна идти ее никто не неволил, люб он ей, в том он голову готов прозакладывать.

— Дозволь, воевода.

Легок на помине. Иного времени не мог найти? Градимир против воли устремил на вошедшего хмурый взгляд. Мало, что все время по грани ходит, только его и слушает, так еще и вон чего удумал. Погоди. То слова Бояна. Любящее сердце способно увидеть и то, чего и близко нет. Но для спокойствия потребно все же услать этого добра молодца куда подале. Куда? Время есть, еще решится, но услать обязательно. Может и нет ничего, скорее всего это так, да только спокойствие в семье дочки дорогого стоит. Вот разберутся с теми полками.

— Чего тебе? Не все обсказал?

— Дума есть.

— Чего при Бояне молчал, коли думу имеешь?

— Невзлюбил он меня и любую мысль мою в пику примет, а ворога нужно бить покуда он к стенам не подошел.

— Стало быть, об исполнении воли Великого князя печешься?

— О людях думу имею, кои в крепости собрались. Крестьяне, да мастеровые, они хлеб растить да ремеслами заниматься должны. Ворога бить и покой обеспечить, то забота не их, а воев. Коли не по силам будет, то дело иное, но сдается мне, что сил у нас к тому в достатке.

— Гульды коли один к одному с нами выйдут, выучку куда большую имеют. Эвон Великий князь, народу поболе, чем Карл имел, а выстоять не сумел. Даже если ты не ошибся и действительно столько народу побил, они все едино числом нас превосходят. Понимаю, что хочешь сказать. У ворога с огненным припасом трудности, но на один бой всяко разно хватит, а там и подвезут. Уверен, что гонец с донесением уж к их королю отбыл.

— Значит, нужно будет уровнять силы и превзойти их.

— Мудрено говоришь. Ладно, сказывай, чего удумал.

— Я не раз посмеивался над стрельцами нашими глядючи на то, как они таскают за собой пищали большие и неуклюжие кои чуть ли не ядрами заряжать потребно. Но сейчас видится мне, что если это с умом использовать, то преимущество большое может получиться.

— Да не тяни ты кота за непотребство.

— Думаю я, что стоит нам пищали, у коих калибр большой, снарядить картечными зарядами. Один заряд семь картечин вместит, никак не меньше. Подступят гульды для стрельбы мушкетной, как водится, встанут рядком для залпа дружного, а тут и мы ударим по ним картечью.

— Картечный бой не вчера придуман. Да, выгода будет немалой, вот только мушкет против пищали в скорострельности куда более выигрывает, а с багинетами может получиться и половчее чем с бердышами.

— А если против одного залпа, скажем, дать пять. Да потом первая линия отойдет, а вторая еще пяток залпов даст. Первую линию как есть побьем. Да еще если наперед вывести пушки, картечью снаряженные.

— Это как это ты собираешься дать пять залпов? — От хмурого взгляда нет и следа, только заинтересованность.

— А просто все, воевода. На всю длину ствола протягиваем запальный шнур, а потом начинаем укладывать заряды, один на другой. Я так разумею, чтобы дальность приличной оставалась пяти зарядов будет в достатке. Запаливает стрелец шнур и ждет пока он прогорит, как достигнет пороха, тот загорится и выметнет картечь. Шнур от того не погаснет, а далее гореть будет и так пока все заряды не выйдут.

— То знакомо. В старину так из тюфяков стрельбу вели, дробом каменным. Хм. А может и получиться. Вот только дымом все заволочет, так что стрельцам уж и не усмотреть будет где гульды стоят.

— Залпа как такового не получится, стрельба выйдет в разнобой, так что такого плотного дыма не будет, да и на открытом месте он возноситься будет и ветром его станет сносить. При стрельбе картечью, столь уж хороший прицел не надобен, она прилично разлетается. Первый залп тот и вовсе губительным будет. Тут еще какое дело. Не станем мы в открытом поле стоять. Время пока позволяет, потому откопаем ров с валом, так чтобы когда стрельцы в том рву станут, то над валом только их головы и видать. А перед ним поставим рогатки в два три ряда, да волчьих ям нароем. Чтобы гульды не вдруг добрались до нас, всяко разно, еще залп получится дать. Взберутся гульды на вал, стрельцы отойдут и чтобы до них добраться тем придется в ров спуститься, тот не глубок получится, да все одно, наши их сверху вниз бить станут. Но то уж случай крайний, сдается мне не сумеют они добраться до рва.

— И где предлагаешь поставить полки?

— По воинской науке, ты у нас мастак. Куда мне против

твоего опыта.

— Ты мне зубы не заговаривай. Чай уж подумал обо всем, так что все и выкладывай.

— Вдоль Веселого ручья. Там и сам по себе подъемчик есть, а если еще и вал поставить. Жаль дно твердое, ну да не может быть все хорошо.

— Больно широко по фронту получится. Там почитай с полверсты будет. Резерва считай у нас не будет.

— Зато с флангов никто не обойдет. Там сосняк светлый, да оврагами с крутыми скатами все изрезано, так что полусотни достанет, чтобы удержать чуть не полк. С другого фланга Турань.

— И кого предлагаешь туда определить?

— Меня с моими парнями. Мы в лесу действовать обучены. Да твоих боевых холопов. Мушкеты-то у них все переделанные, так что по скострельности нам нипочем не уступят.

— Твоих девять, да моих две дюжины. Где полусотня-то?

— Из пограничной стражи пару десятков из ведающих охоту наберем. Я парней своих снарядил винтовальными карабинами, так что выдам им на время боя старые. Вот так полусотня и наберется.

— И что, эти винтовальные тоже в скорости не уступят?

— Нет.

— Объяснить, как такое возможно не хочешь?

Рассказывать ни о чем не хотелось. Но тут ведь какое дело, если и дальше молчать, то и до беды недолго. Пули то их в гульдах не всегда остаются. Те кто насмерть сражены, тайну не выдадут, потому как вскрытие никто не делает. А вот раненных когда пользуют, свинец вынимают и далеко не всегда пуля попадает в кость и деформируется до бесформенного куска, чаще даже наоборот. Если же в мягкие ткани, так пуля и вовсе целехонька. Не такие уж тут и тупицы, чтобы не сложить два и два. В славенах тех пуль нет, так что от них скрыть новую разработку проще простого, а вот в гульдах их сколько угодно. Попадет образец к кому, кто с головой дружит и тогда не врагу и своим удивляться придется.

Руководствуясь именно этим, Виктор не долго думая извлек два патрона и распотрошил их представив взору воеводы два образца пуль, Нейслера и Минье. В двух словах рассказал, что да как. Градимир имел достаточный опыт обращения с огнестрельным оружием, чтобы тут же понять суть задумки, а так же то, как людям Волкова удавалось вести столь меткую стрельбу.

— Что же ты раньше молчал, скоморошья твоя душа, — в сердцах ругнулся воевода.

— А того и молчал, что одно дело, на стрельбище, иное в

бою. Испытать нужно было.

— Испытал?

— Испытал.

— А о том, что гульды наковыряют из своих солдат твои пули и поймут что да как, ты подумал.

Нет, все же умен воевода, не отнять. До Виктора это дошло вот только сейчас, а он сразу суть ухватил. И кто сказал, что среди врагов таких умников не окажется? Казалось бы, представитель двадцать первого века, века научно-технического прогресса, вот только соображалка не зависит от того, в каком обществе ты вырос. Дуракам вообще закон не писан. Ладно, чего уж теперь-то, лапухнулся. Пищалям те пули без надобности, а вот мушкетам, коими уж больше половины армии вооружены, очень даже пригодились бы.

Казалось бы, ничего страшного. Пулелейки можно быстро налить из бронзы, а там и сами пули. К новому сражению вполне можно поспеть. Вот только, гладко было на бумаге. Ты поди сначала разберись какого калибра лить те пулелейки. Пуля то она расширяется, да только зазор не должен превышать половины миллиметра. Вот и выходит, что сначала нужно перемерять калибры, которые разнятся и на миллиметр и на два, а то и куда больше, только потом приступать к изготовлению изделия.

— О том я не подумал, решил не нагнетать Виктор.

— Оно и видно. Калибр у тебя под иноземные карабины?

— Те, что для гладкого ствола, под гульдские.

— Еще лучше.

— Дак оружие у нас с бою взято. А потом какая разница, калибры и у гульдов разнятся дай Бог, разве только не так сильно как у нас.

— Тут разницы никакой. Да только кабы у тебя пулелейки под мушкеты Казминской мануфактуры были, то мы бы могли за сутки налить тех пуль, хотя бы по десятку на тот мушкет и ворогу еще на подходе досталось бы. Винтовальные твои мушкеты на сколько бьют?

— На шестьсот шагов. Но так чтобы уж с уверенностью, то на четыреста.

— Значит так. Гульдские карабины передашь моим холопам. Да не гляди так, на время, потом возверну. На фланге я выставлю пару сотен стрельцов, управятся. Ну, а вы с моими холопами в линию, но действовать будете на свое усмотрение. Как ты там сказывал, пока ворог подойдет на дистанцию прицельной стрельбы, вы уж чуть не по десятку выстрелов сумеете сделать?

— Штуцера и поболе.

— Штуцера?

— Ну, мы так винтовальные мушкеты прозываем.

— Понятно. Вот и будете стрелять по способности. Два десятка метких стрелков это уже не баран чихнул. Где бы пулелейки те заказать, под Казминкой мануфактуры мушкеты? Ими все полки нового строя вооружены, Миролюбу в предстоящем сражении большая польза с того вышла бы.

— В Звонграде, у златокузнеца Зазули. Он ладил нам наши пулелейки.

— А почему залотокузнец?

— Точность большая нужна, кто же лучше него справится.

— Ага, значит, сегодня же батюшке отпишу. Ох Добролюб, пришибить тебя мало. Ладно, может статься еще и не поздно.

— А что по гульдам решим?

— Нечего тут решать. Стрельцам у крыльца скажи, чтобы Бояна ко мне вызвали. Коли хотим поспеть встречу подготовить, то выходить немедля надо.

— Дак пищали проверить потребно, а ну как не выйдет затея.

— Выйдет или нет, выходить на встречу все одно надо. Раз уж так вышло, что и с припасами у них туго и числом уж поменьше, то не воспользоваться тем было бы глупо.

А вот это другое дело. Виктор не хотел говорить Градимиру, но только расчет у него был не на одни пищали. У него в запасе имелось еще три десятка картечниц, с помощью которых он намеревался заминировать подходы к позициям стрельцов. Маловато конечно, но как говорится, чем богаты. Можно было бы подготовить мины и из бочонков с порохом, но во-первых, слишком много под то пришлось бы извести этого стратегического зелья, во-вторых, у него не было в запасе колесцовых замков, а с запальными шнурами много не навоюешь, только зря припасы переводить.

Кроме того, у него имелась пара тузов в рукаве, в виде сотни надствольных гранат, которые он в начале собирался использовать с фланга. Гульды сразу не начнут обходный маневр, всяко разно поначалу постараются связать боем основные силы, вынудить славен ввести в бой все резервы и только потом предпримут обход. Ну что же, ударит он теми гранатами не во фланг, а во фронт. Правда, эффект будет послабее, ведь люди будут разбросаны по позиции и массированного обстрела не выйдет, ну да нельзя получить все и сразу.

Второй сюрприз это Горазд, со своим десятком, четырьмя разовыми минометами и парой сотен мин. Они должны были ударить с фланга и накрыть артиллерию гульдов, а так же резервы. То уж Сохатов должен был сам решить, как быть лучше. Все зависит от того, где будет расположен резерв и пушки. Вот

что-что, а минометы, Виктор открыто светить не собирался. Случилось и случилось, а как там и что, ведать не ведаю. Гранаты, то дело иное. Пожалуйста. Ручные мортирки не вчера появились. А какой там запал поди разбери, используют они все до последней гранаты, а потом он с честными глазами станет утверждать, что там все просто, использовалась обычная запальная трубка.

Что касается ручных гранат, так их он никогда и не скрывал. Тоже ничего нового, давно это оружие известно. Захотят повторить, милости просим. Вот только он был уверен, что мучиться с запалами никто не станет. Лишний труд и деньги, с трубкой или шнуром куда как проще, если только ребристый корпус позаимствуют, когда поймут какая от него польза. Но пока что-то не поняли. Странно. Вот насчет пуль, у Градимира соображалка сразу сработала, а что касается гранат, никак не усмотрел он пока выгоды. Воевода как-то поинтересовался этим оружием, но потом благополучно от него отмахнулся, ах граната, ну и ладно. Гранаты считались малоэффективным оружием. Еще бы, если они разрываются порой на целых три-четыре части, а фугасного же эффекта, считай, что и нет.

С пищалями откладывать в долгий ящик не стали. Едва только Градимир отправил гонца с грамоткой к отцу, как тут же призвал к себе пятерых стрельцов, с коими удалился на стрельбище. Вскоре за стеной послышались выстрелы, заставившие встрепенуться как гарнизон так и всех укрывшихся за стенами. А и то, ить ждали подхода ворога. Но вскоре все успокоились, воевода вишь ли, позабавиться решил, учение учудил. Шутник, итить твою.

Виктор непременно поприсутствовал бы на стрельбище, да только в тот момент был на своем подворье. Чай здоровье не безразмерное, помотало его за эти дни изрядно, так что нужно было хоть немного поспать. Прислушавшись к разноголосой трескотне он как-то отстраненно решил, что по меньшей мере со скорострельностью не ошибся, как там будет с остальным, узнает позже.

— Что головушку повесил?

— Здравствуй, бабушка Любава. Ты никак из дома Бояна идешь?

— Оттуда милок. Сынишку его проведывала.

— И как там?

— Все слава Богу. Лучше пока не становится, но и не хуже, а это уже большое дело. Ничего еще малость постоит на месте и пойдет на поправку. Да ты-то чай и не о нем справляешься?

— Отчего же. И о нем. Неча ей тут делать, коли есть такая

возможность пусть бы ехала.

— Нет ему ходу, — разочарованно покачала бабка.

— А Неждана, как там?

— Дак было бы плохо, то я тебе и сама уж все давно обсказала бы. Лопает да спит, чего ей станется. Только слышь, сдается мне, что женка боярича, сама себе на уме. Гордись, аспид, боярским молочком дочурку твою потчуют, не завсегда, но перепадает.

— Ну все, теперь я спокоен. Боярское молоко оно жуть какое справное, против холопского худородного.

— Баламут.

— Есть немного.

А что тут скажешь. Хорошо мужику, вот и шутит, не гляди, что ликом чистый висельник. Но не только радостная весть о дочке согрело душу. Та кто была ему не безразлична, заботу о его ребенке проявляла. Нет, надежды на что-либо такое у него и в мыслях не было, но вот грело это ничуть не меньше.

— Пока ты к воеводе ходил, я тут ребяток поспрошала. Выходит, что зря я травы-то изводила.

— Выходит, что так.

— Но кровушку ворогу ты и без того пустил?

— Пустил, бабушка.

— А как испили бы водицы?

— Поглядел бы, что будет. Ушли бы, так и не тронул бы.

— Ой ли?

— Ну, почти не тронул бы. Так, только пинка под зад дал бы, чтобы жизнь медом не казалась. Чай их тут никто не ждал.

— То понятно, война. А чего же ты в Тихом-то никого не тронул. Там ить раненых осталось тьма, а народу с ними, твоим татям только на один зуб.

— От тебя ли те речи слышу, бабушка?

— Ты меня с собой не путай. Я одно, ты иное и речь сейчас о тебе, баламут.

— Иных забот выше головы было, — пожав плечами, с явным безразличием ответил он.

— Ну и слава Отцу небесному. Стало быть, прогнал зверюгу.

— Какого… Вон ты о чем. Так ты про Неждану сказывала, когда говорила о том, что скоро появится человек и жизнь мою поменяет?

— О ней, милок.

— А откуда знала, что так-то будет?

— А не могло быть иначе. Тебе свет не мил был, потому как ты один как перст остался и жить стало не для чего. А дочурка все и перевернула. Ить раньше ты смертушки не боялся, беречь

себя берег, но не боялся сгинуть, а тут небось иначе все вышло.

— Вышло, — задумчиво произнес Виктор. — Я думал, что страху в душе у меня места не осталось, а как пошел в лагерь гульдский, так тот страх и подступил. Я поначалу и не понял, что это было, только потом и сообразил. Да только кровушки все так же хочется, как гляну на гульдов, так и начинает трясти.

— А чего ты хотел. Зверя, что человеческой крови отведал, охотники завсегда гонят, пока не настигнут, потому как лакомство это для него, раз попробовав, не отступится, дальше искать станет. Но ты того зверя еще обуздаешь. Дочка заставит, побоишься ее одну без догляда оставить.

Виктор невольно прислушался к самому себе. А ведь права бабка. Когда он понял, что в Тихом под малой охраной остается большое количество раненных, то первым желанием было остаться и вырезать их всех. Он уже был готов отдать о том приказ, когда мысль о продолжающем продвижение к крепости противнике, заставила прикусить язык. Эти опасности сейчас не представляли, а вот те… Те двигались к Обережной, лишая возможности покинуть ее дорогих ему людей. Вот только бабушка говорила об одном человеке, а было их двое. Поди и пойми ее. Неужели одну из них он потеряет? Спокойно. Ничего лекарка не напутала. Уже потерял. Другому она супруга. Да и не было никогда надежды, на то, что он сможет ее вообще обрести. Ну и хвала Отцу небесному, коли так.

— Иди милок, спать ложись. Тебе еще потрудиться придется, а для того силы потребны.

***

Люди были готовы драться, встать грудью и не пропустить ворога и дальше гулять по родной земле. Вот только перед тем, как встать с захватчиками грудь в грудь предстояло хорошенько поработать, готовя поле боя. Противник ожидался уже к утру, а значит чтобы поспеть предстояла бессонная ночь, проведенная в трудах.

Не остались в стороне и крестьяне окрестных деревень, без понукания, по первому призыву оставивших свое добро, что в крепость снести успели, деток малых и стариков, а сами вооружились инструментом и потянулись к Веселому ручью, примерно в версте от крепости, прозванному так за игривое журчание на все его протяжении. Ить гульды не удовлетворятся тем, что станут лагерем на тракте. Потянутся малые отряды окрест, да пожгут деревеньки, что сейчас пустые стоят. Так было

и так будет, сомнений в том нет.

Не сказать, что люди готовы встать здесь в сечу, если припечет так то иное дело, а так… Нет, не готовы. А вот жилы рвать им не впервой, опять же, знают ради чего стараются. Коли позицию оборудуют ладно, то и стрельцам станет сподручнее бить ворога, а раз такое дело, то и поработать с полным напряжением завсегда пожалуйста. Если и разгибают спину, чтобы пот утереть, да дух перевести, то против стрельцов, рядом трудящихся, делают то раза в три реже. Стоит стрелец, ухмыляется глядя как крестьяне остервенело в землю вгрызаются или колья забивают, а те и ухом не ведут. Пусть стоит, ему силы еще понадобятся. Да только долго лодыря праздновать у служивого не получается. Поглядит сколь сделано и сколь еще сделать потребно, крякнет и снова за работу. Тут на одних крестьян надежи мало, да и не им здесь в сече стоять, так что о себе любимом заботу надо бы проявить.

— Ну и как вам местечко?

— Нормальное место атаман, — это как всегда за всех Зван отмечается, как-то оно само получилось, что он вышел в его замы, но Виктор по большому был и не против.

— Ты за всех-то не говори, — осматриваясь сквозь прищур и утирая пот возразил Соболь. Оно и понятно, эвон сколько на себе всего пришлось тащить, хотя от крепости на подводе довезли, тут самим растаскивать, а поклажа не из легких, одних гранат килограмм на двадцать наберется, да каждый по три картечницы тащит. — Атаман, ты же сказывал в лесу станем.

— Вот браконьерская душа, все-то тебя в лес тянет, — подначивая охотника ухмыльнулся Зван.

— А ты не скалься. Всяк хорош там, где дело свое знает. Тут и без нас народу в достатке, а вот в лесу мы бы на своем месте были. Даже вы, хотя и ломитесь вечно, как медведь в малиннике, — ну тут он положим преувеличил, с другой стороны, им с ним не сравниться.

— Воевода, как прознал про наши возможности, решил, что на открытом месте от наших штуцеров пользы будет поболе. Эвон и карабины забрал, чтобы холопов своих вооружить.

— Хорошо хоть на штуцерах крепеж под прицелы гранатные есть, а то как бы тогда управлялись.

— Кабы так было, Кот, то я нипочем на такое не согласился бы и воевода мне в том не указ, эвон свой-то при себе оставил. Ладно, хватит о том. Теперь слушайте меня внимательно, действовать будем раздельно, поэтому уясняйте задачу. Как выйдут на шестьсот шагов, начинайте бить пулями по строю. Много не настреляете, но сколько сможете все на пользу. На

трехстах шагах начинайте метать гранаты и пока не метнете последнюю не останавливайтесь.

— Ну и какой тогда толк от наших штуцеров, — пожал плечами Зван, — пока мы последнюю гранату метнем, они уж на дистанцию мушкетного залпа выйдут.

— Ну не рассказывать же воеводе обо всем. Да и подойти так близко они не сумеют. Как метнете последнюю гранату, начинайте выбивать офицеров, да помните о том молчок. Кто знает, глядишь и не понравится боярам, что дворян гульдских какие-то бандитские рожи специально расстреливают.

— А как не станет офицеров?

— Ты много-то на себя не бери. Там работы непочатый край.

— А все же. Ить стрельцы эвон картечью садить станут, а она косит всех подряд, — не унимался Соболь.

— Так там сержантов еще полно. Сейчас разойдемся по позиции, да каждый пойдет устанавливать картечницы, как я сказывал. Еще вопросы есть?

— Дак, а если наши?

— Все уж. Нечего нашим там делать.

Приглядев себе позицию, Виктор сложил все оружие, кроме пистолей, попросил служивых присмотреть, а сам перемахнул через вал и направился в чисто поле, неся на плече мешок. Ноша нелегкая, веревка больно впивается в плечо, но тут уж ничего не поделаешь, положи его на загривок, так и вовсе кисло будет, там есть чему давить на тело и все не лебяжий пух. Уже светло, но солнце еще не взошло, оно и к лучшему, тут и так взопрел, а как солнышко светило бы, так и вовсе потом изошел бы.

— Ты куда? — Стрелецкий десятник внимательно смотрит на Виктора. Есть чему удивляться, работы уж все прекратили, люди отдыхают. Противник ожидается вот-вот, а этот в чисто поле, где уж никого и нет.

— Дело одно есть.

— А-а. Ну, ты мил человек имей думку, что там за рогатками, шагов на полста, волчьих ям понатыкано, что блох на бездомной собаке.

— Ага. Спасибо, учту.

Вал получился не особо высокий, да и не вал, а скорее брустверо со дна неглубокого и широкого окопа до верхнего уреза едва метр пятьдесят. Перед валом расположились довольно густо, косо вкопанные в шахматном порядке колья, дальше ручей, перед которым пара рядов рогаток. Просто поразительно, сколько можно успеть сделать за неполный день и ночь. Славно потрудились, а главное не зря. Эта нехитрая фортеция позволит несколько замедлить продвижение противника, а там глядишь и

выиграть время для одного лишнего залпа. В предстоящем бою, каждый выстрел будет важным, чем больше сумеют подстрелить на подходе, тем с меньшим числом придется драться в рукопашной. В том, что до этого дойдет, Виктор не сомневался, народ тут упертый, не то что его современники, переть будут буром несмотря ни на что. Потому, труд не напрасный.

Так, а вот тут аккуратнее надо. Тут начинается полоса волчьих ям, штука крайне неприятная. Копается небольшая, сантиметров тридцать на тридцать яма, вот только глубина сантиметров на пятьдесят получается. В дно вгоняется три или четыре заостренных колышка. Сверху прикрывается тонким слоем дерна, так что и не вдруг и заметишь, а если в атаку бежать, так и вовсе шансы малы. Наступи на такую и тут же провалишься по колено, даже если обувка слишком хороша и предохранят от кольев, остается еще и весьма высокая вероятность перелома.

Это местная технология, Виктор к тому не имел ни малейшего отношения. Вот только использовалась она очень редко, потому как применить ее можно только в оборонительном бою. Но тут эти ямки были как нельзя кстати, потому как Градимир рассчитывал вести бой именно от обороны. Измотать, нанести максимальные потери и контратаковать. Славены могли себе это позволить, гульды нет. Последним нужно было во чтобы то ни стало загнать брячиславцев в крепость и стать лагерем на торговом тракте иначе весь их поход ни что иное, как фикция. Поэтому сомневаться не приходится, они будут атаковать.

Отойдя от рогаток на сотню шагов, Виктор приступил к осуществлению задуманного. Извлек две рогатины, быстро вбил заостренные концы в землю, приладил картечницу, взглянул в прорезь, подправил прицел, чтобы не задирало вверх, не для небес припасен свинец, так что нечего его в белый свет пускать. Укрепил веревкой и начал разматывать бечевку растяжки, продевая ее в кольца на концах вгоняемых в землю колышков. Высоты травы вполне достаточно, чтобы растяжка не бросалась в глаза. Пройдя вперед на десяток шагов, повернул под прямым углом и еще десяток шагов. Достаточно. Противник наступать будет плотными рядами, так что промазать не должны ни при каком раскладе. Вернулся к картечнице, взвел курок, проверил состояние. Порядок. Полегчавший мешок на плечо, два десятка шагов вправо и все повторить.

— Чего там бродил? — Давешний десятник не только спрашивает, а всем своим видом изображает любопытство. А и то, вышел в поле с каким-то тяжелым мешком, возился там чего-то, а вернулся налегке.

— Ворожил на гульдов.

— А твои чего? Я ить видел, что все в поле пошли, эвон парочка и сейчас чего-то возятся.

— И они ворожат.

— А нормально сказывать уж не можешь?

— Меньше будешь знать, лучше будешь спать, — вот же настырный. Не иначе как сотенный послал. Сами-то они нипочем не опустятся до беседы с десятником из разбойных. Тать он и есть тать и какая разница, что бедокурил в чужой земле. Солнце всходит.

Чуть солнце осветило пушки
И леса синеву макушки
А гульды тут как тут

— Эка, как складно. Сам придумал?

— Нет, только гульдов вставил, а так один очень мудрый человек тот стих написал.

— Что мудрый, сразу видно, эвон как словеса подобрал складно. А еще чего можешь?

— Некогда. Вон они чай, гульды-то, уж появились. — Вот же растащило десятника на разумное, доброе, вечное. Сейчас здесь начнется и разумное, и доброе и самое главное вечное, потому как очень даже многим этот самый вечный покой гарантирован.

Противник выдвигался из-за возвышенности стройными рядами, если не сказать картинно, Виктору это прекрасно видно в подзорную трубу. Впрочем, никакого позерства в их действиях не было, так здесь воевали и ничего с этим не поделаешь. До них еще далеко, но слух легко улавливает треск барабанов, четко отбивающих ритм. Первая волна пошла вниз по пологому скату, за ней из-за уреза появилась вторая. Если направление движения не изменится, то скорее всего они будут атаковать центр и правый фланг славен. Нечто подобное Виктор и предполагал, потому именно на этом участке они и разместили свои мины.

Могло показаться, что гульды максимально сжимая свой фронт и насыщая атакующие колонны солдатами, оголяют свой правый фланг, подставляя его под удар. Но это только казалось. Драгунам досталось изрядно, но их у противника все еще оставалось около двух сотен или даже чуть больше. Так что, вздумай брячиславцы атаковать во фланг и будут опрокинуты кавалерией, причем не простой. Драгуны это не просто конница, это по факту пехота посаженная на коней, так что они очень даже способны разметав части славен, спешиться и атаковать

укрепления в пешем порядке. Эти части не даром считались элитой гульдской короны, и не только ее, туда набирали только лучших бойцов.

Против них, Градимир мог выставить только сотню посадской конницы. Тоже не сказать, что подарок. Вои там вполне себе серьезные, потому как потомственные и готовили их родители не щадя. А все от понимания — пожалей дитятко в учении, очень может так случиться, что первый же его поход окажется последним. Какой родитель такого возжелает. Но двукратное превосходство противника и более старое и неуклюжее вооружение никуда не денешь, поэтому пока про атаку с фланга можно благополучно позабыть. Как оно будет дальше, покажет время и ход боя.

Ага. А вот и пушечки подтянулись, числом восемь боевых единиц. Расположились опять-таки против правого фланга. Все верно, основной напор придется именно сюда. Впрочем, сейчас от артиллерии толку не так чтобы и много. Тут не всегда умудряются попасть в стоящий открыто и неподвижно строй, чего уж говорить о славенах, которые укрылись за бруствером и нос показывать особо не стремятся. Пушки в основном предназначены для стрельбы чугунными ядрами по настильной траектории, в результате чего происходит рикошет и ядро вполне себе способно сканути несколько раз, подобно каменному блинчику на водной глади. Тогда уж при удаче оно вполне способно поранить народ не в одном ряду, а в нескольких, с легкостью прошивая их насквозь, разрывая тела или отрывая конечности. Но то при удачном, уж больно много тут на удачу. А чего вы хотели, если считай ни прицельных приспособлений, ни дальномеров нет, все-то на глазок, ну и результат соответствующий.

Имеются у пушкарей в запасе и бомбы, но то так… Не серьезно одним словом. Судите сами, мало, что с точностью не ахти, так еще и калибр ну никак не позволяет заполнить ту бомбу большим количеством пороха, одним словом недостатки один в один как и у гранат, разве только чуток помощнее будет. Нет, в этом плане минометы Виктора были куда как эффективнее. Тут бы противнику вполне сгодились мортиры. Вот у этих с калибром и зарядом все в порядке, а главное они способны забросить свои бомбы за бруствер по крутой траектории и рикошетов не предвидится. Пушкам это сделать весьма проблематично, да и бомба подобно ядру будет скакать, как взбесившийся лягушонок, не так как чугунный шар, все же легче, но рикошет будет и где она взорвется только Богу известно, это если не потеряет запальную трубку. Максимум, что они могут сделать, срыть землю на бруствере, но это сколько попаданий нужно сделать.

Словом, в предстоящем сражении ценность артиллерии гульдов была под большим сомнением. Если только использовать ее для подавления пушек брячиславцев, выставленных чуть позади и выше позиций. Эдак они вполне способны и ядра метать по наступающим колоннам и случись картечью угостить поверх голов своих стрельцов.

Примерно полчаса у пушкарей ушло на то, чтобы выставить свои орудия. Все это время пехота стояла неподвижно и ожидала команды к наступлению в полной тишине. И что это за идиотизм, чего славенские пушкари-то молчат, у них проблем с запасами пороха нет, так что могут вполне себе исправно обстреливать противника. Может удача им улыбнется и они собьют хотя бы одно орудие. А зачем, мы лучше постоим рядком и подождем, пусть противник устроится поудобнее, чтобы им было ловчее стрелять, а потом устроим дуэль, кто кого. Так чтобы по честному. Ну, радует хотя бы то, что и противная сторона ничем не отличается. Боже, да была бы у него рота солдат, при минометной батарее с достаточным количеством боеприпасов, и никакой воевода с его аника воинами не нужен. Они бы их просто перестреляли.

— Бых-бых-бых-гдщщ!!!

Итить твою, эдак и оглохнуть можно! От беглого залпа уши заложило так, словно он только что получил контузию. Побочный эффект от того, что батарея расположилась сзади и на возвышенности. Ладно, с ощущениями разберемся позже. Ну-ка, чего они там настреляли. Нет, это когда-нибудь закончится!? Что за… Ядра дружно взрыли землю со значительным недолетом и как им и положено срикошетили, вот только не все. Сказалась стрельба по встречному склону, некоторые угодив в мягкий грунт зарылись в землю, около половины все же подпрыгнули, но только один раз, угол склона для подобной стрельбы оказался неудачным, так что ни одно ядро не достигло строя. Да-а-а, а как бабахнули.

Гульды ответили не менее глупо, так же дружным залпом, вот только в отличии от своих противников, они дали значительный перелет, причем все вместе. Интересно, а по одному орудию произвести пристрелку не судьба?

Едва произошел обмен залпами, как поле огласили звуки барабанов и труб, после чего подчиняясь отбиваемому ритму, первая волна качнулась и двинулась в наступление, вслед за первой, пошла вторая. Похоже, началось. Отчего-то вспомнился фильм 'Чапаев', с его психической атакой, вот только взглянув по сторонам, он отчего-то отчетливо осознал, этим на психику давить бесполезно. Этих если и собьют, то только силой оружия и

никак иначе. Виктор попытался поставить себя на место атакующих. А смог бы он вот так, держа равнение и шагая в ногу, улавливая ритм отбиваемый барабанами, во весь, мать его, рост идти в атаку. Не-е-ет, нафиг такую дискотеку.

Повторный залп. Нет, ну что ты будешь делать, именно залп и никак иначе. Хм. Прямо сборная России по футболу. Лучше бы оставили прежний прицел, да подождали бы еще с минутку, что толку садить скорострельной стрельбой, если все мимо. На этот раз ядра ударили с перелетом, причем нет, чтобы упасть за первой, тогда ядра гарантированно прокатились бы рикошетом по второй, нет, надо запулить черт его знает куда. Он пушкарями отдельно никогда не интересовался, но похоже, что наведением орудий там занимается один и тот же человек, уж больно дружно летят ядра.

Ответный залп. Может и на глаз и наугад, но с удачей у гульдов получше будет. Правда несмотря на то, что ядра ударили довольно точно, толку от той стрельбы никакого. Впрочем, тот бедолага, что сейчас заходится криком, так точно не думает, ему оторвало ногу. Как только не умер от болевого шока? Все же крепкий тут народ.

Противник уже вышел на дистанцию открытия огня из штуцеров, когда пушкари дали еще один залп и на этот раз довольно удачно, словно отыгрывались за прежние неудачи. Чугунные шары ворвавшись в плотное построение пехоты, проделали буквально просеки среди людей, причем удачно срикошетившие пара ядер наворотили дел, пройдясь по нескольким рядам первой волны и прошив ее насквозь. Страшная картина. А этим хоть бы хны. Обходят павших и извивающихся в корчах товарищей и дальше, смыкают ряды. Стойкие, блин, оловянные солдатики.

По полю то и дело раздавались разрозненные выстрелы. Это парни Виктора из штуцеров забавляются и не сказать, что безрезультатно. Время от времени, Волков наблюдает в трубу падающих или схватившихся за какую конечность солдат, которые тут же бредут в обратном направлении. Если доберутся до лагеря, то для них на сегодня сражение закончено. Но бреши быстро заполняются из задних рядов. Выучка у солдат на высоте.

Бросил было взгляд на свой карабин, но потом отказался от этой мысли. Его ствол не так точен, как у парней, так что лучше подождать еще немного, не хотелось тратить заряды, когда вероятность промаха все еще велика. С одной стороны, заниматься снаряжением барабанов было слегка недосуг, с другой, после того как он разрядит последний, нужна уже будет вдумчивая чистка, потому как число осечек будет слишком

велико. Ну и где он станет этим заниматься? Под обстрелом противника, когда вот-вот начнется рукопашная? Глупее не придумаешь. Нет, тогда уж в дело вступят револьверы.

Запах сгоревшего пороха уже забил нос, хотя стрельцы не произвели ни одного выстрела. С этим вполне себе справляются пушкари. Хорошо хоть с атмосферным давлением порядок и ветерок присутствует, благодаря чему белые облака легко поднимаются вверх и относятся в сторону. Вот что тебе мешало занять другую позицию, не у пушек? К тому же, здесь артиллерия всегда оказывается в центре внимания и солдаты стремятся овладеть именно пушками, оно и грозная сила и дорогие они непомерно. Шутка, столько пушечной бронзы, там ведь не только медь, а еще и какие-то добавки, кроме традиционных.

Может сменить позицию, пока не поздно. Виктор бросил взгляд на суму в которой находились гранаты и плечо болезненно заныло. Ну его. Будь что будет. А если, ошибутся с наводкой, когда будут картечью садить? Нет, это уже было бы слишком, считай вплотную стоят, да и нет прямо за ним пушек, он как-то между пристроился. Ладно, фаталист хренов, готовь гранаты, уже подходят.

Не сказать, что стрельба отличалась особой меткостью. Сегодня гранаты отчего-то имели слишком большой разлет и с точностью были большие проблемы, но это с лихвой компенсировалось многочисленностью противника. То и дело вспухающие ватные облачка вырывали из строя от одного до нескольких солдат. Свою лепту вносили и орудия, которые продолжали время от времени давать залпы, противник приблизился и с меткостью у пушкарей стало куда как лучше. Вот только теперь их было уже не десять, а восемь.

Гульдские пушкари пристрелявшись, начали вести огонь по способности, стараясь накрыть батарею славен. В ход пошли уже бомбы и не сказать, что пользы от того не было. Одно орудие опрокинуло прямым попаданием, повредив лафет. Второе было сбито взрывом бомбы зарывшейся в бруствер перед ордием. Тяжелая пушка не удержалась и скатилась прямо в окоп со стрельцами, придавив при этом двоих служивых. Ярость схватки словно снежный ком нарастала медленно, но неуклонно.

Когда последняя граната улетела в сторону противника, тот уже почти достиг линии картечниц. Стрельцы в который уж раз за сегодня осеняли себя косыми крестами и готовились к стрельбе. Молодые, ошалевшие от беспрерывного грохота орудий, криков, дыма и вони сгоревшего пороха, растерянно осматривались по сторонам, казалось готовые дать деру. Однако, ветераны не дремали и как могли подбадривали молодняк, возвращая их на

грешную землю. Порой доходило и до чувствительных затрещин.

Вот теперь можно и пострелять. Виктор отложил гладкоствол и взялся за свой карабин. Взвел курок, посадил на мушку офицера, уже переместившегося с передовой позиции и занявшему место на правом фланге своего подразделения. Там сейчас трое, как видно ротный и два взводных, рядом один из сержантов. На другом фланге один офицер и пара сержантов. Ладно. Задержать дыхание, мазать никак нельзя, он может сделать только тридцать шесть выстрелов. Хотя, пока он это сделает, гульды скорее всего уже бросятся вперед с багенетами наперевес. Выбрать слабину. Выстрел! Есть контакт. Взвести курок.

Шесть выстрелов, четверо офицеров. Хорошая работа. Впрочем, не так чтобы и очень, все же стрелять приходится как на стрельбище, разве только антураж не способствует спокойной и выверенной стрельбе. Что это, опять страх погибнуть? Скорее всего именно так. Вот только чувствует, что в душе что-то поднимается, что-то очень знакомое. Невольно взглянув на себя словно со стороны, он вдруг осознает, что не просто перезаряжает оружие, но при этом еще и улыбается, а кровь бурлит так, словно вместо нее по жилам струится жидкий огонь. Не до самокопаний сейчас.

Карабин готов к бою. Приклад привычно упирается в плечо. В этот момент срабатывает первая картечница. По строю гульдов словно каток прошелся, смяв людей, как траву, и расчистив широкий проход. Некоторые картечины достигают второй линии, сразив еще двоих. Вслед срабатывают и остальные. Вот только это не останавливает атакующих, ряды смыкаются, бреши быстро заполняются и они продолжают наступать. Нет, пожалуй насчет одной единственно роты, против полка, это он сильно погорячился. Он и представить себе не может, чтобы они в прежней его жизни, вот так вот наступали на неприятельские позиции.

Еще один барабан пуст. Перезарядка. Гульды уже остановились, примерно в сотне шагов от бруствера и вскинули мушкеты. Стрельцы подпалили запальные шнуры и целятся в ответ. Вопреки ожиданиям Виктора, пищалей с героическим калибром оказалось не так уж и много, едва хватило выставить одну линию. Залп! Пули свистят над головой, ударяются в бруствер с противным чавканьем входят в живую плоть, несколько стрельцов падают на дно окопа, кто ранен, а кто уже недвижим.

Черт! Стрельцы не просто падают, некоторые из них стягивают с бруствера свои пищали, стволы которых смотрят в

самые разные стороны, в том числе и других стрельцов.

— Пищали! Подбирайте пищали!

Виктор сам хватает одну и едва успевает направить ее ствол вверх, когда звучит первый выстрел. Вокруг уже трещат в разнобой ответные выстрелы стрельцов. Второй выстрел буквально через пару секунд, но он успевает водрузить оружие обратно на брустверь и картечь уходит в сторону гульдов, не прицельно, но хоть беды не наделала. Перед позицией витает дымовая завеса, но как и предполагалось она не непроницаема, сквозь нее видно не так хорошо, но видимость приемлемая. Вокруг выстрелы, крики. Большинство пищалей упавших стрельцов остались лежать на бруствере, но уже после первого выстрела их сносит назад и они начинают бить в самую непредсказуемую сторону, раня своих же. Все это он видит периферийным зрением, продолжая сжимать в руках громоздкое и неуклюжее оружие. Последующие три выстрела уже уходят прицельно, и не сказать, что он не попал.

Все время, пока разряжаются своеобразные пулеметы, противник не стоит столбом, вторая линия спешно выдвигается вперед и готовится к стрельбе. Отстрелявшиеся, быстро, но без суеты, вгоняют в стволы багинеты, готовясь к атаке. Залп! Виктор успевает заблаговременно укрыться и слышит как над головой проносится целый рой растревоженных шмелей. Но краем сознания, он все же отмечает, что плотность огня в отличии от первого послабее. Значит, его задумка все же принесла свои поды и первая волна понесла значительные потери.

Непроизвольно он обращает свое внимание на пушки. Зараза, еще одну сбили. В этот момент орудия начинают изрыгать огонь и дым. Звук не такой звонкий, выстрелы звучат как-то глухо. Это картечь. Снова поднимается над бруствером и хватает свой карабин. Заряды вошли весьма плотно и точно, солдаты стоят в окружении убитых и раненных товарищей, вот только не сказать, что они готовы пуститься в бегство. Неприятель снова производит смену шеренг и дает очередной залп.

Виктор выпускает одну пулю за другой, уже не прячась и практически не целясь, стараясь бить по большим группам солдат, чтобы уменьшить процент промахов, тщательно целиться некогда, сейчас уже очевидно, что он не успеет расстрелять все барабаны. Последний выстрел. Спокойно. Так будет только хуже. Извлечь ершик, прочистить затравочный канал, пройтись по кресалу. Да, время теряется, но это необходимо. Гульды с криками уже бегут в атаку. Виктор краем взгляда замечает, как то один, то другой валятся на землю с дикими криками. Стрельцы пока не стреляют. Вторая и третья линии уже дали залпы и сейчас

все защитники позиции спешно перезаряжаются. Благодаря временному перерыву дым достаточно рассеивается, хотя видимость сильно упала, но все же происходящее еще видно. Стало быть, это свое слово говорят волчьи ямы. Как же они уже близко подобрались.

Все, карабин заряжен, кресало на место, взвести курок, приложиться, некогда высматривать командиров, им завладевает ярость схватки. Выстрел! Есть! Выстрел! Снова в цель. Барабан пустеет буквально в мгновение ока. Вокруг опять басовитый посвист пуль, это вторая волна вышла на рубеж открытия огня и прикрывает своих товарищей. Такая возможность у них есть, потому как атакующие несколько ниже, а обороняющиеся даже выше второй волны. Пара пуль поднимают фонтанчики прямо перед лицом, бросив в глаза землю, но он успевает зажмуриться, так что со зрением полный порядок.

Все. Перезаряжаться уже некогда, атакующие у самых рогаток. Виктор начинает хватать гранаты одну за другой и посылать их в наступающих. Взрывы звучат один за другим, но в наступившей какофонии боя они походят на негромкие хлопки. Казалось бы эффекта от тех гранат чуть, только дым, который застилает обзор. Но это только кажется. Несмотря ни на что, Волков все же умудряется рассмотреть падающих солдат, сраженных осколками.

Вот гульды уже растащили рогатины, они все еще представляют собой неудобство, вот только сильно препятствовать продвижению уже не в состоянии. Вторая волна продолжает давать залп за залпом. Большинство пуль уходят мимо, но есть и точные выстрелы, потому что то и дело от бруствера отваливаются раненные или убитые стрельцы. Слава Богу их не так чтобы и много. Наконец брячиславцы отвечают, посылая залп за залпом. Один. Два. Три.

Стрельцы уже хватаются за бердыши, ощупывают свои пистоли, у каждого есть по одному, реже по два. Виктор сжимает в левой руке кольт, в правой оказывается выхваченная сабля. Еще зимой, Градимир, настоял на том, чтобы десяток разведчиков начал изучать это оружие и конный бой, для чего отрядил одного из своих боевых холопов. Поначалу Волков отнеся к этому скептически, так как сходиться в сабельном или конном бою в его планы не входило. Потом здраво рассудил, что от сумы и от тюрьмы зарекаться глупо, и отдался учению со всем пылом, тем более зимой в крепости наступила тоска смертная, если позабыть о походе, но тот длился недолго. Ватажники воодушевленные примером атамана, а так же тем обстоятельством, что уже успели усвоить простое правило — умение и навыки лишними никогда

не бывают, с не меньшим усердием начали постигать новую науку. Вот и пригодится.

Заряды одного кольта он расстрелял в набегающих к брустверу гульдов, тщательно целясь, чтобы ни один заряд не прошел мимо. Потом те достигли верхнего уреза и отчего-то их оказалось очень много, не иначе как вторая волна нагнала и присоединилась к атаке. Первого гульда спрыгнувшего в окоп, Виктор принял на саблю, и пока клинок был в его теле, второго снял выстрелом из кольта. Вот еще один, набегает с боку и пытается достать его багинетом насаженным на ствол мушкета. Виктор отводит острое жало саблей, проворачивается вокруг оси, давая возможность противнику сделать еще пару шагов. Как видно тот полностью вложился в удар, поэтому сильно сближается и сам выходит на острие сабли имеющей небольшой изгиб, впившееся ему в бок.

Еще один. И снова в ход вступает кольт, уже изготовленный к бою отточенным движением. Солдат словно нарывается на препятствие и падает навзничь выбросив вперед и вверх ноги. Ничего не поделаешь, у такого калибра останавливающая сила весьма велика. Сабля уже покинула тело поверженного врага.

Опять атака, на этот раз сзади. Виктор едва успевает уклониться и приложиться клинком к мушкету, заставляя его значительно отклониться в сторону. Левая рука, живя собственной жизнью, делает движение вперед, прижимая кресало и курок к боку. Мгновение, оружие заряжено, а в следующее, палец уже жмет на спуск. Солдат, затянутый в синий мундир с желтыми отворотами, переломился пополам схватившись за живот и сунулся лицом под ноги своего противника.

Спина, туго обтянутая синим сукном. Что-то крича гульд старается подняться на противоположный скат окопа, достав при этом стрельца, неудачно пытавшегося достать его бердышом. Не до благородства, Виктор без затей рубит саблей на отмаш и несмотря на хаос, беспрестанные крики, стоны, звон стали, выстрелы, отчетливо различает как с характерным треском подается сукно, а затем его принимает плоть. Солдата выгибает дугой, а затем он падает на землю.

Виктор еще отдает себе отчет в своих действиях когда разряжает последний заряд, когда понимает, что в траншее он остался один, потому как стрельцов из нее уже вытеснили и те продолжают биться не давая противнику подняться наверх. Кое-где солдатам это удалось и бойня идет уже наверху. Последнее осмысленное деяние, это когда он подхватывает гульдский мушкет с насаженным на ствол багинетом и с диким ревом бросается в штыковую сразу на двоих солдат, набегающих на

него. Дальше только красная пелена, от охватившей его ярости.

***

— Живой?

— Вроде дышит.

— Этож сколько он кровушки своей пролил?

— Меньше говори. Давай стаскивай с него этих.

Виктор слышит голоса которые кажутся ему знакомыми, словно сквозь большие ватные тампоны заткнутые ему в уши. Вот и чувствительность возвращается, с него стягивают какую-то тяжесть и дышать сразу становится легче. Тело нестерпимо ломит, болит каждая мышца, каждая косточка. Он пытается открыть глаза, но ничего не получается. А может они открыты и он просто ослеп? Кто-то поднимает его с земли, недолго несет на руках, потом аккуратно ложит на что-то более мягкое чем земля, за что ему отдельное спасибо.

— Давай стягивай с него кафтан.

— Может сразу к бабке Любаве?

— Дурень, перевязать сначала надо. Давай помогай.

Когда с него тянут одежду, он наконец издает первый звук, стон полный боли. Боже, как же все таки больно-то. Не иначе как смертушка пришла? Спокойно. Умирать тебе сейчас никак нельзя. Неждана. Не гоже дочурке сироткой оставаться. Было и куда хуже, со страшными ранами, без лекарской помощи ты не просто выжил, но еще и на гульдов охотился. Глаза. Что с глазами? Ничего не вижу.

— Ну чего там?

— Не понимаю. Кровищи столько, словно его кто в ней искупал, а на теле ни единого пореза, только шишка на затылке.

— Чего непонятного, сам себя и искупал, только кровь та вражья, — это кто-то третий, но тоже голос очень знаком. Точно, Соболь. А те двое, Зван и Кот.

— Ну чего нашли!? — Ага, это Куница.

— Не ори. Не видишь что ли, нашли. Похоже его только по голове и приласкали, но знатно так, ишь слова сказать не может, только мычит да стонет.

— Ну чего ты, дубина! Переворачивай, захлебнется!

Боже, ну чего так кантовать, стон захлебывается, так как вверх по пищеводу устремляется содержимое желудка, но он уже на боку и рвотная масса истекает на землю. Еще несколько спазмов, и дышать становится значительно легче.

— Глаза, — голос едва слышен, с хрипом и придыханием, говорить трудно, каждое слово отдается дикой болью в голове, а

голоса окружающих и вообще звуки становятся нереально громкими и четкими, настолько, что боль эта буквально вскипает.

— Чего глаза?

— Дурень. Лицо ему омойте. Не видишь, кровь запеклась да веки слепила, — а этот голос совсем не знакомый, но его слова звучат для Виктора как музыка, хотя громкий голос и отдается пульсирующей болью.

На лицо полилась прохладная вода из фляжки. Струйки воды с лица протекают в волосы, принося слабое, но облегчение. Кто-то аккуратно мокрой тряпицей трет лицо. Ощущения какие-то смешанные, с одной стороны каждое прикосновение отдается болезненными толчками в затылке, отдаваясь в лоб и глаза, которые нестерпимо режет, но с другой, несколько смягчает неприятные ощущения.

— Чего тут столпились?

— Да эвон, господин десятник, Добролюба охаживают.

— Жив, стало быть, ваш Вепрь.

— Ты дядя, проходи давай, и кличку эту звериную, чтобы мы боле не слышали, не то и спрос учинить можно, — видно, что Зван сам чуть не рычит от злости, наверняка сейчас злым взглядом буравит стрелецкого десятника. Виктор сразу его опознал, тот был неподалеку во время боя, да и раньше встречались не раз.

— А как его еще величать-то? — Ничуть не смутился старый вояка. — Ты бы видел как он тут бился, чистый зверюга. Я сколь служу и в боях бывал не раз, а только такого ни разу и не видел. Все уж отошли из рва, а энтот посреди ворога орудует так, что те к нему и приблизиться боятся, сам в одиночку на десяток кидался, словно ему и сам черт не брат. Совсем осатанел.

— Все одно не смей. Не любо ему то имечко.

— Зван.

— Тут я атаман.

— Оставь.

— Ага, им только попусти…

— Не кричи… Больно.

— Ага. Молчу, — это уже тихо, едва не шепотом.

Голоса и впрямь прекратились. Наконец запекшаяся кровь размякла и ее смогли счистить с ресниц. Все это время пытавшийся разлепить веки Виктор наконец сумел распахнуть один глаз, не дожидаясь пока оботрут влагу. Едва он это сделал, как тут же получил целый букет неприятных ощущений. Ударил нестерпимый свет, оказывается все еще стоял белый день и солнышко весело сверкало на небосводе, тем же, чтобы отвести его в тень парни не озаботились. Попала и вода с сором, что

вкупе с сотрясением мозга было очень неприятно, настолько, что он тут же застонал. Захотел было просто зажмуриться, но соринки в глазах заставили часто заморгать, от чего открылся и второй глаз, а неприятные ощущения тут же удвоились.

Наблюдавший за этим десятник, недовольно ругнулся и потеснив Звана тут же повернул Виктора боком, после чего обильно полил воду из фляжки и на лицо, омывая и его и глаза. Оно водица попавшая на яблоки тоже не сахар, но куда лучше сора. Не забыл служивый хорошенько полить и голову, за что болезный был особо благодарен, потому как тут же почувствовал облегчение. Ну и пусть его, пускай величает как хочет. Хорошо то как.

— Ну чего столпились, — поднимаясь на ноги произнес десятник, — ладьте носилки и несите его к лекарке. Да поспешайте, хорошо ему прилетело.

Это было последнее, что он слышал, так как опять отключился. Но как потом узнал, он не потерял сознание, а просто уснул, что при сотрясении мозга никак не лишнее. Измученный организм, сам определил, что сейчас для него лучше, а потому поспешил юркнуть в спасительный сон. Так что, ни того как закончился бой, ни как его доставили в крепость Виктор не помнил.

Когда он опять пришел себя, то понял, что находится в их избе, а в изголовье сидит Тихоня, как всегда что-то мастеривший. Сейчас у него работы хватало. Виктор отчетливо рассмотрел в его руках свою портупею. Так уж сложилось, что он и его парни были изрядно нагружены оружием, это и кобуры с парой пистолей, и подсумки с гранатами и патронами, и саперная лопатка, и нож, и сабля. Так что сам собой вставал вопрос как все это носить поудобнее, вот и вспомнил он про шлею, пользуемую им и сослуживцами в армии и которая очень помогала носить с удобством, нехитрую солдатскую справу. Оно разгрузка поудобнее будет, но под имеющееся у них вооружение шлея была куда сподручнее, вот только назвал он ее портупеей. С другой стороны, она была один в один похожа на те, которые он помнил по фильмам о гражданской войне, с двумя плечевыми ремнями, просто шлея ему припомнилась из личного опыта.

— Тихоня.

— Очнулся, господин десятник.

— Как видишь, — молодец паренек, не кричит, говорит приглушенным голосом, едва не шепчет, вот только Виктор все отчетливо слышит. — Звана позови.

— Не. Бабушка велела, как только проснешься ее звать.

— Ты хоть скажи, чем сражение-то кончилось?

— Дак разбили ворога.

Сказав это, парнишка тут же умчался за дверь, а вскоре на смену ему появилась лекарка. Ничуть не церемонясь, она посадила пациента и начала осмотр. Действовала бабушка мягко и умело, то и дело спрашивая где болит. Виктор отчего-то сразу вспомнил, как она осматривала его в тот день когда состоялось их знакомство, тогда ему тоже досталось по голове. Боже, сколько же времени с тех пор минуло и сколько всего случилось. Почитай целая жизнь прошла и не одна.

Наконец осмотр окончился, и по виду старухи было понятно, что она им довольна. Ну и слава создателю, не хватало еще каким калекой остаться. После нее в комнату вошел Зван, шикнув на кого-то за дверью, от чего голоса за ней тут же примолкли. Присев напротив он поздоровался, передав привет от остальных парней, которых бабушка строго настрого пускать запретила.

— Все живы?

— Не переживай атаман, все как один. Только Коту, немного руку оцарапало пулей, но то так, не серьезно одним словом. Мы ить как ты и велел, в свару не лезли, все на расстоянии, из-за спин стрельцов били ворога из штуцеров и пистолей, — с явным укором произнес помощник.

Ага, камень в его огород, мол нам сказывал одно, а сам учудил, не пойми что. А что тут скажешь, прав Зван. Вот только Виктор и сам не понял, как это случилось. Видимо, когда гульды полезли густо и часто, он просто потерял голову и отдался ярости схватки, напрочь позабыв о том, что сам же и говорил.

— Как бой прошел? — Стыдно спрашивать, ведь командир, должен был сам все увидеть, а приходится выспрашивать, словно там и не находился. Ну да, чего теперь-то.

— Первую волну почитай всю повыбили, на бруствер уж в основном вторая взошла. Воевода в дело все резервы ввел, больно злы в драке гульды оказались. Вот, ей-ей, атаман, я едва в штаны не наложил, никогда такого видеть не доводилось.

— А что гульды со стороны сосняка идти не пытались?

— Не. Им ту охотку, Горазд напрочь отбил. Установил минометы в овраге и начал садить, да так, что мама не горюй. Нам то видно не было, гульды те роты за урезом держали, но Горазд сказывает добре минами накрыли, народу накрошили жуть. А как все мины по тем резервам израсходовали, так сразу и подались оттуда, как ты и велел, даже стволы унесли, ворог похоже и не понял откуда били.

— Ну то и не удивительно, ведь не просто из оврага, а еще и из-за деревьев, а там подлесок, сосняк уже ближе к ручью начинается.

— Так и есть. Правда сказывает, хотел он еще и пострелять, если те все же сунутся, но потом передумал, волю твою нарушать не стал.

— Правильно и сделал. Воевода как, спрашивал, чего мы удумали?

— Спрашивал. Да только как ты и учил, я ему обсказал, что бочонки с порохом и картечью использовали, а в те бочонки пистоли повставляли, кои похуже из трофеев взятых. А про то, кто и как накрыл резервы, ведать не ведаю.

— Поверил?

— Насчет бочонков с порохом поверил, а вот насчет резерва, кажется нет. Велел, как только опамятуешь, ему весть послать. Но я так думаю неча, эвон в себя еще толком не пришел.

— Правильно думаешь. Ты иди Зван, что-то спать хочется.

— Отдыхай атаман.

— Да. Ты там парням от меня кланяйся.

— Обязательно, — сверкнув белозубой улыбкой заверил втажник.

Глава 4

— Так говоришь, пленные сказывали, будто мы против них применили какие-то скорострельные мортиры?

— Так батюшка. Причем дважды. В первый раз у Тихого, во второй, в бою у Веселого ручья.

— А ты ни о чем подобном не ведаешь?

— Нет, батюшка.

— А что твои стрельцы, ничего подобного не заметили?

— Я сам был в том бою не в обозе, так что все видел собственными глазами. Метали они чудные гранаты с помощью мушкетов, на манер ручных мортирок, но о том оружии я давно ведаю. Ладная придумка и мечет те гранаты очень точно. Вот только пленные показывают, что разными гранатами их обстреливали, одни послабее, а другие куда как мощнее. Ничего подобного в бою я не видел. Потом, резервы были сильно потрепаны тем обстрелом, но мушкетами до туда гранату не добросить. Так что есть еще кое-что, чего я пока не видел.

— Стало быть, ты уверен, что это дело рук людей Добролюба?

— В том-то и дело, что нет. Все его люди были на виду. Все от начала и до конца участвовали в бою, сам Добролюб оказался в рукопашной, да в такой, что все диву даются как он сумел в той сече выжить. Рассказывают, что осатанел настолько, что в одиночку бросался на десяток. Может еще кто объявился или какая тайная дружина Великого князя.

— То его рук дело. Я всегда говорил, что он не так прост, — уверенно возразил Световид. — Гадаешь, отчего я уверен в этом?

— Гадать тут нечего. Он сам доложил, что они потрепали гульдов изрядно: Взорвали огненный припас, забросали гранатами и постреляли, да по пути устроили несколько засад, минировав дорогу бочонками с порохом. Вот только как все это было сделано, понять не могу.

— Вот тем самым оружием, что ты не видел, он все это и проделал.

— Но кто с тем оружием управлялся? Сказываю же, все его люди на виду были.

— Ой ли, внучек?

— О чем ты деда? — Не скрывая недоумения Градимир уставился на старого Радмира.

— Тебе тоже нужно объяснять, Световидушка? А ить все как на ладони. В начале, еще до беды, что на его голову свалилась, он хотел устроить мануфактуру и построить такие станки, каких ни у кого нет. Ты сынок его тогда еще поддержал, а еще он просил у

тебя письмецо к дружку твоему, чтобы тот помог ему посмотреть станки иноземных и наших токарей. Потом просил тебя, чтобы холопа его, с повозкой пристроить в караван, что в Рудный град направлялся, чтобы детали к тем станкам отлить.

— Эка, батюшка. Ты еще припомни, что в младость мою было.

— Цыть, — бросил строгий взгляд на сына, старик. — Надо будет, так и от сотворения мира рассказ поведу, а ты слушать будешь со вниманием.

— Прости, батюшка.

— Потом, гульды налетели и пожгли все его хозяйство, — продолжил степенно дребезжать старческий голос. — Вот только после войны, насколько мне сказывали холопы, что с тобой внучек постоянно пребывают, на том постоялом дворе опять появились ветряки, что и ранее были, стало быть, станки стоят и работают. У его кузнеца ты мушкеты, да пистоли ладил на иной лад. Гранаты, чудной формы там же лили, а потом уж и тут в Звонграде. Чего глядишь? Думаешь как стар, так и весточку некому принести? Ошибаешься, сынок. Мушкетов он множество на новые ложа посадил, от чего те стали куда как удобнее и немного легче. Гораздо больше десятка их изготовили. Но для всего этого те станки не надобны, а ветряки ветер ловят и вертятся. Для чего? Мне он пустобрехом не показался. Так вот к чему я это все. Не дурень он, от того многое в тайне делает. Против княжества не умышляет, но и доверия не имеет. Потому и людишек у него может быть поболе и придумки какие есть, о коих он помалкивает. Вот от туда и загадки те.

— Это он что же, выходит дружину целую развел? — В глазах Световида начал зарождаться гнев.

— Не закипай, будто самовар, — отмахнулся старик, — нешто у него не было и до того десятка добрых бойцов. Может статься был и не один. Ить ворога бил и бил ладно, такого в одиночку не учудишь.

— Тут твоя правда, батюшка.

— Но тогда чего же он? Вскрылся бы, так князь его от службы ослабонил, и зажил бы он жизнью иной? — Искренне удивился Градимир.

— Он к Великому князю не вхож и мысли его до него можно донести не иначе как через нас или подав челобитную в приказ, о чем мы опять таки прознать очень даже просто можем. А нам веры у него нет, — вздохнул на непонятливость сына Световид.

— В корень зришь, сынок, — довольно кивнул Радмир. — Есть у него задумки и немало. Вот ты Градимирушка, сказываешь, что его гранаты против обычных куда лучше. Пули новые, от него пришли, а от того стрельба и метче и дальше получилась,

почитай в два раза. Кресала новые приладил, на простой мушкет и тот стал бить куда как чаще. Переделка не особо дорогой получилась, но очень нужной. Опять же эта его задумка, с бочонком пороха, каменным дробом и пистолем, хотя уверен, что не было там пистолей. Умен он на всякие придумки, но не знает как все это вынуть на свет божий, потому как от нас он очень даже может ждать беды. Сколь он роду нашему сделал добра, а чем отплатили? Окрутили службой княжьей пожизненной, причем не по доброй воле. Он сына твоего от смерти спас, а ты ему подворье подсунул обчищенное под конец, так что стало оно его держать как якорь.

— Так к добру все, — возмутился Световид.

— К добру, да против воли. Нет у него уверенности, что он вынет свои задумки, а его, к его же пользе, не похолопят, вот и таится.

— Дак ведь, слово боярское…

— А он о том, ведает? — Безнадежно махнул рукой на сына старик.

— Стало быть, нужно ему о том сказать, напрямую, — заявил Световид. — Неча таиться, коли для княжества польза великая может выйти. Эвон, у Кукши опять чуть было биты не были, кабы Градимир в ослушание не пошел.

Вопреки ожиданиям и тому, что враг на этот раз куда как более основательно подошел к подготовке этой кампании, война в очередной раз вышла скоротечной. Не на шутку испугавшийся первого поражения, Миролюб неожиданно для всех призвал под Кукшу, целых десять полков посадской конницы, Да ополчение со всей округи, в том числе и Звонграда, практически лишив его защиты. Случилось это настолько быстро, что никто ничего и понять не смог. Ну, не ожидали от него такой глупости, чтобы он перепугавшись бросился оголять земли и стягивать все силы в кулак.

Но не превосходство почти в двадцать тысяч решило исход сражения и не применение новомодных пуль в полках нового строя, тем паче и тех и других было не так, чтобы и много. Гульды даже в этом случае имели все шансы на победу. Да чего там, к тому все и шло. Они уже практически продавили центр брячиславцев, когда совершенно неожиданно, у них в тылу появились три полка стрельцов при двух десятках пушек. И виной тому оказался Обережненский воевода.

Разбив полки у своей крепости, да так, что из сечи смогла уйти только небольшая часть, он оставил в гарнизоне под командованием Бояна, только таможенников, пограничников и ополченцев. Основными же силами выдвинулся к Ладе, где по

уговору с тамошним воеводой, тот вывел в поле все свои силы, чтобы атаковать гульдов, стоящих против крепости лагерем. Генерал гульдов обрадовался и вывел свои полки, вот только его ждало горько разочарование, потому как лишь началась баталия, в тыл ударили неизвестные части.

После этого, уже тремя полками, два воеводы двинулись к Кукше и поспели как раз вовремя. Оповещать Миролюба было недосуг, поэтому полки сходу ударили в тыл, быстро овладев лагерем, пушками и главное, пленив короля Карла. Так уж случилось, что войск при нем почти не осталось, потому как уже близился перелом в сражении и все резервы были введены в дело. Брячиславцы очень удивились, когда непрестанно давившие гульды, неожиданно остановились и в полном порядке, начали отход. Попытки контратаковать, ни к чему не привели, противник с относительной легкостью отбивал все нападки неприятеля, хотя и продолжал пятиться, по всей линии.

Все разрешилось, когда с вестью к Миролюбу прибыл лично Градимир, ладненский воевода побоялся предстать пред светлы очи. Смолин появился не один, а в сопровождении сотни посадских, доставил к шатру Великого князя, короля Карла. Первому пришлось изрядно почесать затылок, как ему поступить: наказать ослушника или наградить человека переломившего не ход сражение, а всей войны. Награда воспоследовала, а в наказание, Градимир еще два года должен был провести в должности воеводы Обережной, ну раз уж у него так славно получается ее беречь.

— Вот и я о том думаю, — согласился старик. — Он за себя бережется, да за людишек своих, за коих ответственность чувствует. Боится, что задумки его много прибытка принесут, и тот прибыток нам глаза застит, а того не ведает, что спокойствие княжества для нас дорогого стоит.

— А есть ли там столь великий прибыток? — Усомнился Световид.

— Уверен, что есть. Сколько может стоить оружие, с помощью которого пара десятков, сомнительно, что у него больше, сумели знатно потрепать два полка? А как тем оружием вооружить цельный полк? То-то и оно. А еще сдается мне, тут не только в оружии дело. Есть еще что-то. Я в том уверен.

— Сегодня же отправлю в Обережную гонца, чтобы Добролюб прибыл сюда. Как говорится — сядем рядком и поговорим ладком, — решил Световид и получил одобрительный кивок отца.

Обманывать бывшего скомороха в его планы никак не входило. Каким бы это не казалось абсурдом, но у него и в мыслях не было порушить слово главы рода, данное им тут же, в

этой самой горнице. И не имело значения, что все знавшие о том, сейчас находились здесь же. Все в этом мире имеет цену и далеко не всегда та цена измеряется златом и серебром, есть нечто, чего ни за какую деньгу не купить.

— Я вам еще не все обсказал, — начал Градимир и было видно, что говорить он намерен о вещах серьезных. — Тут дело касаемо нашей семьи…

— Это что же получается, Смеяна… — Выслушав рассказ сына, хмуро начал и осекся Световид.

— Нет не получается, — твердо возразил Градимир. — В том уверен и сам Боян, хотя и съедает его ревность, как ржа добрый клинок, и я за то голову на плаху положу. Но вот сказать, что зять не прав я не могу.

— Выходит, Смеяна честь блюдет и сомнений в том никаких быть не может?

— Батюшка, а есть ли у тебя сомнение в твоей невестке?

— Это еще что за весть несказанная!

— Коли не ведаешь, то я скажу. Жена моя всю жизнь иного любит, с младых лет, но ни взглядом, ни делом того не показывает, будучи верной и преданной моей спутницей по жизни. Смеяна дочь ее и оного от нее ждать нельзя, а сердце… Сердцу не прикажешь.

— Эвон как все. А я ни сном и не духом. А как же так-то? Ить вижу, что ты не просто по долгу с ней, хотя и без вашего ведома вас окрутили.

— Верно все видишь, люба она мне. До гробовой доски люба. Но сложилось так, как сложилось.

— Значит в Смеяне уверен?

— Про то уж сказывал.

— Ну и слава Отцу небесному.

— Погоди. А чего же ты только о Смеяне и спрашиваешь, а про скомороха..?

— Видать пришла пора. Ведаю я о том, что Добролюб в Смеяну влюблен и давно уж, еще с того дня как впервые порог нашего дома перешагнул. Вот только, место свое он знает и всегда знал, а от того любовь ту от самого себя всегда таил.

— Гхм, — неожиданно закряхтел старик.

— Да брось, батюшка, — отмахнулся было Световид, но видя, что старик не собирается отступаться, вздохнул и продолжил. — Барон Берзеньш. Когда встал вопрос, что или мы его справадим на тот свет, либо он доберется до тебя, я решил послать Добролюба, чтобы он его упокоил и устранил ту угрозу.

— То я ведаю.

— Ведаешь, да не все. Заставить его то сделать я не мог.

Нужно было, чтобы у него появилось, что-то, чего он не захотел бы лишиться, что-то, чем можно было бы использовать как поводья. Я так рассудил, что пока ты в крепости, да под крепкой охраной гарнизона, то барону до тебя не добраться. Потому решил обождать, пока он не обзаведется семьей, сам, так чтобы ответственность почувствовал, а еще лучше когда женка понесет. На одной деньге далеко не уедешь. Насколько же он ловок, не мне тебе рассказывать, попытка же могла быть только одна. А Берзеньш тот, чтоб ему в гробу перевернуться, прости Отец небесный, достал таки тебя в крепости и едва ядом не извел. Когда я направился в Обережную, то взял с собой Смеяну, хотя легко мог и оставить. Взял с умыслом. По дороге в Обережную, мы остановились на постоялом дворе и я предложил Добролюбу за плату порешить старика. По виду понял, что ни за какие деньги он на то не пойдет, скорее уж в бега подастся. Настаивать не стал, только сказал, чтобы подумал, а ответ дал когда я назад поеду. На обратном пути, тебя опять попытались убить…

— То был не Берзеньш, — скорее утверждая, чем вопрошая произнес Градимир.

— Прол, тот болт пустил, по моему приказу, а потом скрылся в лесу. Про то знали только трое, мы с батюшкой да он. Теперь знаешь и ты.

Прол мог. Не просто боевой холоп, а потомственный охотник, такой, что из арбалета воробья бил влет. Такой маху не даст, а лес ему что дом родной, поди его там сыщи, он и лешака со следа собьет, не то что людей.

— Теперь я тебе скажу, не смей его ни в чем винить. Конь Смеяны запнулся или она его неожиданно вперед пустила, от того стрела и царапнула ее. Он как прознал, едва себя живота не лишил, я его почитай из петли вынул.

— На что же мы способны, ради родни.

— На многое сынок. Но если есть возможность не переступать через себя, то так и следует поступать.

— Выходит, он за дочку мою упокоил барона, а не за деньги.

— Выходит, что так. Потом, за семью свою, порешил прорву народа и случись ничто его не остановит кроме смерти. Я так мыслю. Коли уж все складывается так, то нужно его отослать так далече, чтобы и духа его рядом с нашим родом не было. Оно и за Смеяну будет покойней и перед Отцом небесным будем чисты.

— И куда ты думаешь его услать?

— Малагин, батюшка твоего бывшего помощника, помнишь почему легко отделался за трусость свою?

— Дак корабли они океанские ладили.

— А для чего ведаешь?

— В море Миролюб вровень с другими державами выйти хочет, вот и ладит эскадру.

— Не просто тут все. Оно и здесь проблем хватает, но только имеет он думку, основать поселение славенское в Новом Свете. Вот-вот клич бросят. Закон вскорости выйдет, что тем крепостным, что возжелают своей волей ехать в колонию, вольная выйдет. Касаемо это лишь тех, у кого в крепостных более ста душ имеется и не более одной семьи.

— Так это почитай только бояр и коснется.

— Не только, но в основном.

— Предлагаешь Добролюба спровадить в Новый Свет? Не выйдет. Я ить сказывал, что дочка у него обнаружилась. Грудничковая она, куда ей дорогу осилить. Коли силком выдворим его, да с ней несчастье приключится… Беда будет. Тогда уж лучше слово порушить и лишить его живота. Ему ить без разницы кого резать, а мстить он станет люто, про то вы ведаете.

— Да. Об том я и не подумал.

— Мысль твоя верная, сынок, — вновь подал голос Радмир, — но тут еще подумать нужно, время есть. Посылай гонца за скоморохом.

***

Опять Звонград. Интересно зачем он понадобился воеводе? Не иначе как станет пытать насчет его изобретений. Слишком много всего непонятного случилось в эту кампанию, не могло это пройти незамеченным. Градимир пытался было вызнать, да так и ушел не солоно хлебавши. Вот только версия Виктора была шита белыми нитками, без труда можно было определить, что он что-то не договаривает, а потому вероятность что воевода тем удовлетворится была слишком мала.

В предпринятом Градимиром походе, десяток Виктора участвовал без него, все же знатно ему прилетело в голову, едва на тот свет не спровадили. Однако, несмотря на отсутствие начальника, десяток оказался на высоте, из Звана получился достойный командир, который сумел провести парней через бои без потерь. Именно благодаря их стараниям, были обезврежены разъезды противника, которые могли обнаружить передвижения брячеславцев в тылу армии гульдов. Именно их стараниями и умениями был обеспечен скрытный подход полков своевольного воеводы.

Виктор же, все это время провалялся в постели. Даже сейчас, по прошествии полутора месяцев, голова внезапно начинала кружиться и подскакивало давление. Бабушка снабдила его

настойками да травами, кои нужно было заваривать и было этих лекарств столько, что пить приходилось чуть не через каждый час. Сотрясение головного мозга вообще штука неприятная и может повлечь самые непредсказуемые последствия, поэтому у Виктора были кое-какие сомнения насчет возможностей местной лекарки, но как говорится за неимением гербовой, пишут на простой. Больше всего Волков боялся оказаться немощным инвалидом, этот страх в нем сидел настолько сильно, что несмотря на сомнения, он выполнял все назначения старухи с точностью воинского распорядка, даже в пути.

По рекомендации бабки Любавы, Градимир услал болезного на постоялый двор, где о нем могли проявить заботу и обеспечить уход. Виктор даже зубами проскрежетал от злости, когда узнал, что Орехины и Сохатовы самовольно вернулись на подворье. Рано, слишком рано. Все складывалось таким образом, что вероятность необходимости смазать пятки салом очень велика, а они опять выставлялись на показ. Тут еще и Градимир, отчего-то не пожелал отдавать дочурку. Пока Виктор приходил в себя, он услал Смеяну в Звонград, благо Ратибор уж окреп, а с ними отправил и Неждану. По сути это была основная причина, почему Волков безропотно ехал в вотчину Смолиных, хотя и подозревал, что поездка может оказаться опасной. Ну, не верил он в благородство и тому подобное бла-бла-бла, уж больно часто его припирали к стенке и брали за глотку.

К подворью Смолиных он подкатил как барин, сидя в легком экипаже на мягком ходу, которым правил Кот, оно можно было и верхом, но бабушка строго настрого запретила. Она не одобряла и эту поездку, но тут уж ничего не поделаешь, воля полкового воеводы. Так что Виктор совершал это путешествие устроенный со всеми удобствами, обложенный мягкими подушками и в неспешном порядке.

Экипаж этот смастерил Богдан, по собственному почину, уж больно мала оказалась бедарка в которой могли разместиться только два человека, а пассажиров случалось куда больше, вон хоть взять ежедневные поездки в Приютное за работницами, чуть не на головах друг у друга сиживать приходилось. Теперь было куда как удобнее. Кстати, это обещало-таки стать дополнительной статьей дохода, Богдану уже поступил заказ от знакомого купца Лиса на это новшество. Так как дел особых пока не было, кузнец, по совету Виктора, взялся за заказ, все же человек полезный, но от последующих они пока отказывались, мало ли как оно все обернется.

В воротах оказался все тот же старик, который едва рассмотрел колоритную внешность сидящего в повозке, сразу его

узнал и весьма сноровисто принялся растворять ворота. А чего разводить лишние разговоры, коли насчет этого гостя все было известно. С другой стороны, оно вроде как и не по чину, вот так вот разъезжать в чудной повозке, да еще и въезжать на боярское подворье, но болезненный вид и наличие множества подушек без труда указывали, что самостоятельно передвигаться ему сейчас трудно. Вот только людям, что с ним прибыли, он строго настрого указал, быть близ ворот, вместе с конями. Прикажут, так их и сопроводят и накормят, а пока будет так как он сказал. Никто спорить и не стал.

— Здрав будь, воевода батюшка.

— И тебе скорейшего выздоровления, Добролюб. Не стой, ведаю, что хворый, присядь. Присядь говорю. Разговор долгий и серьезный, так что силы тебе понадобятся.

Вот такое вот многообещающее начало, иди и думай к чему все это приведет. Но в голосе слышится все же забота, ни какой скрытой угрозы не заметно. Что же тут происходит, к чему его вызвали. Как бы то ни было, не начав разговора не узнаешь и прав воевода, силы еще ой как понадобятся. Без лишних разговоров он подошел к лавке и опустившись на нее облегченно откинулся к бревенчатой стене.

В этот момент, дверь отворилась и в горницу вошел знакомый старик, дядька воеводы. Проявляя уважение к летам, Виктор поднялся и отвесил поклон. Зря он это. Как только кровь прилила к голове, она тут же поплыла и не подхвати его воевода, Волков непременно воткнулся бы своей многострадальной частью тела в пол. Старик на это недовольно покачал головой, воевода же наоборот, одобрительно похлопывая усадил страдальца обратно. Даже воеводе, бывший скоморох скорее изобразил земной поклон, и тот понимал, что вызвано это не неуважением, а боязнью попросту упасть, что он сейчас и продемонстрировал, выказывая уважение древнему старику.

— Чего поклоны земные отбиваешь, коли немощен? — Недовольно проскрипел дедок.

— Дак и сам не ведаю, дедушка, само оно как-то.

— Ты за словесами-то следи, десятник. Ишь удумал, дедушка, — недовольно заметил Световид.

— Не суди парня. Чай сам в свой час не объяснил кто я, так что неча на зеркало кивать, коли у самого рожа кривая.

— Твоя правда батюшка.

— Батюшка!? — Не удержавшись выдохнул Виктор. Твою дивизию, сто тридцатый полк! Выходит это отец воеводы! А он-то ему… Ох держите меня трое. Это же полный абзац!

— Не ожидал, что глава рода боярского тебя внучком

величать станет? Да ты дыши, дыши, не то грохнешься в беспамятстве, а нам с поленом говорить не о чем, — проговорил Радмир.

— Стало быть, на судилище меня призвали, — снова откинувшись к стене как-то равнодушно бросил Виктор.

Что же, чего-то подобного стоило ожидать. Жаль только дочурку. Как сложится ее судьба, вырастят ее вольной или ей будет уготована судьба холопская? Оружие при нем, можно и подороже продать свою жизнь, вот только вырваться все едино не выйдет, а Неждану в отместку могут и живота лишить. Чему быть, того не миновать. Придется покорно ждать.

— А есть за что судить? — Лукаво улыбнулся воевода. Вот поди и пойми его. И вообще, что тут происходит. Да пошло оно все!

— Зачем призвал, воевода, — голос усталый, так говорит только тот человек который для себя уже все решил и смирился с судьбой. Потому и без разницы ему кто перед ним, дерзости нет, но и от пиетета ничего не осталось.

— А разговор стародавний продолжить, — наливая квас произнес Световид, затем протянул кружку Виктору, — Выпей, может полегчает.

— Я уж лучше из своей фляжки. Там настой травный.

Произнеся это, Волков и впрямь отстегнул фляжку и сделал два больших глотка, все как учила лекарка. Чего она там намешала ему было и невдомек, но только облегчение пришло сразу, и головокружение отступило и начавшаяся было тошнота тут же прошла. Только холодок из груди никуда деваться не хотел, но то уж по другой причине.

— Вижу полегчало. Тогда продолжим. Помнится, ты мне сказывал, что хочешь мануфактуру открыть, обзавестись семьей и зажить спокойной жизнью. От меня письмо к другу моему старинному просил и побывал на мануфактурах, как иноземных, так и наших. А своего дела как не было, так и нет.

— Так ведомо тебе воевода, что и дом и семья у меня были и мануфактура должна была появиться, да не сложилось. Дом и семью пожгли. Видно спокойное житье не про меня, не сложилось как-то.

— Больно егозлив, вот и не сложилось. Сказано ить в писании, прощай врагов своих, — возразил Световид.

— Видно не про меня те слова, не умею я прощать. Мне ближе иные: Око за око.

— У тебя со сторицей получается, — покачал головой воевода, — Но не о том речь. Что же ты, думаешь и далее вот так зверем лютым прожить, эдак век у тебя выйдет не долгий.

— Кровушки я уж напился вдоволь и за семью отомстил сполна, да только нынче у меня жизнь так уж обернулась, что служба мне выпала пожизненная.

— Световид, хватит ходить возле да около, — вмешался старый Радмир, — не видишь, парень гадает, да понять не может, чего мы тут удумали.

— Твоя правда, батюшка. Так вот, Добролюб, греха в том, что ты сохнешь по моей внучке мы никогда не усматривали и не усматриваем. Доколе ты себя в руках держишь и не покушаешься на то, что твоим быть никогда не сможет, от нас беды не жди. Многое нас повязало, но то все в прошлом. Сегодня знай, что род наш тебе не угроза и никогда не был, потому как хранит тебя слово главы рода Смолиных и будет хранить даже когда его не станет. Долгих лет тебе батюшка.

— Чего уж, все под богом ходим, и каждому свой век отмерен, — грустно улыбнулся старик.

— А как же род Вяткиных? — Не удержался Виктор.

— О том, только четверым ведомо, — продолжил воевода, — нам троим да Градимиру, а боле знать никому и не надо. С тем вопросом закончили и боле его вспоминать не будем, — вообще-то вспоминать оно само как-то получалось, но воевода прав, лучше позабыть, так спокойнее. — Насчет того, что жить тебе незачем, тоже говорить не станем, потому как есть у тебя дочка, а с нею и смысл далее за жизнь держаться, тоже появился. Как бы разговор наш не закончился, сегодня ты с ней домой уедешь, — а вот эти слова никак не могли быть восприняты спокойно. Только раз он держал на руках Неждану, но уж любил, как и первую свою дочурку, а может это прежняя любовь нашла продолжение в этом ребенке как и жизнь первой Нежданы.

— Благодарю, воевода.

— Не за что тебе благодарить, дочка к отцу вернется, то по закону божьему.

— Все одно спасибо и за заботу о малютке, тоже.

— Ладно, о том говорить больше нечего. Поговорим о тебе. Никогда бы не подумал, что обычный скоморох станет отличаться такими умениями. Много всего ты напридумал.

— Не так, воевода. Я ничего не придумал, просто предложил улучшить, вот и все. Вот пистоль, я ить ничего такого не придумывал, просто попросил мастера сделать его чуть прочнее, остальное его рук дело. Карабин мой, тоже его работа. Магазинные мушкеты не вчера появились, вот только из-за того, что под магазины делаются отверстия в прикладе, мушкет тот только для потехи и годен, но никак не для боя, больно хрупок. Если же к этому пистолю приделать приклад и установить ствол

подлине, получится карабин, который и оземь грохнуть не так страшно. Нужна была просто идея, я ее мастеру и подал. Если на обычные мушкеты и пистоли установить кресало с магазинного пистоля, то будет экономиться время перезарядки, мы с Богданом просто повторили работу мастера Лукаса. С гранатами, тоже ничего удивительного, мы всего-то отлили корпус с канавками и теперь когда порох загорается, чугун разрывает по тем канавкам, потому как там стенки тоньше, от того и осколков больше, а значит и вреда ворогу.

— А кто тебе подсказал, насаживать те гранаты на мушкет?

— Стрельцы. Они как-то заехали на подворье и одного из них была ручная мортирка, вот и подумал я как бы сделать так, чтобы и гранату можно было метнуть и мортирку за собой не таскать, потому как лишний груз получается.

— А мину, каменным дробом начиненную, как придумал?

— Дак, голь на выдумки хитра. Тут тоже ничего сложного, малый бочонок с порохом в более большой, а вокруг каменный дроб. Порох взрывается и разбрасывает все окрест. Можно и огненным шнуром поджигать, но так время не подгадать, а как пистоль старый, да разболтанный использовать, который только и того что выбросить, тогда куда как сподручнее получается. Подошел ворог, ты за веревочку дернул и подорвал тогда когда нужно.

— И пули сами собой получились?

— Нет. То я видел во Фрязии, как один охотник такие пули ладил для своего мушкета. Сказывал, что порох больно дорог, так что каждый промах по кошелю бьет, а так ладно получается.

— Отчего же, у западников таких пуль нет?

— Почем мне знать-то, воевода. Может таил старик тот секрет от всех. Я его тогда из реки вынул, вот и не стал от меня таиться, да и какое дело до пуль какому-то скомороху.

— А для винтовальных мушкетов?

— То уж я. Заметил, что при стрельбе из винтовального карабина, та пуля куда хуже бьет, чем из гладкого ствола. Долго понять не мог, как там да чего, но потом сообразил стрельнуть в мягкий тюфяк, чтобы пуля не смялась, да поглядел на нее. Оказывается нарезы там слизывает, а тогда уж получается что дым вокруг пули идет и нет той точности. Решил попробовать сделать пулю длинной, а оно возьми и получись. Почитай, что и случайно вышло.

— Не многовато ли случайностей вокруг тебя?

— Дак и подле Градимира в том лесу, я тоже случайно оказался. Откуда нам знать какими дорогами нас поведет Отец небесный.

— А что скажешь насчет скорострельных мортир?

— Дак сказывал уж, сыну твоему, не ведаю об чем речь. Гранаты мушкетами мы метали, а что там гульдам со страху показалось, то уж их пытать надо. У страха глаза велики.

— А сколько у тебя людей, Добролюб? — Вкрадчиво вопросил старик.

— В ватаге было два десятка. Да только от них ить вреда княжеству никакого, только польза получилась. А когда нас Градимир на подворье обложил, второго десятка там не было. Вот так и вышло, что только часть ватаги на службу попала.

Только так. Наглухо запереться и все отрицать, глупее не придумаешь. А вот выдать часть правды с удобоваримым объяснением, это уж совсем иное. Да и выдал он почти все, только про минометы и картечницы умолчал. Нельзя выдавать на гора все и сразу. Оно конечно княжеству от того может выйти большая польза, вот только это не его проблема, а потом мог ведь и вред получиться. Все же в промышленном отношении славенские княжества и Брячиславия в частности сильно уступали западникам, так что вырвись эта новинка наружу и вреда могло получиться куда больше. Элементарные пули уже могли бедой обернуться, ведь западники как только поймут что к чему, куда проще используют эту задумку, у них-то такой дикой чехарды с калибрами нет.

— Ох не прост ты, скоморох, — в который уж раз заявил воевода. — Тут ить какое дело, все-то ты правильно излагаешь, но отчего-то кроме тебя до этого никто не додумался, хотя все и на поверхности лежит, а ты раз два и приходи кума любоваться. Ладно, чего только не бывает. Ну да, давай вернемся к твоему житию. Отсидеться втихую у тебя не выйдет, если гульды пока не прознали, кто такой Вепрь, то уж скоро все узнают, а тогда и тебе и задумкам твоим конец один. Доберутся до тебя, а там глядишь и до дочурки твоей. Эвон у меня от одного едва получилось сына оборонить. А сколько у тебя доброжелателей? По всему выходит, что уезжать тебе надо, да так далеко, чтобы никто достать не мог.

Ох божечки, опять заботу начинают проявлять, знать жди беды. Что же ты на этот раз придумал, воевода? Ты ить завсегда мягко стелешь, да жестко спать. Что же сейчас все и разъяснится.

— Великий князь в мудрости своей, решил основать колонию в Новом Свете. Места те опасные, дикими народами населенные, да только та беда известная и опознать именно тебя, там будет некому.

— А просто отпустить не хочешь, воевода?

— А я тебя и не держу. Только совет даю.

Может послать всех и воспользоваться тем моментом, что его

никто не держит? Как же, не держит. Воевода княжеству верой и правдой служит, как и предки его, как и сыновья, а потому того, от кого беды могут прийти на Родину, так просто не отпустит. По сути, он уже указал, куда именно можно отправиться Виктору. Стоп. А чего ерепениться, ведь и без того собирался поступить именно так. Вот только сейчас оно не ко времени. Опять же, если хотя бы до весны оттянуть время, то можно куда основательнее подготовиться и людишек подобрать. А-а, пропадай моя телега!

— Мысль отправиться за океан мне по душе, вот только нет желания ехать не подготовившись. Ить не один я, есть и люди кои со мной по доброй воле, есть и холопы. А главное, и сам я после ранения не оправился и дочурка пока еще грудничок слабый. Так что в этом году, нам ходу в дальний путь нет. С другой стороны твоя правда, гульды всегда могут прознать, кто такой Вепрь и где его можно найти, а может уже и знают, больно приметное у меня обличие.

— К чему ты клонишь, Добролюб?

— К тому воевода, что на время мне и людям моим схорониться надо, в каком укромном уголке, а уж следующей весной мы будем готовы двинуться в путь. Помощь мне твоя надобна, но не за так, а к взаимной выгоде. Ты вспомнил о мануфактуре, значит помнишь и о том, что я тебе сказывал про станки. Так вот, я сумел изготовить те станки, не успел начать дело, но станки есть и они готовы к работе.

— Ты еще сказывал, будто не ведаешь еще, что станешь ладить на той мануфактуре.

— Времени прошло достаточно, так что теперь знаю. Изделия те принесут большую прибыль и пользы от них будет в избытке. Посели меня в каком тихом месте, приставь ко мне людишек смышленых, чтобы науку перенять смогли, а на следующий год я оставлю тебе мастеров, кои смогут на тех станках работать. Выделишь из своей казны серебро, мы в Рудном закажем станки, кои ты сможешь поставить вместо моих, а как я уеду, получишь свою мануфактуру.

— Много серебра-то потребно.

— Много воевода. Но если положишь еще больше и закажешь несколько станков, то все это окупится меньше чем за год и прибыль потечет прямо в твою казну.

— Искушаешь?

— Предлагаю выгодное нам обоим дело.

Воевода бросил взгляд на отца. Оно конечно, он сам мог принять решение, но коли уж так сложилось, что разговор при нем, то хотелось бы получить одобрение. Радмир, только легонько кивнул в знак одобрения. Вот и ладно.

— Что же, подберем тебе тихий уголок.

— Только не совсем тихий, а такой, чтобы ветра были частыми, у меня ить от ветряков все работает.

— А чем тебе река не блажит. Понятно, что на постоялом дворе речки не было, но ить можно и иное место подобрать.

— Река она помощница только до ледостава, а ветер всегда дует, а значит и станки работать станут круглый год, только в безветрие и встанут, но сколько тех дней в году случится. Так что не спроста я на ветер надежу возложил. Да, чуть не позабыл, строение мануфактуры той, тоже за твой счет пойдет.

— Эка.

— Дак тебе все останется, воевода, чай не порушу, все как есть оставлю.

— Чего еще возжелаешь?

— Более ничего.

— Вот тебе мое слово. Строить станешь за свое серебро, чай достаточно награбил в свое время. Коли польза от твоей мануфактуры и впрямь будет, то я тебе твои затраты восполню.

— Как скажешь воевода.

— Вот и ладно. В крепость можешь больше не ворочаться, со службой я улажу.

— А люди мои как?

— Там края опасные и люди искушенные в ратном деле там лишними никак не будут.

— Иными словами, они останутся на службе и только отбудут к новому месту?

— Нет. Они тоже уйдут со службы, но при условии, что вместе с тобой отбудут в Новый Свет. Все два десятка, — с нажимом закончил воевода. А что тут скажешь, остается только соглашаться, что Волков и сделал без промедления.

Была мысль замылить станки и в частности способ изготовления лерок и мечиков, но только мелькнула и пропала. За все в этой жизни нужно платить. Зато у него будет фора во времени и возможность подзаработать, отправляться на новое место с минимумом из того, что может понадобиться, глупо. Одно дело, когда земля под ногами горит, когда же есть возможность подготовиться, в течении года, продумать как и что лучше сделать, то не стоит от нее отказываться. В конце концов он отправляется не в поездку, а переезжает к новому месту жительства. Нужно будет сделать очень много, в том числе и снаряжение пополнить, больно поиздержались, а там как пить дать придется воевать, не на пустые земли идут, там хозяева имеются. Так что зацикливаться только лишь на резьбе глупо, тем более это актуально здесь, где развита хоть какая-то

промышленность. Что-нибудь еще придумает.

Как не надеялся Виктор, Неждану вынесла мамка, что была при Смеяне. Едва осознав, что опять думает о запретном плоде, Волков мысленно выругал себя. Ну, не судьба, что тут поделаешь, а раз так, то думай о чем ином. Вот только не получалось это ни в какую. До самого момента, пока спеленатый младенец не оказался у него в руках, не получалось, а как только это случилось, то мысли сами свернули в иное русло. Ни о чем другом как о дочери он думать уже не мог. Взяв ее на руки Волков замер внимательно всматриваясь в детские черты, спящей малышки, не в силах отвести взор. Нет, не ошибся он тогда, одно лицо. Уверен, открой она глазки и они окажутся один в один.

— Гхм. Добролюб.

— А. Что?

Встрепенулся Виктор, замерший каменным изваянием со счастливой улыбкой. Вот ведь, поди пойми, как такое возможно на обезображенном лице, но видно возможно, коли все это смогли рассмотреть без труда.

— Может, все же поедем? Или ты прямо посреди двора заночевать собрался.

Виктор внимательно посмотрел на Звана. Ишь лыбится, словно рубль нашел. Хотел было одернуть, но только вместо строгости его лицо вновь озарилось счастьем и умиротворенностью. Да, не все гладко и трудностей еще достанет, и опасности впереди ждут нешуточные, но сейчас, обретя то, что считал навеки потерянным, он по настоящему счастлив, а с остальным бог даст разберутся.

— Давай прямиком в какой трактир, — наконец угнездившись на сидении и пристроив дочь на руках, приказал Виктор.

— Ты это, атаман… Сам ведь сказывал, что в Звонграде, нам лучше не задерживаться, друзей у тебя тут слишком много. Небо ясное, дочурку твою мы и в поле со всем прилежанием пристроим, так что любо дорого, кони отдохнули, чего время тянуть.

— А Неждане припас взять? Ить ее нашими разносолами не накормить.

— Так в короб уж все уложили. Там и пеленки, и бутылочки, и молочко, с дитем ты управляться вроде как умеешь и сам. Так чего распотягивать.

— Самих-то накормили?

— И нас накормили и тебе поснедать мы прихватили, чай там только разговоры разговаривали. Да и свои припасы имеются.

— Тогда в путь, только к Лису заскочим на минутку.

Показалось или и впрямь кто-то из окна на втором этаже его высматривает? Да нет же, конечно показалось, с чего бы, да и некому, то наверное ветерок занавеску треплет. Ну что же, бог даст, больше он на это подворье не вернется. Ну его, тут не поймешь где найдешь, а где потеряешь.

***

И вовсе он не страшный. Тогда на свадьбе она было растерялась или даже испугалась, но то ведь от того, что помнился ей совсем иной лик. Ну да, слышала она о том, что досталось ему, но и предположить не могла, что настолько. Прошло совсем немного времени и он уж не казался таким уродливым, а глядя на то как он скоморошничает, она и вовсе позабыла о его увечии, видя его именно таким, каким помнила по прошлому. Там же, на крепостном дворе, она и вовсе увидела иного человека. Обличье-то чуть не звериное, а на деле обычный растерянный и даже испуганный человек.

Вот и сейчас, глядя на него из-за занавески, она увидела переполненного счастьем и нежностью мужчину, а не зверя лютого обагренного кровью по самую маковку, готового в любой момент рвать ворога до последней возможности. А ведь знала точно, что он именно таков и доказал это уж не единожды. Чувствовало сердце — иной он. Вон стоит, трепетно держа младенца на руках, словно в соляной столб обратился, с застывшим на лике выражением искренней радости. Чуют то и его соратники, эвон мнутся, но боятся потревожить своего десятника, внезапно обретшего часть некогда утраченного.

О чем он сейчас думает? Может о ней? О той, коя была его спутницей, одарившей тихим семейным счастьем. Нет. Сомнительно это. Тогда бы на лице промелькнула какая тень, а нет того. Все помыслы легко читаются на челе и направлены они лишь на дочурку. Последняя мысль отчего-то успокоила ни с того, ни с сего затрепетавшее сердечко. С чего бы это? Может от того, что ей было искренне жаль этого человека, который уверовал в то, что ему в этой жизни уготована судьба неприкаянного, беспощадного мстителя и внезапно обретшего новый смысл своего бренного существования, светлый и достойный. А может от того, что не хочется отдавать малютку, к коей уж успела попривыкнуть, не делая различий между нею и сыном. Конечно именно поэтому, отчего же еще.

— Смеяна, чего ты тут? — Послышался голос мамки. Странно, она и не услышала как отворилась дверь, а ведь та имеет легкий скрип.

— Да вот, гляжу как Неждану забирают.

— А он что же все еще во дворе?

— Вон только садится в повозку.

— Ох, голуба моя. Гляжу ты к девочке-то прикипеть успела, эвон и в дорогу сама покормила, не поспеть за тобой.

Вот такие вот дела. Смеяна ни раз и ни два нарушала волю супруга своего и сама кормила девочку, хотя все были уверены, что тем занимается кормилица. Отчего так, она и не знала, просто брала младенца и пристраивала к груди. Пеняла ей на то, мамка, да только эдак не серьезно, потому как на то имела свою думку.

— Не иначе как девочку хотела, а уродился богатырь, — понятливо кивнув, все же высказала свое понимание происходящего кормилица.

А как же иначе. Это мужья желают сыновей, а женка, даже коли всем своим видом выказывает поддержку мужу, всегда желает иметь дочь. Баба у коей одни сыновья, вообще обделена Отцом небесным. Сыны подрастая завсегда ближе к отцу тянутся, а девки они к матери поближе. Правда, в боярских семьях, заботу о чадах имеют мужья, приставив к деткам кормилиц, нянек и дядек, женам же доставалась считай роль монашки запертой в своей келье, только с тем отличием, что супруг мужний долг справляет. Недостатка она ни в чем не знала, но и света белого не видела. Однако были не редки и такие семьи как Смолины, у коих жена вовсе не походила на узницу. С восшествием на великое княжение Миролюба, этот древний обычай медленно и неуклонно рушился. Так что молодежь уж по иному смотрела на свое житье, а как станет их больше, так перемены неизменно наступят.

Из стоящей в углу колыбельки послышалось кряхтение, которое обещало перерасти в здоровый и требовательный крик. Боярич обещал вымахать в косую сажень в плечах, уж больно прожорлив, опять же для своего возраста, даже несмотря на перенесенную болезнь, весьма увесист и боек. Хвороба, хвала Отцу небесному, отступила и малыш очень быстро восстанавливался, набирая вес не по дням, а по часам.

Мамка скосила взгляд на Смеяну, мол и как быть, грудь-то у матери пуста. В ответ молодка шутя нахмурила брови и склонила набок головку, мол чего вопрошаешь, нешто не ведаешь, что и как делать. Кормилица только ухмыльнулась тряхнув головой и подойдя к колыбельке взяла спеленатого малыша на руки.

— Иди сюда, радость моя ненаглядная, матушка твоя совсем уж про тебя позабыла, все больше девок привечает, а как быть такому богатырю без молока-то.

— Зарина.

— Да молчу я, молчу, — все так же лукаво улыбаясь и выпрастывая грудь, проговорила женщина.

Глава 5

— Ну как там малышка?

Виктор не скрывая тревоги посмотрел на подошедших бабку Любаву с которой никак не желал расставаться и Беляну, которая высоко несла свой живот. Вот уж молодые, времени даром не теряют, а и то, какие их годы, в самый сок взошли. При виде тяжелой Беляны у Виктора с одной стороны тепло по сердцу разлилось, с другой засосало под ложечкой. Если выступать по весне, а иначе никак нельзя, то дитю едва полгода минует и как он или она перенесет переход через океан, ведь плыть придется от полутора до двух месяцев. Жаль, если им придется остаться здесь, Волкову вообще не хотелось ни с кем расставаться. Но тут дело такое, только добровольно и никак иначе. Ватажники из старичков все как один заявили, что готовы ехать хоть к черту на кулички и это уже грело, потому как воевода тысячу раз прав, нельзя иначе.

— Ладно все с твоей дочуркой, — с добродушной улыбкой заверила лекарка. — Здоровое дите и дорогу перенесла ладно. Наелась и спит.

— Ну, сказывай, чего удумал?

Когда наконец все собрались за большим столом, спросил Богдан, нежно обняв и легонько притянув к себе Беляну, а та и не противилась, только голову склонила на крутое плечо. По счастью постояльцев не было, девки приютненские уже ушли, и можно было говорить свободно, без опаски, что их подслушают. Разговор же предстоял серьезный. Виктор прекрасно осознавал, что ему необходимо торопиться и дело было вовсе не в том, что он опасался мести от гульдов. Просто отсчет времени уже начался и каждый потерянный впустую день, для него оборачивался большими потерями, потому как сделать нужно было слишком много, а времени было в обрез.

— Перво-наперво, дела складываются так что мне нужно уезжать из Брячиславии. Уезжать навсегда.

— Как же это?

Богдан весь встрепенулся, Беляна оторвав голову от мужнего плеча устремила на Виктора удивленный взгляд, Горазд молча откинулся к стене, словно впечатался в нее. Только бабушка как-то понимающе посмотрела на Волкова и грустно улыбнулась.

— Стало быть, воевода услать тебя решил, — словно зная то, чего не знал никто иной, уверенно произнесла она.

— То не воевода. Слишком много я всего наворотил, чтобы я и те кто близ меня, чувствовали себя здесь в безопасности. Как

говорится: за дурной головой, ногам покоя нет. Прикрой я просто свое обличие обычным платком и того не было бы, но когда кровь в голову ударила о том не думал, а потом уж поздно было. Значит так. Подворье это, я продаю, Лис Отряхин, уж купца на него ищет. Не Глядите на меня так. Опасно здесь оставаться. Погоди, Богдан, — остановил открывшего было рот кузнеца Виктор, — дай сказать, а там уж и решать станем. Воевода предоставит нам место, где мы сможем поставить мануфактуру, там сладим бараки в коих поселимся и сами. До весны станем ладить известный тебе инструмент, ладить так много, как только возможно. К началу весны, воевода пришлет людишек, чтобы мы могли научить их работать на тех станках и обслуживать их. Заработать по моим прикидкам должны будем изрядно. На то серебро закупим различного припаса, чтобы в чужих краях не было ни в чем недостачи, там место будет голое, так что ничто лишним не будет.

— А куда хоть собрался-то нас тащить? — Все же поинтересовался Богдан.

— Вас только туда, где станем ладить мануфактуру и не тащить, а просить помочь. Вы люди вольные и указывать вам я ничего не могу. За службу отблагодарю достойно. Настолько, что ты и сам сможешь свою мануфактуру наладить и жить достойно, где-нибудь близ стольного града. У границы вам делать нечего, обоснуетесь там где никто вас и знать не знает.

— Это ты что же нас гонишь? — Это уже Горазд.

— Воевода велел мне, чтобы все мои ватажники вместе со мной убирались. Я так думаю, что боится, как не найдут они себя в мирной жизни, так и подадутся на большую дорогу, а опыта у них в том изрядно, так что и бед может выйти множество.

— Хитер, воевода, — довольно разулыбался Горазд, но Виктор тут же приспустил его на землю.

— Не улыбайся. То касаемо всех остальных, но не тебя. Ты роду глава и ответственность на тебе большая, мальцы не вошедшие в возраст.

— Дак ить Богдан…

— А ты что же, опять руки умоешь? — Укор Виктора, высказанный с твердостью металла, заставил парня понуриться.

— Погоди, — огладив бороду все же вмешался Богдан и несмотря на то, что Виктор скривился, явно недовольный этим, продолжил. — Ты толком скажи, куда собрался и почему нам с тобой нельзя? А то совсем запутал, одна мануфактура, иная, стольный град приплел.

— По весне путь мне выпадает в Новый Свет.

— Дак ить там же народы дикие проживают.

Полезно все же работать на постоялом дворе. Тут откуда народу только не бывает и какие только байки не рассказывают, вот и про Новый Свет Беляна слышала. Оно конечно, скорее всего рассказы те сильно приукрашены, но хоть представление имеет, что это и где находится.

— Проживают, — согласно кивнул Волков, — а еще чтобы до тех земель добраться, два месяца нужно морем-океаном плыть на больших кораблях. Там же, скорее всего, рады нам не будут и придется за новое свое жилье биться, хотя думаю, что может получиться и миром договориться, коли предложить им, что полезное.

Говоря это, Виктор вдруг вспомнил, как на уроках истории учитель говорил им, что остров Манхеттен был куплен у индейцев за пять стальных ножей. Что же, они найдут что предложить, чтобы выторговать себе небольшой клочок земли, им много не надо, правда это если Миролюб не пошлет какого дуболома, но с тем позже разбираться.

Новость для всех оказалась сногсшибательной. Единственно кто не на мгновение не усомнился, это Горазд, выразилось это в том, что парень набычился еще сильнее. Эвон, все значит в дальние края, а он словно прикован к семье.

— А меня что же, тоже погонишь?

— Попривык я к тебе бабушка, да ить дорога дальняя и места те дикие и опасные, как тебя страгивать.

— Нешто, там мое лекарство не занадобится?

— Лекарка нигде лишней не будет, и дурень тот, кто инока считает.

— Стало быть, берешь?

— Если пожелаешь. А вы не гоношитесь, — тут же пристукнул рукой о столешницу Виктор, — нас с бабушкой тут ничто не держит, нам собраться, только подпоясаться. Своему здоровью она сама хозяйка, коли считает, что выдержит дальний путь, то так то и будет, кому как не ей знать. Вы иное. Дите у вас будет грудничковое, куда ему такое осилить, а семейство при вас должно быть.

— Верно сказываешь, Добролюб, — вдруг подбоченился Горазд. Ты матушка не серчай на меня, хвала Отцу небесному, твоя жизнь обустроена и за Богданом ты будешь как за каменной стеной…

— Ты это к чему? — Опять набычился Виктор, — Сказано же, тебе за семью ответ держать.

— А я и держу. Я сейчас как голова сказываю. Не век парням под крылышком мамкиным сидеть. Опять же, станки ты свои с собой заберешь, а ребятки ту науку преуспели. Мне занятие тоже

найдется и за братьями присмотрю. Так что ни от чего я не бегу. Мы с братьями едем с тобой. Благослови матушка.

А что тут поделаешь. Прав старшенький, потому как не выйдет всю жизнь над ребятками наседкой просидеть, уж близок день, когда разлетятся птенцы. Оно хотелось бы, чтобы поблизости, но может так оно и к лучшему. Хотя и корит себя Добролюб, что через него их жизнь рушится, но ведь то не так, тут как бы не наоборот. Присмотрит он за мальчиками и Горазду укорот даст, пока те на ноги крепко не станут. Осенила она старшего сына крестом и отерла уголком платка глаза.

— Что же, выходит с этим решили, — вздохнул Виктор, стараясь, чтобы никто не заметил охватившего его облегчения.

Положа руку на сердце, он должен был признать, что ему будет проще обойтись без Горазда, а вот его братья очень к месту придутся, иначе опять все с нуля. Еще лучше, кабы и Богдан отправился с ним за моря, но то пустые мечты. Видно, что мечется мужик словно птица угодившая в силки, но вырваться ему не по силам. Семья вяжет похлеще любых пут, потому как тут ответственность нешуточная. Одной он уж лишился, Бог дал ему второй шанс и уж за него он будет держаться зубами, наизнанку вывернется, но сделает все возможное, чтобы вдругорядь такое не повторилось.

— Далее. Пока обустраиваться на новом месте будем, да все построим, время как раз к осени. Надобно будет в этом году должок с приютненских получить.

— Не рассчитаться им, — угрюмо бросил Богдан, — урожай ноне никудышный, кабы обычный год, дак не беда, а как долг отдавать, не потянут.

— Ведаю. К тому и речь.

— Стало быть, все же хочешь похолопить.

— Да. Не гляди на меня, словно обвинить в чем хочешь. Все будет именно так, как я и сказывал. Пять лет. После этого, они будут вольны как птицы. Захотят возвернуться, так тому и быть, не просто вернутся, а еще и подворьями крепкими тут обзаведутся. Ты знаешь, мое слово крепко. Нужны будут там люди, дел будет много. А потом, уверен, что не захотят они оттуда вертаться. Всю свою казну на то готов прозакладывать, потому как там все будет по иному, до Бога высоко, до Великого князя далеко, так что жизнь будет не в пример лучше.

— Так ить там бояре будут, а к ним та поговорка тоже подходит.

— Бояре будут, да только их там будет раз два и обчелся, места дальние, глухие и опасные, так что поостерегутся они безобразничать, не то на голову себе беду накликают. А главное

люди там под моей рукой будут. Сомневаюсь, что найдется такой дуболом, что возжелает с Вепрем связываться, он ить зверюга без князя в голове. Опять же, два десятка воев, а скольких стрельцов сумеет туда направить Великий князь? Так что те два десятка сила немалая, больно хлопотно рядиться да задираться.

Последнее ему удалось высказать с таким сарказмом, что все присутствующие невольно улыбнулись. Вот и ладушки. Не сказать, что Виктору было приятно, вот так вот круто менять жизни десяткам людей, ведь были еще и те, коих ему уступил Лис, а там тоже больше трех десятков душ. Опять же, сам-то он нипочем не отправился бы в столь опасный переход, с Нежданой, пока той не исполнится хотя бы год, у крестьян же наверняка найдутся груднички и как они перенесут долгий переход, одному только Богу известно. Хорошо бы озаботиться своим кораблем, тогда можно обеспечить максимально комфортное размещение людей, чтобы избежать несчастий. Но то только пустые мечты. Даже с учетом того, что он собирается заработать весьма внушительную сумму, таких денег ему нипочем не скопить.

***

Место боярин подобрал хорошее во всех отношениях. Вокруг густой лес, так что на месте где намечалось поставить жилые бараки было тихо и уютно, небольшая речушка вполне отвечала хозяйственным нуждам. Строевого леса вокруг тоже с избытком, оно конечно строить из сырого материала как бы неправильно, но ждать пока он поспеет тоже некогда. Ничего, пойдут щели их и дополнительно проконопатить можно. Время оно дороже этих неудобств.

К северу от планируемого поселка имелся высокий холм, с относительно лысой вершиной, поросшей светлым сосняком. Как раз то, что нужно, можно сразу валить деревья и пускать их на постройки. Придется ладить лестницу, иначе до мануфактуры добираться будет трудновато, летом еще туда сюда, а зимой прямо беда. Для грузов придется ладить дорогу, которая чуть не в круговую вокруг холма пойдет, хорошо хоть просеку рубить практически не придется, деревья растут вполне себе просторно, повозкам особой помехи не будет. Имелась пара промоин, через которые было проще бросить мостки, чем огибать их в круговую.

Оно в чистом поле было бы куда проще, но это только с одной стороны, а с другой, построек нужно было сладить много, а значит и леса требовалось немало. А потом всего-то в паре верст лесом проходил тот самый большой торговый тракт, хотя места и необжитые. Тут если кому и селиться, то только охотникам, но

никак не крестьянам, больно много работы, чтобы росчисти устроить. Можно еще и лесопилку поставить, но та в этих краях имелась, только вниз по течению этой самой речки, которая имела запруду, чтобы подать воду на большие колеса. Так что лес пока вырубался вокруг нее, а до этих владений руки еще не дошли.

Дорогу сюда специально так же не ладили, не к чему. Понадобится воеводе, пусть сам и ладит, а Виктору было вполне достаточно и той стежки, что осталась за подводами извиваясь замысловатыми изгибами и петлями, вокруг деревьев и оврагов, от чего ее протяженность увеличивалась вдвое от прямого пути. Ну да не все коту масленица. Главное, что на том холму, к вершине которого можно было добраться с относительной легкостью, ветра дули с завидным постоянством и силой. Словом для ветряного движителя самое то, что надо, а это главное.

Виктор был уверен, что боярину здесь держать мануфактуру тоже будет удобно. Впрочем, будь иначе и он бы не стал выбирать именно его. Осмотревшись окрест, Богдан предположил, что возможно в будущем, здесь планировалось устроить и еще одну лесопилку. Река вон она, под боком, место удобное для плотины имеется, строевого леса вокруг хоть ж… много, одним словом.

Волков было заволновался, что поселок смоет вешними водами или каким обильным ливнем, все же у основания холма располагался. Но старшина строительной артели успокоил его, заявив, что если деревья на этом склоне трогать поменьше, то лес вполне защитит постройки. Основные потоки как раз по тем промоинам, больше походящим на небольшие овраги и пойдет. Ну и ладно раз так, потому как лес на склоне трогать и не планируется, только вершину расчистить.

Пара дней ушла на то, чтобы осмотреться и прикинуть, как тут и что будет. Больно не хотелось переделывать, время дорого, опять же, за переделки ему воевода ничего компенсировать не станет, все пойдет из его кармана. Пока лица начальствующие осматривались, остальные активно заготавливали строительный материал, от чего вокруг слышались беспрерывные удары топоров, визг пил и покрики работников.

Кроме плотницкой артели, Виктор привел сюда со всем скарбом и своих холопов, которые до этого времени проживали в своих домах, точно уверенные, что их господином является купец, человек не злобливый и в их дела почти не влезавший, разве только причитающееся забирал, а в остальном, они жили своим привычным укладом. А тут как гром среди ясного неба. Новый хозяин и переезд в полную неизвестность. Но что тут поделаешь, то доля холопская и ничего с тем не поделаешь.

Едва увидев своих холопов, Виктор тут же понял, что слегка попал. Всего их было пять семей, тридцать две души. Пять взрослых мужиков, столько же баб, четверо уже немощных стариков, четыре мальчика возрастом от двенадцати до пятнадцати лет, три девки подростка, остальные детвора от грудничкового возраста, до одиннадцати лет. Ну и какая спрашивается от них реальная польза. Народу вроде как много, а на деле только пять реальных работников, в крайнем случае семь. А ему бы работных побольше. Пришлось задействовать и баб, иного выхода не было.

Впредь будет наука, нечего покупать кота в мешке. Этож сколько он потерял на этом деле. Ведь на подворье у Истомы детворы почитай и не было. И без того людишек меньше, так еще и мал мала меньше. Нет, точно из него купец никудышный, хоть бы компенсацию какую стребовал ить почитай пятьдесят гривен убытку, сто пятьдесят рублей, шутка. Хм. Неслабо. А если учесть стоимость взрослого и ребенка. Ой мама, как же он его нагрел. Ну, Лис! Стоп. Сам дурак. Все спешка. Хотелось поскорее убраться из града, больно подьячий ему не понравился, такой если в холку вцепится, мало не покажется. Кстати, еще ничего не закончилось и Пестун со своим зубом, с клык величиной, на месте, и он у него считай все еще под боком. Так что, поосмотрительнее надо.

К моменту когда планировалось запускать станки, численность населения поселка должна была сильно возрасти. Подходил срок расплаты приютнинцев и если не произойдет ничего экстраординарного, то под его руку подпадут семь семей. Богдан не одобрял задумку Виктора, кто бы сомневался, сам хаживал по холопской дорожке и хотя ему повезло с хозяином, цену неволе он все же знал. С другой стороны понимал он и то, что под рукой Добролюба крестьянам будет куда лучше чем под кем иным, а петлю на шею себе они уж накинули, оставалось только выждать и затянуть ее. Так что к поручению Волкова он подошел со всей серьезностью и подобрал такие семьи где малолетних детей почитай и не было. Всего набиралось сорок три души, из которых только трое старики, а полноценных работников получалось аж восемнадцать мужиков и подростков.

В том, что он сумеет их всех посадить на предоставляемые Великим князем корабли Виктор не сомневался. Иные хозяева только руки от радости потрут, ведь чем быстрее заполнятся свободные места на палубах, тем меньше семей уйдет из их рук. А тут по всему выходило, что один корабль почти полностью заполнят только его люди. Опять же, большое количество холопов ему было только на руку, ведь они не подпадали под закон Миролюба, который даровал свободу только добровольно

изъявившим желание переселиться в Новый Свет. Эти ехали по воле своего хозяина, а значит и там оставались холопами. Эдак у него должно было оказаться больше всех душ, а с таким человеком уж и считаться придется, что теперь уже будет выгодно и его холопам.

Было дело, Виктор задумался о том, чем же он лучше других. Ведь по сути он поступал ничуть не лучше, чем поступали с ним. Но тут уж наверное натура человеческая такова. Пока касается тебя, ты недоволен, ершишься, ругаешься, в бессилии сжимаешь кулаки и думаешь, что весь мир ополчился против тебя. Но вот приходит твой черед и сам поступаешь точно так же, потому что иного пути просто не видишь. Можно ли этим оправдаться? Наверное, нет. Вот только у каждого своя правда. Виктор считал себя правым, потому что до сегодняшнего дня, те кто пошел за ним, только выиграли, а добровольно с ним оказалась только семья Сохатовых. Ватажников, тех вообще силой пришлось склонять, но сегодня имея возможность покинуть его, все они предпочли остаться и отправиться за океан. Исключение семья Богдана, и жена с дочерью самого Виктора, но тут вмешалась война, форс-мажор, так сказать. Поэтому он не сомневался, что сможет обеспечить куда лучшую жизнь крестьянам, чем нынешнее их бытие, в свою очередь, эта уверенность помогала ему продолжать считать себя правым.

Приютненцы уж знали, что он за человек, этим же, из глухой деревеньки, все чин чином разъяснял Богдан. Вот он мол я, и в холопстве не бедствовал и вольный нынче и женка моя, сыном выкуплена с детьми, на деньги дарованные Добролюбом работнику своему за службу верную. Крестьяне опасливо и так между делом, старались подступиться к Горазду и исподволь вызнать у него, не брехня ли. Бабы, нет-нет вились возле Беляны, правда ли. По всему выходило, что обмана нет и если сказал, новый хозяин, что при доброй работе, через пять лет смогут выкупиться, знать так и будет. Не будь этого, глядишь осенили бы себя крестом и подались бы в бега на Длань, там-то опасно, но земля православная.

Восполняя недостачу рабочих рук, пришлось приставить к делу ватажников. Те помялись, но потом все же принялись за давно уже позабытый физический труд. Да-а братцы, это вам ни в казаков-разбойников играть. Не сказать, что парни прозябали в лени, трудиться им приходилось изрядно, да только то иной труд, а работа на лесоповале и строительстве сильно отличается, от тренировок и маршбросков. Но Виктор заверил их, что как только в них надобность отпадет, примутся они за давно привычные занятия. Он ни на минуту не забывал куда именно они

отправляются и понимал, что стоящие бойцы там будут нужны ничуть не меньше, чем крестьяне, а значит сноровку им терять никак нельзя.

В строительстве не принимали никакого участия только Богдан и младшие братья Горазда. Этим в первую очередь сладили небольшую кузню, а скорее навес, эдакая времяночка и они там готовили все необходимое, для запуска планируемого к установке оборудования, которого должно было быть вдвое от прежнего. Виктор намеревался запустить все имеющиеся у него мощности, чтобы получить максимум прибыли, какая только возможна.

В начале сентября или как его тут называли вересеня, поселок и мануфактура были полностью готовы, оборудование установлено, проверено и запущено. Сейчас использовалась только половина станков, элементарно не хватало рабочих рук, но работа все же началась, мало того, все работоспособное мужское население было вовлечено в процесс обучения.

К концу месяца людей стало значительно больше. Приютненцы ожидаемо не смогли расплатиться по долгам и угодили в неволю, в результате чего им пришлось переехать к новому месту жительства и поселиться в общем бараке. Не сказать, что от такой перемены своего статуса они были в восторге, но приняли это стойко, хотя и не скрывали своего уныния. Немаловажную роль в этом сыграло и изменение быта. Если раньше они и жили небогато, но зато каждая семья имело свое подворье, теперь же приходилось ютиться в небольших помещениях.

Виктору приходилось наблюдать как проживали офицерские семьи в бараках, а так же то, что общие проблемы и быт сплачивали их. Несмотря на то, что люди были разными, со своими проблемами и тараканами в голове, жили они вполне дружно. Видел он и то как жили в малосемейных общежитиях, где так же отмечал для себя, что люди довольно дружны. Но как говорится не путайте туризм с постоянным местом жительства. Он-то наблюдал за этим со стороны, в свои нечастые посещения и воде все было вполне пристойно, если не благостно.

Здесь было все совсем иначе. Чуть не каждый день ему приходилось влезать в бытовые вопросы, судить и рядить, разрешать скандалы и ссоры, которые возникали с завидной постоянностью, подчас по нескольку раз на дню. Это отнимало силы, нервы, а главное время. Не давало сосредоточиться на жизненно необходимых вопросах. Люди словно взбесились и были готовы рвать друг друга по элементарным вопросам. А ведь совсем недавно были добрыми соседями. Ну да, были, каждый на

своем подворье, со своим укладом, а тут их в общежитие, где очень даже много общего и необходимо, чем-то поступиться, потому как личное жилье и барак сравнивать никак нельзя.

Оно можно бы и не обращать на это внимания, предоставив им самим решать свои мелкие дрязги, как говорится устаканится само собой. Вот только им предстояло ехать в такие края, где просто жизненно необходимо поддерживать друг друга, потому как одиночкам там не выжить. А вот из таких мелких бытовых ссор порой получалась самая натуральная кровная вражда. Виктор вдруг осознал, что сам того не ведая, стремясь обустроить собственный быт и будущее дочери, взвалил на себя очень тяжкую ношу. Но ему нужны были эти люди, если он все так же хотел добиться поставленной перед собой цели.

В процессе разбирательств он с удивлением для себя обнаружил, что корень зла не в мужчинах, а в женщинах. Именно они оказывались зачинщицами практически всех скандалов, даже когда в бороды друг другу вцеплялись мужики, за ними обязательно маячили их жены, беспрестанно пилившие и наускивавшие своих мужей, дабы отвоевать большее жизненное пространство и привилегии для своих семей. Нормальное в общем-то желание. Это мужики в своем доме чуть не гости, потому как их задача, быть добытчиками, дом же целиком и полностью лежит на плечах хозяйки, где она властвует практически безраздельно. Вот только раздор Волкову совсем не блажил.

Самое удивительное, что подобные процессы начались и среди первых поселенцев, чего не было до сих пор. Постепенно до Виктора стало доходить, что корень зла в безделии. Мужики целые дни проводили в цехах, постигая новую для себя науку. Недостаток станков Волков решил компенсировать введением круглосуточной работы в три смены. Нет, он вовсе не задумывался о правах человека и о восьми часовом рабочем дне, ему было необходимо задействовать все мужское население, чтобы все они овладевали новыми для себя навыками. Как только появится возможность расширить станочный парк, будет пересмотрен и график работы, а пока люди должны будут нарабатывать практический опыт. Для ночных смен уже были закуплены новые и довольно дорогие керосиновые лампы. Ага, оказывается уже были такие, и даже со стеклянными колбами, правда несмотря на использование какой-то фракции нефти, керосином там и не пахло. Но света они давали значительно больше, чем масляные, хотя и коптили ничуть не слабее. Но главное, это более качественное освещение.

Так вот. Женская половина как-то выпала из его поля зрения

и фактически оказалась предоставленной самой себе. Ну, сколько нужно времени, чтобы обиходить скотину и прибраться в небольших клетушках. И что прикажете делать все остальное время? А вот думать. И думы те были далеко не радужными. Необходимо было срочно их чем-то занимать. Пока шло строительство и женщины из первой волны, были полностью на нем задействованы, все было нормально. Все уставали и на дрязги сил уже не оставалось, а вот теперь появилось свободное время, той усталости уже нет, и приходи кума любоваться. Правда, среди них ссор было значительно меньше, но они были.

— Ума не приложу, чем занять баб, — вздохнув, посетовал Виктор, обращаясь к Богдану. — Они ведь мало друг с другом цепляются, так еще и мужей в свои дрязги впутывают.

— Ну и пусть их. Люди они никогда в мире не живут, все время чего-то делят, — изрек глубокую мысль кузнец.

— Ну и что прикажешь с ними делать, когда они окажутся на тесном корабле, да еще и путь долгий Как их держать в узде два месяца, пока будет длиться плавание, если они даже здесь готовы порвать друг друга. Опять же и там, придется начинать не с отдельных домов, а именно с бараков. Нужно срочно чем-то занимать баб, так чтобы на дурные мысли времени оставалось меньше. Эвон, первые живут куда как дружнее, потому как попервости не просто проживали вместе, но еще и работой были обременены, от чего получше привыкли к общему житию.

— И чем ты хочешь их занять?

— Не знаю. Может, поставить небольшой барак, а в нем станки ткацкие.

— Новомодные, с бегающим челном, — с надеждой проговорил Богдан.

Об этой новинке Виктор сам рассказал кузнецу. Весьма примечательный станок, настоящий прорыв для настоящей действительности, считай полная механизация и повышение производительности в несколько раз. Приводился он в действие посредством тягловой силы обычного ослика, вращающего привод, причем тот обеспечивал работу не одного, а стразу двух, а то и трех станков, обслуживать же их мог один человек. Богдан уже хотел заполучить себе в руки образец, чтобы поглядеть как там и что, уж больно его увлекло всякое новаторство. Но было одно 'но'.

— Нет. Закупать станки больно дорогое удовольствие, оно конечно окупится, но время будет потеряно, а его не так чтобы и много, чуть больше полугода. Их мало закупить, необходимо, чтобы они еще и смогли вернуть все серебро, да еще и заработать. Да и некогда этим заниматься. Есть у меня еще планы. Так что,

нужно будет плотников нанять, пусть сладят обычные, да закупить нити. Главное занять баб, так чтобы от безделья не маялись, не то вот ей-ей и до беды не далеко. Как там Беляна, оправилась после родов?

При этих словах на лице кузнеца расцвела счастливая улыбка. А чего удивляться, ведь он стал не просто в очередной раз отцом, он возрождался к новой жизни, обретая вновь то, что было некогда утрачено. Тот кто не терял, вряд ли поймет, каково это. Виктор понимал, а потому и сам разулыбался и чудно, но улыбка та на оскал уж походила куда как меньше. Вообще появление в его жизни Нежданы, изменило даже его внешний облик, хотя это казалось невозможным.

— Оправилась, слава Богу. И даже считает себя счастливой, потому как после четверых сорванцов, у нее теперь есть дочка. Так что, можешь уже не стесняться и переносить дочку к ней. Она просила об этом, соскучилась.

— Я не о том. Боюсь, что мне придется просить ее, заняться этим бабьим бунтом, а это потребует немалых сил.

— Если ты думаешь, что все это время один утихомиривал это племя, то ошибаешься, к ней каждый день бегают, даже сразу после родов заявились.

А вот это для него было новостью. С другой стороны, Беляна была при нем ключницей и заведовала всеми бытовыми вопросами. Просто он не вдавался особо в возникшую проблему. Нет, не так. Он занимался последствиями, а нужно было определить причину. Только когда он осознал это и наконец всерьез подумал о взаимоотношениях в поселке, до него дошло, что является корнем зла, а произошло это только сегодня.

Решение о ткацкой мануфактуре пришло к нему спонтанно, только сейчас. Кстати, эти станки тоже будут стоить денег, только гораздо меньших и обещали себя окупить сравнительно быстро, во всяком случае быстрее, нежели новое изобретение, тут и выгодно отличающаяся цена и поставить их можно было в кратчайшие сроки. Главное же, он мог устроить этим строптивицам круглосуточную работу, эдак часов по двенадцать, с пересменами в воскресенье. Ага, рабочий день побольше чем мужикам, чтобы неповадно было.

Что же, нынешние женщины куда более выносливы, чем представительницы слабого пола из мира, Виктора. После родов прошла почти неделя, так что ничего удивительного, что Беляна уже принялась за свои рабочие обязанности, это ему минус, что увлекшись производственными процессами, он не обращал никакого внимания на брожения в поселке. Ведь по сути, сейчас у них была так сказать, тренировка, по устройству поселка на

голом месте в кратчайшие сроки. Тут и навыки нарабатывались и сразу примечалось, чего делать не следует, чтобы не переделывать, и то какой инструмент и в каком количестве надобен. Одним словом много чего, так что даже если воевода и не заплатит ничего, что в общем-то сомнительно, то польза от такого пребывания все одно будет большая.

— Ладно, с Беляной еще поговорю. А сейчас, скажи, кто из ребят Сохатовых самый смышленый?

— Хочешь поручить какое дело?

— Хочу. Хочу забрать его с собой в Брячиславль и определить в ученики одному оружейнику.

— Так они вроде все с тобой собираются ехать, а обучение оружейному делу дело долгое, — заволновался Богдан.

Оно понятно, вроде и глава рода есть, и решение принял, ехать в дальние края, вот только, этот мужик не просто оженился на их мамке, а самым натуральным образом проявлял о них отеческую заботу. Как это парнишку несмышленого в большой град отпускать, где соблазнов столько, что и голову недолго потерять, без догляда-то родительского.

— Потому и нужен самый сообразительный, чтобы все хватал влет. Да не переживай ты так, я ить с ним останусь, тоже подмастерьем, так что под присмотром будет

— Хочешь наладить оружейное дело?

— Есть такая мысль.

— То дело не простое. Не потянешь.

— Ты не забыл, сколько раз сомневался во мне?

— Мишку определяй, — нехотя выдал кузнец.

— Младший? Думаешь, потянет?

— Не думал бы, не говорил. Я ить так понимаю, что тебе нужно будет перенять все ухватки, а дальше сам будешь мудрить, как все лучше сделать. А этот как раз самый сообразительный из них и память хорошая. Только тяжко будет без него. Учеников-то прорва, а кому учить.

— Справитесь. Мне одному трудновато будет ухватить всю суть, вдвоем оно сподручнее. Можно бы и из ватажников кого определить, все одно один не поеду, но они все либо из крестьян, либо из охотников, к мастеровому делу никаким боком.

— А как же двое горшечников.

— Богдан…

— А ну да. Нет, ну я к тому, что мастеровые, — вот не хочет мужик отпускать парнишку, хоть тресни. Но тут уж ничего не поделаешь, если удастся его задумка…

— И помни, уже к первому желтеню, мануфактура должна заработать на полную.

— Так ить меньше месяца времени, — возмутился кузнец.

— Знаю, но вам-то нужно учить только инструмент выделывать, а то дело не хитрое. Остальное постигнут позже, постепенно, а вот это первоочередное, через то главная деньга должна прийти.

— Сделаем, — вздохнув, заверил Богдан.

***

После относительно тихого жития в лесной чащобе, шум столицы оглушал. Всюду слышны голоса, крики, смех, скрип колес, топот лошадей, стуки топоров и молотков. Запахи града так же отличны, от тех, что витают в их новом поселке, оно вроде и схожесть есть, ить и там и тут люди проживают, но здесь те ароматы гуще и крепче. Повсюду вдоль заборов трава, деревьев из-за заборов выглядывает множество, но запахи их практически не ощущаются, потому как забиваются иными.

Определяться с ночлегом, Виктор не спешил. Перво-наперво дело, а уж потом все остальное. Время оно вроде к обеду приближается, но с тем можно и потерпеть, завтрак был хотя и из походного котелка, зато весьма обильным, так что до голода еще далеко. Вот только усталость подобралась и требует дать роздых телу, не иначе как почуяв человеческое жилье. Путь до Брячиславля они проделали весьма споро, считай в полтора раза быстрее чем обычные путешественники, отчего ночевать зачастую приходилось в чистом поле, усталость же имеет свойство накапливаться, вот и своевольничала сейчас, требуя к себе внимания. Только придется ей еще потерпеть. Времени совсем нет, оно течет словно вода в решете.

Можно конечно, людей отправить на постой в тот самый постоялый двор, что нынче по новомодному зовется гостиницей, в угоду Великому князю, потому как он перед иноземцами все же пиетет имеет, вот только одному разгуливать по столице не было никакого желания, мало ли. Нет, так надежнее будет, зря он что ли с собой весь старый десяток упер. Сам Виктор обрядился в плащ на западный манер, с высоким воротником, да в шляпу с большими полями, бороду и усы сбрил, от чего его шрамы не так бросались в глаза, а отсюда и вероятность быть узнанным куда меньше.

Иноземная слобода встретила их все тем же шумом, вот только одеяния людей попадающихся по пути, все больше на западный манер. Оно и понятно, место компактного, так сказать, проживания. Тут на одного славена, приходилось чуть не четверо иноземцев. Нигде не задерживаясь, Виктор проследовал

прямиком к знакомой лавке оружейника, расположенной на первом этаже небольшого дома. Второй этаж был отведен под проживание. На заднем дворе располагалась мастерская, малая кузня и литейня, такое в жилом доме не обустроишь, больно шумное хозяйство.

— День добрый, мастер Лукас.

— О-о, это вы молодой человек.

— Вижу признали.

— Как не признать. Уверен, что и многие иные вас без труда признают, — внимательно глядя ему в глаза, произнес оружейник.

Понятно. Выходит, дурная слава о нем все еще гремит или по меньшей мере не думает забываться. Плохо. Ему ведь здесь обретаться около месяца, а может и дольше, все зависит от того насколько быстро они управятся. Если конечно, мастер согласится, на его условия.

Тут ведь какое дело. Он собирался запустить свою лапу в секреты старого оружейника, а они, мастера местные, ой как не любили когда в их производственные тайны лезли, оберегали их пуще глаза, что скорее всего было так же немаловажным тормозом в развитии. С другой стороны, они этим зарабатывали на жизнь, а кому захочется плодить конкурентов. Вот взять хотя бы Лукаса, не так чтобы и много покупателей на его револьверы, больно дороги, от того и обычные пистоли и мушкеты ладит. Не совсем обычные, все же работа мастера, но зато значительно дешевле.

— Осуждаете? Поди уж и жалеете, что снабдили меня своим оружием?

— Все зависит от того, что из услышанного мною правда, а что вымысел.

— Правда в том, что я мстил за свою семью.

— И на большую дорогу выходил?

— Выходил. Вот только может ли кто сказать, что я кого иного трогал, кроме гульдов. К примеру, ваших соотечественников из Фрязии, я не раз отпускал с миром, только счастливого пути желал. Понимаю, у вас имеются партнеры из гульдов, но то были наши счеты.

— Были?

— Были, мастер. Были да прошли. В расчете мы.

— Ну и как, легче стало?

— Стало. Знаю, что говорят будто, месть облегчения не приносит, но мне помогло.

— А девочка та, из почтовой кареты?

— А дочка моя, коей и года отроду не было? Бросьте эту

тему. Я счет гульдам выставил и плату получил сполна. Теперь их черед, захотят посчитаться, посчитаемся. Только один совет для них есть, коли у вас такие знакомцы имеются, пусть уж сразу наповал бьют, потому как однажды меня уже не добили.

— А замок Берзиньш и церковь?

— Сказал же, хватит о том.

— И все же?

— Слишком многие, прикрываясь моим именем, решали свои проблемы, господин Лукас, может и сейчас, какой Вепрь по Гульдии бродит и грабежи учиняет, убивая всех подряд. Вот вы помянули почтовую карету, и кто мне мог помешать перебить их всех, чтобы никто не мог поведать о том, что это я напал на них? Никто, кроме меня самого. Только однажды я убил всех, когда напал на отряд драгун, но то вои.

— Чем могу быть полезен? — Решил первым соскочить со скользкой темы мастер.

— Решил я отправиться на Длань. Там мне будет куда как спокойнее.

— Спорное утверждение, должен вам заметить, — покачал головой Лукас.

Оно и понятно, слава об этой реке и вольнице на ней была насколько большой, настолько и противоречивой. Дланьцы постоянно жили в состоянии войны, то сами непрерывно совершая набеги, то отбивая оные со стороны кочевников, причем далеко не всегда удачно. Опасное место, хотя и вольное. Ну, почти. Там все же были свои законы и куда как более жесткие нежели у государей. За большинство провинностей придавали смерти лютой, чтобы просто расстреляли или отрубили голову не дождешься, с выдумкой народец.

— Согласен, но тем не менее.

— Хотите закупиться оружием? Должен вас разочаровать, тех образцов, что предпочитаете вы, у меня нет. Они слишком дороги, так что я их делаю только под заказ, но желающих не так чтобы и много, кроме вас только один и был, боярич Смолин, если не ошибаюсь.

Ага. Оценил выходит, Градимир оружие, вполне ожидаемо. Те револьверы Виктору уж не раз службу добрую сослужили, и в грязи валялись, и оземь бряцались, да только ничего-то им не сталось. Виктор оглядел прилавок и стены. Все так. Имеется пара лукасов, в ореховом фуляре, еще три пары пистолей, с богато изукрашенной насечкой и тоже в футлярах, несколько мушкетов, а вот и карабин, под лукасовский манер, перенял все же идею, вот только изготовил все же образец подешевле, чтобы иметь возможность продать. А вот те три мушкета отчего-то отдельно

висят. Богато изукрашены, да только и остальные стволы не армейские, серые и безликие.

— А почему те мушкеты висят отдельно?

— То, магазинные мушкеты. Видите у них более массивные приклады, там расположены магазины под порох и пули, кресало обычное мое, только тоже побольше и оно не откидывается, а отталкивается вперед, когда взводишь курок, то кресало под действием пружины само возвращается назад и досыпает порох на полку. Тридцать выстрелов без перезарядки и чистки.

Ого, а у мастера явный прогресс. Револьверы Виктора, только восемнадцать могут дать, потом нужна частичная чистка, хотя бы сухим ершиком, а после тридцати шести, полный абзац, только вдумчивая чистка всего оружия.

— Понятно. Только то оружие для меня бесполезно. Оно требует слишком бережного отношения, для походной жизни и для боя, никак не пригодны.

— Я помню ваши требования, поэтому и говорю, что для вас у меня нет ничего. Но я готов принять заказ.

Выходит западническая солидарность, проявляемая иноземцами в славенских княжествах, не такая уж и крепкая штука. Возможность получить хорошую прибыль, не останавливает оружейника и позволяет снабдить оружием знаменитого Вепря. Это уже хорошо.

— Вы правы, господин Лукас, я действительно хочу сделать заказ. Только он несколько необычный.

— Опять хотите предложить, что-то новое? Появились идеи? — Глазки аж загорелись.

Понятно, что оружие с задумками Виктора получилось дорогим настолько, что покупателя на него днем с огнем не сыщешь. Но видно, что у старика, впрочем не такого уж и старика, лет пятьдесят, может чуть больше, пытливый ум и страстная натура. Любит он свое дело, а таким на месте стоять скучно, они стараются создать что-то новое. Вот хотя бы те магазинные мушкеты. Видно ведь, что все три хоть и немного, но отличаются друг от друга. Вон тот с самым большим прикладом, наверное первый образец, второй уже более прикладистый и аккуратный, что ли, третий сильно походит на второй, но зато с другим кресалом, а значит и иной затравочной полкой. Кстати, на них тоже не больно-то много покупателей, раз уж висят все три на стене. Ведь понятно же, что пока ладил следующий, предыдущий уже висел на витрине. Все же дорогой товар у мастера, а значит и продается тяжко.

— Есть кое-что новое, но мне оно не интересно, а вам, если еще не дошла новость, очень даже пригодится. А вот идея

появилась и она вам может не понравиться.

— Хм. Ну давайте с того, что мне может не понравиться.

— Э-э нет мастер Лукас, — шутливо погрозил Виктор, — так не пойдет. Услышите прогоните, а мне потом мучиться и думать как своего добиться.

— Выходит, сначала умаслить хотите, — не спрашивает, просто констатирует и при этом лукаво так смотрит на Виктора, явно принимая правила игры.

— Точно.

— Тогда умасливайте.

— Вы слышали что-нибудь о новых пулях?

— Нет.

— Вот они…

Виктор выложил образцы и рассказал об особенностях пуль Минье и Нейслера, идея Лукасу понравилась, но не сказать, что так уж сильно вдохновила. Оно и понятно, ведь совсем скоро такими пулями будет вооружена армия, а тогда какой уж тут эксклюзив. Правда, теперь можно было сделать нарезной ствол на обычный пистоль и увеличить его прицельную дальность до ста шагов. Но ведь и сам пистоль станет гораздо дороже. Вторая пуля увеличивала прицельную дальность для обычного гладкоствола в двое, против прежнего, не ведя к подорожанию оружия, но это скоро будет повсеместно. Далее последовал совет, по поводу установки кресал самого мастера на обычные пистоли и мушкеты. Тоже не сказать, что от этой идеи тот был в восторге. А чего собственно удивительного, неужели он раньше до этого додуматься не мог, но его оружие все больше не для боя, а для статуса, а задумка хороша именно в боевых условиях. Одним словом все мимо. Что же, попытаться все же стоило. Правда, лучше бы подумать об аргументах мастера заранее, ведь все на поверхности, не пришлось бы сейчас краснеть.

— Выходит, подмаслить вас не получилось. Тогда, вот.

Виктор достал из мешка с которым пришел, деревянный ящик, при виде которого у Лукаса тут же загорелись глазки. Ага. Значит, об инструменте для нарезания резьб ему известно. Ящичек мастер признал сразу, ничего удивительного, деланы-то одним и тем же человеком под один стандарт. Судя по реакции, оружейник либо сразу не сумел оценить новинку отчего и не приобрел ее, пока такие были в продаже, либо ему не досталось. Ведь в настоящее время таких наборов попросту не существовало. Виктор знал, что были те кто пытались его воссоздать, вот только используя образцы сделать это не так чтобы и просто, качество сильно уступало и изделие служило гораздо меньше, а чего вы хотите, контрафакт он и есть контрафакт, у него только одно

преимущество, дешевизна. Для создания оригинала нужен токарный станок, каковые имелись только у Виктора. Так что с инструментом, в яблочко.

— Вижу, вам это знакомо.

— У меня есть подобный инструмент, вот только качество, так себе. Признаться, я очень жалею, что не поверил сразу в новинку, а потом было уже поздно. Я давно уже кружусь вокруг лавки того купца, но все безрезультатно. Сегодня даже плохие поделки стоят по стопятьдесят рублей, ведь такие наборы что у вас, просто не купить. Вы хотите его продать мне?

— Это часть договора, — говорить о том, что в скором времени этот инструмент опять появится и в куда больших количествах, Виктор не собирался, к тому моменту когда это случится, он планирует же закончить дела с мастером.

— Какого договора?

— Я хочу заказать у вас револьверный карабин, такой же как у меня, а так же один револьвер.

— А вместо оплаты, вы хотите предоставить этот инструмент? — Недовольство мастера понятно, цена при таком раскладе увеличивается чуть не вдвое.

— Что-то на подобии. Погодите господин Лукас, сначала выслушайте. Вы не просто изготовите это оружие, вы возьмете к себе двух учеников… Да погодите вы. Помимо этого инструмента вы получите двойную оплату за ваши изделия.

— И вы хотите, чтобы я за тройную цену выдал вам свои секреты?

— Понимаю. Что вы скажете насчет пятерной цены?

— Молодой человек…

— Мастер, — подняв руку в примирительном жесте, перебил его Виктор, — давайте будем реалистами. Я не знаю сколько вы продали револьверов старой конструкции, но я знаю точно, что новой вами изготовлено только две пары пистолей и один карабин, итого пять единиц, за два года. Вы считаете, что это много? Я смотрю на ваши образцы и вижу, что револьверных типов у вас мало, а новых образцов и вовсе нет. Появились магазинные мушкеты, подозреваю, что они проще в изготовлении, а стало быть и дешевле. Фактически, у вас нет покупателей на револьверы. Далее. Мне не составит труда разобрать свое оружие и понять его устройство, чтобы потом воссоздать. Здесь все дело только во времени и не более. Эта сделка выгодна нам обоим. Вы получаете свою плату, я экономлю время. Более того, вы не получаете конкурента, потому как оставаться там где до меня могут легко дотянуться мстители в мои планы не входит, а значит я буду далеко от вас. Конечно я буду делать это оружие,

вот только покупать его станут дланьцы, а они никогда не будут вашими покупателями. Так что, вы ничего не теряете. Теперь решайте, я назвал последнюю цену.

— Мне нужно подумать.

— Конечно. Я зайду завтра утром. А это, — Виктор положил руку на ящик с инструментом, — пусть останется у вас. Он в любом случае предназначался вам, либо вы его купите, либо возьмете как часть оплаты за обучение, решать вам.

— Как он к вам попал?

— Это имеет значение? Не волнуйтесь, на нем нет ни капли крови, он достался мне абсолютно честным путем.

Теперь предстояло решить вопрос с проживанием. Покинув оружейную лавку он, в сопровождении парней, направился прямиком к постоялому двору, где он в свое время уже останавливался. Однако доехать до нее им было не суждено. Нет, ничего не случилось, если не считать того, что Виктором вдруг овладела паранойя. Ага, вот так вот, то сам черт не брат, то вдруг стал слишком много думать о собственной безопасности. Не сказать, что в нем проснулся страх. Не за себя он боялся. Всякий раз когда мысли сворачивали в сторону смерти, он начинал бояться за свою дочь, у которой в этом мире не было никого, кроме него и случись с ним несчастье, как сложится ее судьба предугадать было просто невозможно.

Поэтому он внезапно поменял направление и двинулся к рыночной площади. Все просто. За какие-то копейки можно было снять небольшое подворье, где-нибудь в мастеровой слободке, по этой дорожке он уж хаживал и преимущества такого жилья ему были прекрасно знакомы, оно конечно столица, но уж за рубль они точно, найдут требуемое. В этом случае он выигрывал сразу по нескольким пунктам, это и дешевле, и охрану организовать куда как проще, и от случайных встреч можно было уберечься с куда большей гарантией. По кабакам и иным увеселительным заведениям он шляться не собирался, как говорится — работа-дом, дом-работа.

В том, что мастер примет его предложение, Волков не сомневался ни на мгновение, тот по сути и выбора-то лишен. На сегодняшний день технологии не столь уж мудреные, и разновидностей сталей не так чтобы и много, их считай что и нет. Оружие изготавливается только из двух сортов. Сальджукская оружейная сталь, это тамошний булат, процесс получения весьма трудоемкий, требующий многократной, до пары сотен циклов проковки. Идет на изготовление в основном клинков, но делают и мушкетные стволы, но только очень дорогие, эксклюзив. Второй, вязкое железо, это куда как проще, хотя и уступит по качеству

первому, но основная масса стволов именно из него и делается. Вот у Виктора например такой и есть, от гладкоствола его отличают более толстые стенки. Так что, по сути, остается только механика, которую повторить не так чтобы и трудно, но разбирательство, что да как делать, может занять неприлично много времени, которого не было Ну, о том уж говорилось.

Как он и ожидал, долго мучиться с поиском постоя не пришлось. Почти сразу нашлась одна разбитная бабенка, которая сдавала в наем домик с подворьем и постройками. Обычно она имела дело с залетными купцами, которым не хотелось слишком много тратиться на постоялые дворы, так что за месячный постой она взяла рубль. Это не расстроило Виктора, потому как все одно дешевле, чем проживание одиннадцати человек в гостинице. В последнее время, он был вынужден куда более внимательно следить за своими финансами, уж больно большими тратами ему обошлось это переселение и обустройство мануфактуры.

Устроились вполне прилично, домик хотя и не большой, легко вместил их всех, тем более трое всегда бодрствовали, охрана была круглосуточной, все снаряжение в постоянной готовности. Трое же всегда выступали в качестве сопровождения и находились с учениками в мастерской оружейника. Да-да, мастер Луксас дал-таки свое добро на обучение Виктора и Мишки. Не сказать, что он не был удивлен составом учеников, он мог подумать о ком угодно, только не о самом Волкове и каком-то мальчишке.

Виктор справедливо рассудил, что если будет кататься туда сюда, то толку от того будет мало. Сам путь был далеко не близким, так что вскоре по приезду, ему предстояло бы уже двигаться в обратном направлении. А так и время экономится и он сам влезет в процесс изготовления оружия, а значит по ходу, пока будет корячиться, придумает как лучше автоматизировать какие-либо процессы. Ленивая натура представителя более позднего времени и знакомство с механикой, будут неплохим в том подспорьем. Так что, если будет возможным внести какую механизацию, а в этом он не сомневался, то никто лучше него с этим не справится.

Проектирование и изготовление новых станков должно было вылиться в круглую сумму, так что он невольно начинал задумываться, а удастся ли ему заработать, за оставшееся время или это так и останется лишь намерением. Ведь вполне могло получиться и такое, что у него ничего не выйдет. Но самое главное, все, что он тут сейчас напридумает, не принесет с собой ровным счетом ничего кроме трат, потому как стоить будет дорого и окупится, только при массовом производстве. А когда

удастся наладить то производство, одному богу известно. Но если удастся… Это будет джек-пот! Он сможет производить куда более сложное и дорогое оружие в больших объемах, чем сейчас обычные мушкеты и пистоли. Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить.

Для ватаги потянулись нудные и однообразные дни. Беспрестанные караулы, сопровождение атамана в мастерскую, нудные дежурства во дворе мастерской, пока тот вместе со своим малолетним помощником работали по заданию мастера Лукаса. Скука одним словом. Хоть бы какое нападение или на худой конец драка какая приключилась. Даже в кабак ходить не дозволялось. Выпить это пожалуйста, когда свободен и только втроем, это если по серьезному, но просто напиваться на снимаемом подворье не интересно. Не возбранялось пиво в небольших количествах во время еды, которую так же готовили сами. Хорошо в воскресенье, за это дело брался сам атаман, у него получалось на удивление вкусно.

А вот Виктору и Мишке скучать не приходилось. Господин Лукас нагружал их по полной, предоставляя заготовки и объясняя, что и как следует сделать. Им оставалось только проявлять усердие и старание, потому как халтуру тот не принимал. Хорошо хоть Виктору удалось его убедить, что в декоративной насечке он не нуждается, его интересует только практическая сторона, чтобы все работало так как и положено. К концу первой недели, у Виктора уже появились три части, которые можно было изготовить методом штамповки, только на них экономилась неделя. Две из них холодным методом, одна горячим. На горячую нужно было штамповать барабаны. Хорошо уже то, что для всего этого было достаточно одного пресса, правда придется менять пуансон и молот, иными словами рабочие части пресса. Заниматься изготовлением отдельных прессов, под отдельные детали имело смысл только при поистине массовом производстве, о чем он пока не думал.

Когда дело дошло до стволов, Волков воочию убедился насколько сложен в изготовлении этот основной элемент огнестрельного оружия. Сначала металл раскатывали в полосу, затем разогревали и по спирали, внахлест, наматывали на гладкую оправку, стальной стержень диаметром чуть меньше того, который нужно было получить, при этом проваривая его ковкой. На эту процедуру Виктору и Мишке позволено было только смотреть и задавать вопросы. Работа была тонкой и требовала мастерства, которое за месяц никак не получить, но ведь они хотели знать, вот теперь знают. Теперь было понятно, отчего калибр применяемый Лукасом был наименьшим, меньше таким методом сделать просто не реально, само то, что ему

удавалось таки добиться подобного было уже удивительным.

Да Виктор теперь знал, то о чем раньше только слышал. Он точно знал, что этот метод ему не годится. На изготовление пары стволов, для карабина и револьвера понадобилось четыре дня. После поковки пришел черед сверления под нужный диаметр, допотопное сверло срезало все неровности и огрехи, затем наступал черед развертки, далее шлифовки, в несколько этапов с каждым разом применяя все более мелкую фракцию полировочного порошка.

Само собой вспомнилось по сути факультативное занятие в техникуме, по глубокому сверлению. Стволы здесь не сверлили, а сваривали, но ведь это не значит, что он не может рассверливать. Он учился довольно хорошо, любил все потрогать своими руками, а потому помнил все не плохо. Правда каким образом можно изготовить подобное сверло он не знал, но всегда можно что-то придумать, потому что такая скорость выполнения работ, это мягко говоря ни о чем.

После того, как требуемая гладкость была достигнута, Лукас приступил к устройству нарезов. Добивался он этого холодной ковкой, при помощи двух оправок, внутренней, с зеркально нанесенными нарезами, прикрепленной к стержню, длиннее ствола и двух внешних, с полукруглыми выемками под внешний диаметр ствола. Оправки были небольшой ширины и расположены точно друг напротив друга. Ствол насаживался на оправку с нарезами, при этом ложась на одну половину внешней оправки как на наковальню и прикрываясь сверху второй половиной имеющей, направляющие стержни входящие в отверстия на нижней, чтобы не соскальзывать. А дальше. Дальше только сила и мастерство молотобойца и мастера проталкивающего ствол и продвигающего внутреннюю оправку по длине ствола, вернее она-то оставалась на месте, двигался сам ствол, при этом проворачиваясь вокруг оси, на угол задаваемый нарезами на оправке. Работа эта заняла весь световой день и разумеется не была непрерывной. Когда же по окончании Волков поглядел во внутрь, то прямо-таки поразился — его взор выхватил гладко полированный ствол с аккуратным и ладным винтом нарезов, разве только не хромированный.

Далее он и Мишка пыхтя попеременно вращая ручку точила наводили внешний лоск на тех стволах. Круг из мягкого песчаника стачивал все неровности и шероховатости, придавая уже практически готовому стволу гладкую форму. После этого следовало бы приступить к насечке и украшению, но это пропустили. Вот чего не стали пропускать, так это клеймо мастера, ученики неумехи только придали внешний лоск,

остальное же работа оружейника и его подмастерья, дюжего фрязича.

Все эти дни, возвращаясь на подворье, Виктор неустанно насиловал свою память, стараясь вспомнить все о глубоком сверлении, а так же всячески прикидывая, как механизировать процесс изготовления деталей. Постепенно у него получился чертеж пресса, а так же трехсекционного молота, для проковки нарезов. Хорошо бы, четырех, но тут он пас, потому как не знал, как обеспечить одновременный удар по всем частям. С тремя же все было более или менее понятно: нижний неподвижный, он же наковальня, два подходят сверху и под углом, по которым бьют молоты, двигающиеся по направляющим, поднимаемые и отпускаемые одновременно, единым механизмом. Подача ствола при помощи бабки, где ствол закреплен жестко, сама же бабка вращается вокруг своей оси. Одним словом очень похоже на его токарный станок, только функции у него иные и ни для чего другого он применяться не может.

Сверло, насколько он помнил должно быть прямым, с выбранной четвертью по оси и на всей длине. В остальных трех четвертях имеется сквозное отверстие, через которое под давлением подается охлаждающе-смазывающая жидкость, можно и воду, но лучше масло. Вот как получить это самое отверстие он не знал. Однако, подумав, решил, что тонкой трубки из бронзы, которая ляжет в угол проточки на сверле, будет достаточно. Диаметр будет порядка двенадцати миллиметров, меньше это уже слишком сложно, так что места для отвода стружки с избытком масла, будет вполне достаточно. Правда, масло это дорогой продукт, но можно будет внизу устроить поддон, так что все стечет туда, затем его отфильтровать и как минимум две трети, можно использовать повторно.

По его прикидкам, качества тех стальных прутов, что поставляет Лис, будет вполне достаточно, так как работать придется с вязким железом, которое значительно уступит стали по прочности. Для сверления можно будет использовать и их токарный станок, при этом сверло будет неподвижным и только подаваться бабкой вперед, а ствол зажатый в суппорте, вращаться. Хм. Должно получиться. Вот ей-ей должно. А тогда за день один человек может изготовить около десятка заготовок стволов, а если работать в две смены, то и все два. Да здесь такие объемы никому и не снились!

Наконец дошло дело и до крепления ствола к рамке. Если к своим системам, мастер приваривал верхнюю планку, то здесь на месте посадки ствола имелось широкое кольцо. Лукас его разогрел, а потом насадил на него холодный ствол, слегка

оправил кольцо и дал остыть. Все, приходи кума любоваться.

Но Виктору это опять пришлось не по нраву. Дело в том, что нарезы у таких стволов имели плохую привычку стираться и довольно быстро. Вот, к примеру, его ствол уже нужно было менять, причем как на карабине, так и на кольтах, остальные же механизмы были в порядке. Вообще-то оружие здесь служило весьма долгий срок и даже передавалось по наследству, однако не время определяет срок службы, а частота использования. Стрелять столько, сколько это делал Виктор и его люди, никому и в голову не приходило еще бы, переводить дорогой порох, на какое-то баловство.

Кстати, воспользовавшись своим пребыванием здесь, он проделал операцию по замене стволов, при этом сумев таки угодить мастеру, когда тот увидел его прицельную планку на карабине. Виктор без лишних разговоров объяснил, как именно производилась пристрелка, за что мастер остался благодарен, тем более, что ему позволили скопировать изделие, не затребовав за это плату. Стволы изготавливает один и тот же оружейник, так что большой разницы в стрельбе не предвидится и эта планка вполне подойдет даже на систему самого Лукаса, правда при условии, что он сделает оружие под пулю Минье, иначе все сначала.

Однако наблюдая за процедурой реставрации, он пришел к выводу, что ствол все же нужно сажать на резьбовое соединение, а чтобы исключить само-откручивание, зафиксировать его шпонкой, которую потом заклепать. Оружие после смены ствола можно и по новой пристрелять, зато не нужно будет менять его на новое, что и проще и дешевле.

***

Толи его никто не признал, все же в столице Виктор старался лишний раз не отсвечивать, толи никто не решился связываться с человеком, которого всегда сопровождало минимум трое до зубов вооруженных бойцов, а может просто не успел, но пребывание в столице прошло без происшествий. К началу осенней распутицы отряд благополучно вернулся в поселок. Люди были изрядно измучены, Волков гнал вперед, давая роздых только лошадям, отводя на сон не больше шести часов, отчего зачастую приходилось становиться биваком в чистом поле и обходиться без горячей пищи. Он буквально физически ощущал как неудержимо течет время и течение это было весьма быстрым.

В поселке, хвала Отцу небесному, все было ладно. Поначалу сочувствовавшая попавшим в неволю Беляна, а то как же иначе,

сама хаживала по той дорожке, взяла таки бабье племя в оборот и теперь держала их в ежовых рукавицах, не давая распоясаться. Появился сруб, в котором установили ткацкие станки и теперь все были при деле, выдавая готовую продукцию.

Посещение Лиса перед отъездом Виктора в столицу, тоже не прошло даром. В настоящий момент в поселке не было недостатка в сырье, хватало и нитей, для ткачих, и заготовок, для токарного цеха, вышедшего на полную мощность. Причем никакая распутица не грозила оставить работников без занятия, все было завезено с изрядным запасом. Купец уже забрал первую партию инструмента и был приятно удивлен объемами.

— Он как увидел, сколько мы тут наворотили, так чуть за голову не схватился. Говорит, что эдак мы ему всю торговлю порушим, потому как цену можем сбить, — улыбаясь во все тридцать два зуба, рассказывал Богдан. — Но потом успокоился и сказал, чтобы ладили столько, сколько сможем, мол он все пристроит в лучшем виде, правда деньги у него столько не было. Но я как ты и велел, отдал ему все, частью вместо платы за сталь, а частью в расчете, что он потом восполнит, — Богдан вопросительно посмотрел на Виктора, но получил только одобрительный кивок. — Я так понял, что он часть собирается гнать к западникам. Правда, был недоволен, что клеймо мы изменили. Сказывает, что к тому клейму отношение уж иное.

— Тут ничего не поделаешь, — умиротворенно баюкая дочку и не отводя взгляда от спящего младенца, ответил Виктор, — попривыкнут к новому, тем более качество то же. Или нет?

— За работу не переживай. Главное, чтобы купец из нужной стали пруты поставлял, а тут все ладно будет. Мужики уж приноровились. Что иное, пока дуболомы, но эту науку постигли добре.

— Вот и ладно. А насчет клейма, тут ведь дело какое, мы сколько деньги заработали, а в казну ничего не обломилось. Как прознают, что укрыли, так нам мало не покажется. Лис то тоже понимает, а потому чую, что основное пойдет к западникам и в империю, да еще и контрабандой, ему с серебром расставаться тоже не блажит. Так что у западников наш инструмент будет куда как дороже, он ить не отдаст ниже той цены, что установил, даже контрабандистам.

— Он такой, своего не упустит. Я чего подумал. А что если нам самим продавать наш товар? Ить сколько на нас зарабатывает аспид.

— Каждый должен заниматься своим делом. А если честно, то некогда мне то на свои плечи взгромождать. У меня опять головушка полна всякого разного. Так что, готовься, как

наладится зимник, отправишься в путь дорожку. Как, Беляна, отпустишь суженного?

— Оно бы… Но ить ты не спросишь, все одно ушлешь.

— Ушлю, — вздохнул Виктор. — То нужно и мне и вам, чтобы потом крепко встать на ноги, мне там, вам тут. Ничего, вначале всегда так тяжко, а как наладится все, то и жизнь станет поспокойней. Эвон как в поселке у нас, то дым коромыслом стоял, а сейчас вполне себе пристойно и дело у всех есть и жизнь наладилась сытая. Только тут все не наше. Так что все еще будет, только потерпеть надо.

— Да чего ты меня уговариваешь, — разулыбалась женщина, — нешто дура какая неразумная. Понимаю чай все.

— Кстати, Богдан. Я так разумею, что не у всех мужичков одинаково получается, есть и те кто похуже.

— Ясное дело.

— Тогда думу имей. Нужно начинать лить гранаты и мины, да остальное все ладить. Так что отбирай на то людей. Когда в Рудный направишься, дам тебе чертежи миномета, нужно делать из железа.

— Нешто воевать опять собрался?

— Там все может быть. Один мудрец сказал — хочешь мира, готовься к войне. Золотые слова. С местными и договориться можно, нам найдется, что им предложить, только дурень может называть всех дикарями неразумными. Разум у них есть, так что человек он завсегда свою выгоду рассмотрит. Как поймут, сколь можно будет получить от торговли с нами, так и сами потянутся. А вот западники, нам точно житья не дадут. Не захотят они, чтобы мы в Новом Свете закрепились. Вот только людям о том сказывать не надо, не то решат, что Длань она и поближе и породнее будет, опять же славенами населенная.

— Стало быть, сказывать им, что все благостно будет?

— Именно так и никак иначе. Конечно, будет тяжко, да только уверен, что все одно лучше, чем было у них раньше.

— А можа она, Длань-то и впрямь поближе будет?

Показалось или кузнец с надеждой вопрошает? Да нет, не показалось, именно что с надеждой. Выходит, хочется ему остаться с Виктором, вон и Беляна, как-то особо стрельнула глазками, обоюдное получается желание. Ее понять можно, мальчики все как один отправляются за океан, мало ли, что уж почитай мужи взрослые, для мамки они завсегда чада. Богдан похоже имеет думу и насчет парнишек, успел все же прикипеть, и к Виктору тянется. Вот только есть одно 'но', для малышки это было слишком опасное путешествие.

— В том-то и дело, что поближе, а мне нужно подальше.

Виктор не обманывал себя и всегда имел ввиду своих благодетелей, и намек их уловил хорошо. Так что, слово там или нет, но ему явно дали понять, лучше бы держаться подальше от Старого Света. А потом, в последнее время его все больше и больше одолевали кое-какие мысли и начала вырисовываться цель, пока туманная, больше ощущения, но ему хотелось уже нечто большего чем просто безбедная старость, а Новый Свет он и есть новый, он лучше всего подходит для этого, там нет ничего устоявшегося, там все только нарождается и формируется.

На следующий же день, Богдан начал трудиться буквально надрываясь, чтобы поспеть везде. Он нужен был для организации производства мин и снарядов. Он нужен был на прежнем производстве, необходимо было убедиться, что все будет работать так как надо. Он нужен был Виктору, приступившему к изготовлению прототипов будущих станков. До установления зимника необходимо наладить работу, чтобы в его отсутствие все продолжало работать как хорошо отлаженный часовой механизм.

Виктор тоже спешил и эта торопливость обуславливалась не только отбытием в Рудный Богдана, которому предстояло сделать там большой заказ, на немалую сумму, она скорее всего еще больше возрастет из-за срочности. Немаловажным было то, что не все можно было закупить, на это попросту могло не хватить денег, ведь одного только пороха нужно было прямо-таки огромные запасы. Впоследствии будет налажено его производство, но нельзя было ставить себя в зависимость от наличия этого стратегически важного продукта.

Закупать его было слишком дорого, так что Волков решил его попросту прихватизировать все у тех же гульдов. Нанести последний визит вежливости, так сказать и плевать на все запреты. Но на этот раз он будет действовать аккуратно, исподволь, ни коим образом не засвечиваясь. Ему нужен только порох. Со всем остальным можно разобраться и честным путем.

Удивительное дело, при мыслях о еще недавно, столь ненавистном племени, он вдруг обнаружил, что его больше не душит всепожирающая, холодная и расчетливая ярость. Нет, он не возлюбил их, но это уже было не то. В той прошлой жизни, Виктор не любил кавказцев, однако это не заставляло его желать их крови. Он вполне мирно и на равных общался со сверстниками, спокойно воспринимал то, что знакомые кавказцы называли его братским сердцем. Просто никогда не доверял и не оборачивался к ним спиной, ожидая, что они вполне способны ударить в спину. Своя кровь и своя вера для них значили все же больше, чем дружба с иноверцами. Можно ли их за это винить? Пожалуй, что и нет. Такому можно только позавидовать.

Вот и гульдов он стал воспринимать подобным образом. Неужели бабка была права и он излечился? А как же тогда тот бой, у Обережной? Ведь тогда он не просто бился, не просто потерял над собой контроль в пылу схватки. Нет, он упивался боем, а главное тем, что вокруг текут потоки гульдской крови, обагрявшей его все больше, с каждым новым убитым или раненным. Сейчас он уже отчетливо отдавал себе в этом отчет и поручиться, что подобное не произойдет когда он окажется в Гульдии, Виктор не мог. Или все же мог и его окончательно отпустило? Тут дело такое, пока не проверишь, не узнаешь.

На удивление работа продвигалась быстро. Волков даже старался об это не думать, чтобы не приведи Бог не сглазить. Сверло изготовили сразу. Сначала обточили стальной прут под нужный диаметр, затем на фрезе выточили четверть, Виктор мысленно похвалил себя за предусмотрительность. Для проточки мечиков совсем не нужны большие размеры станины, но в свое время он озаботился большим запасом, так на всякий случай, а оно вона как, пригодилось. Трубку сладили из медной полосы, свернув ее на оправке, а затем пропаяв продольный шов оловом. С подачей масла под давлением тоже трудностей никаких, обычный шприц, хотя и большого размера, с манжетой на штоке из куска кожи и с грузом на обратной стороне. Получилось несколько громоздко и неказисто, не без того, но и иначе никак, процесс сверления должен быть непрерывным, а значит и масла должно хватить с избытком.

Заготовку под ствол изготовили самостоятельно, выковав ее из куска вязкого железа, а затем обработав на станке. Неудобство было в том, что под это занятие приходилось отвлекать оборудование от производства основной продукции, но тут уж никуда не денешься. С другой стороны, не сказать, что это было критичным. Уже через три дня приступили к сверлению. Вот тут пришлось попотеть, пока удалось вычислить нужный угол заточки сверла. Хорошо все же, что Виктор в свое время не просто посещал училище, чтобы получить корочку, а действительно учился в удовольствие и с интересом, поэтому очень многое угнездилось в его голове.

С первым стволом они промучились два дня, но зато второй был готов уже через четыре часа. Токарный станок вполне справился с поставленной задачей. С подачей сверла возникли трудности, потому как нужно было обеспечить подачу с постоянным давлением и скоростью, что весьма сложно вручную. Пришлось покорпеть с устройством привода, что было устроено через неделю, но опять возникла сложность. Ветряной привод не мог обеспечить равномерного вращения несмотря на устройство

стабилизирующее разворот лопастей. Значит нужно думать о водяном приводе, как иначе добиться ровной работы Виктор не представлял. Таких сложностей не возникало при наружной обработке деталей, все же глубокое сверление оказалось делом куда более сложным и требующим гораздо большей точности.

С молотом удалось закончить уже после того, как установился зимник. Рабочие части молота вполне смогли изготовить своими силами, на имеющемся оборудовании, вот только собранная в основном из деревянных частей конструкция смогла осилить изготовление только одного ствола, причем приемлемое качество получилось лишь у первой половины, дальнейшая работа являлась явным браком. Станок успел разболтаться и о точности работы можно было позабыть. Не сказать, что Виктора это расстроило, неудачу он списывал на ненадежность конструкции, массивная станина из металла должна была решить эту проблему.

Богдана он провожал испытывая полное удовлетворение. Даже если не удастся наладить производство оружия, в чем он искренне сомневался, можно было взять на себя поставки стволов. Весьма прибыльная статья, если учесть, что за сутки один станок и два рабочих могли выдать не два десятка стволов, как он думал изначально, но однозначно больше дюжины, а пара станков так и около трех десятков. Весьма впечатляюще.

Его планам выдвинуться одновременно с кузнецом, осуществиться было не суждено. Смолин старший все еще не появился и его можно было ждать со дня на день, если тот решит оставить мануфактуру и продолжить выпуск инструмента, то было самое время для инспекции. Рабочих-то можно было подготовить и за месяц, Виктор не планировал проводить полное обучение, пусть до всего доходят своим умом, а вот станки заказывать было бы уже и пора. Вряд ли боярин захочет обменять новые станки на уже побывавшие в употреблении, значит необходимо демонтировать старые и смонтировать новые, да еще и изготовить для каждого из них приводы. Одним словом время уже пришло и дальше затягивать с этим было нельзя.

Воевода появился через неделю после отбытия Орехина. Виктор не скрывая ничего показал весь процесс производства, и амбарные книги в которых была записана вся бухгалтерия. Глядя на эти толстые книги со страницами из бумаги низкого качества, он мысленно представлял бухгалтерию из оставленного им мира. Не сказать, что Волков в этом разбирался, но пару раз ему доводилось посещать финансовую святая святых предприятия. И бумаг, и персонала там было куда как больше. Но несмотря на кажущуюся простоту, в нескольких толстых книгах было учтено

все, от последнего гвоздя, до последней копейки.

Единственно о чем он умолчал, так это о намерении начать производство оружия. Ни к чему попусту трясти языком, он и без того, отдает в его руки весьма выгодное производство. Настолько выгодное, что тот уже через несколько лет сможет в значительной мере увеличить родовую казну

Разумеется Добролюб говорил воеводе о том, что он ожидает большие прибыли, но так говорят многие начиная новое предприятие. Отчасти чтобы уверить в том самих себя, отчасти пребывая в уверенности, что иначе и быть не может, отчасти испытывая желание пустить пыль в глаза остальным, мол знай наших. Однако то, что увидел Смолин, его действительно поразило. Такой колоссальной прибыли он просто не ожидал, а бывший скоморох как видно не то что не приукрасил, а даже приуменьшил возможности новой мануфактуры.

Воевода настолько проникся новшеством, что даже решил было, тут же направить людей для обучения. А чего откладывать в долгий ящик. Видя блеск в глазах прекрасно владеющего собой боярина, Виктор даже подумал о возможности нарушения тем своего слова. Здесь пахло очень большими деньгами, так что было возможно все.

— Не думаю, что есть необходимость присылать твоих людей сейчас, батюшка воевода.

— Отчего так? — Вскинул бровь Смолин, устремив на Виктора внимательный взгляд.

— Людей мы успеем подготовить и за месяц, так что нет необходимости сейчас толкаться задами.

— А установить станки?

— И наши станки разберем и твои установим, причем твои людишки и будут участвовать в установке, вместе с моими. Так наука лучше дойдет, опять же поймут и устройство механизмов. Ты вместе с ними сразу и приказчика присылай, что ведать мануфактурой станет. Я думаю, что к началу Кветеня самое время будет, чтобы к Травеню все было закончено[1]. Нам ить уже нужно будет сворачиваться и направляться в Астрань, чтобы на корабль грузиться.

— Ладно. Ты наверное лучше знаешь, как тут должно быть.

— Не сомневайся воевода. Покуда твоя мануфактура не заработает, мои мастера тут побудут и за всем приглядят. Сам я как ты понимаешь все осилить не смогу.

— Это понятно, эдакую махину нужно доставить до Астрани, тут такой караван получится, что залюбуешься. Я гляжу скотины изрядно у тебя.

— И еще будет и скотина и подводы, ить там неоткуда взять

будет.

— Хм. Так тут тогда под тебя только отдельный корабль нужен будет.

— А разве Великому князю не все едино, ить главное, чтобы людишек поболе отбыло в Новый свет, а с одним мною или вольными, то ему без разницы. Да и не займем мы весь корабль.

— То так, да только кроме твоего скарба, туда еще и товары будут направлены, и иные грузы, в коих там нужда великая, а ты эдак чуть не все трюмы займешь. Ладно, время пока есть, над тем еще помозгую. А чего это ты тут еще и ткацкую мануфактуру затеял?

— То не мануфактура, а слезы одни, воевода батюшка, от нужды и завел. Бабы извели в конец, пришлось думать как из занять, чтобы мысли дурные в голову меньше лезли, ить смуту развели, что промеж собой, что мужей подбивали. А тебе, коли захочешь тут мануфактуру ткацкую ладить, посоветую иноземные станки покупать, один такой, четырех а то и пяти таких станков стоит, и народу для них меньше нужно.

— А сам-то отчего наши старинные славенские поставил?

— Дак цели у меня совсем иные, да и не успели бы они себя окупить, времени-то у меня и вовсе нет, а тебя никто не торопит и при деле все будут и копейка отовсюду пойдет.

— Разумно. Пожалуй, в твоих словах резон не малый есть.

— Только воевода, коли решишь ставить мануфактуру, нужно бы человечка в Рудный отправить. Я туда Богдана, кузнеца своего старшего, услал заказывать части на станки, ить там неоткуда брать будет, как нужда приключится. Так что пока он там, то закажет все необходимое и еще до распутицы доставит сюда.

— Я вот что думаю. А не может так случиться, что в инструменте том вскорости надобность отпадет? Ить вона сколько ладишь.

— Воевода, этой мануфактуре не покрыть потребностей даже Брячиславии, а сколько еще государств имеется.

— Узнавал я, ладят такой инструмент, не так чтобы много, но ладят и ценой он подешевле.

— Верно. Вот только тот инструмент отличается от этого, как клинок булатный от клинка из дурного железа, как работа доброго мастера от работы подмастерья. Без таких станков доброго инструмента не сладить, так что будет спрос, не сомневайся, даже если в десятеро против нынешнего делать станешь, в накладе не останешься, в том голову готов прозакладывать. Тем паче, что я могу и человека присоветовать, коий может наладить продажу всего, так что и голова твоя болеть ни о чем не станет. То не безызвестный тебе купец звонградский

Лис Отряхин. Можешь его к себе призвать и поспрошать о том. Я-то уеду, а он останется, так что и веры его словам у тебя поболе будет.

— С чего это ты взял, что у меня к тебе веры нет?

— Прости воевода.

— Прощаю. Но на будущее уразумей, мне без разницы где ты окажешься, коли что недоброе умыслишь против рода моего, слово батюшки более не властно будет надомной. Теперь далее. Во сколько тебе обошлось все это строительство? Показывай, ить уж все посчитал. Изрядно, — вскинув домиком брови озадачено произнес боярин. — Не хмурься. Получишь все сполна. Вот только если еще чего удумаешь, прежде спроси.

— Тогда может сразу.

— О как. Говори.

— Хочу по весне сладить водяное колесо, вон там, ниже поселка. Я так разумею, что если у меня ничего не сладится, то ты все едино тут сможешь поставить лесопилку. Строевого леса тут много, так что на пользу будет.

— Еще что удумал?

— Удумал, да только той уверенности как с этим нет, может и не получится. Земля же твоя, без твоего ведома ладить не получится.

— Лес взять позволяю, постройку тоже, но за то деньгу уж не получишь.

— Благодарствую, воевода, — а что он еще мог сказать, только поблагодарить.

Виктор все же решил попробовать новый станок для сверления стволов попробовать от водяного привода. Напор воды постоянный, от того станок будет работать ровно, и качество будет куда как лучше.

Воевода уехал довольный инспекцией. Виктор испытывая не меньшее довольство остался. Впрочем, ненадолго. Время уходило неудержимо, так что следовало торопиться, впереди было слишком много дел.

***

Господи, что творится в Гульдии в последние годы. То по стране рыскал ненасытный Вепрь, от которого беды ждал каждый. Умники могут рассуждать сколько угодно, но в их селении никто не сомневался, что замок их барона вознес на воздух именно этот славенский зверь, уничтожив всю роту драгун. Никто не спасся, ни ветераны прошедшие сквозь горнило нескольких войн и множества схваток, ни прислуга, ни сам молодой барон Берзеньш.

Этот зверь затмил собою всех самых прославленных разбойников.

Но эти, хвала небесам, гульды, правда лица у них закрыты платками, но сомнений нет, это его соплеменники, а главарь, судя по выговору, тот и вовсе родом из столицы. Значит и уговориться с ними можно, это не кровожадные славены, которые убивают всех подряд без разбора. Но как они могли отважиться напасть на его дом. Конечно, из-за своего ремесла он вынужден проживать на окраине, тут и близость реки необходима, чтобы мельница работала и изготовление пороха дело не безопасное, так что соседи подворья свои поставили все же подальше от него. Но не настолько, чтобы напасть вот так, без опаски.

— Погреб пуст, нашли только два малых бочонка, — наклонившись к самому уху Виктора, скорее выдохнул, чем произнес, Зван.

В ответ Волков только согласно кивнул. Что же вполне ожидаемо. Нет, надежда затариться высококачественным порохом все же была, но не так чтобы он сильно на это рассчитывал. Зима, река встала, замерла и мельница, без которой о больших объемах производства и речи быть не могло. Так что мануфактура в настоящий момент простаивала, прежние же запасы были вывезены с наступлением холодов. А и то, нечего стратегическому припасу храниться в частных руках. Та же пара бочонков объяснялась скорее всего тем, что не желая попусту терять время, хозяин все же продолжал изготавливать малое количество, чтобы сбывать его контрабандистам.

В любом случае, основную добычу он собирался взять в другом месте. Была одна наработка. Виктор решил совершить этот налет именно по той причине, что у него образовался запас по времени. Кстати, затея была довольно опасна и несмотря на то, что все было продумано, результат мог оказаться весьма непредсказуемым, все же рота солдат. Зато вопрос можно было закрыть разом. Сомнительно, что можно надеяться на повторение сценария прошлой зимы. Тогда гульды забили свои арсеналы в приграничных областях до отказа, только так можно было объяснить тот склад на мануфактуре заполненный бочками с порохом. Устраивать же налет на гарнизон… По большому, при нападении на замок им несказанно повезло, на повтор подобного лучше не рассчитывать.

Свободно на гульдском говорил только Волков, остальные использовали лишь те фразы из своего небогатого словарного запаса, которые научились проговаривать чисто. Лица прикрыты, бороды сбриты, хотя на морозе это скорее минус, одежда гульдская, в меру ношенная, так что признать в них славен мудрено. И судя по виду пленников, никто так и не признал.

На подворье, которое он выбрал в качестве цели, находилась только дюжина домочадцев и слуг, поэтому всех удалось скрутить относительно просто и быстро. Перебить пришлось только четверых матерых псов, с кторыми договориться ну никак не получилось бы. Вышла кое-какая потасовка, не без того, но в общем и целом все прошло тихо и без смертоубийства, насчет чего Виктор предупредил всех особо, бить крепко но не насмерть и не покалечить. Оно конечно, нельзя столь сильно ограничивать людей во время боевой операции, но с другой стороны и воев тут не было, лишь обычные обыватели. Обособленность подворья сыграла им на руку, никто тревогу не поднял.

Разумеется риск. Но если удастся наладить производство револьверов, то без этого пороха ему не обойтись. Опять же все оружие его ватажников имели особые кресала, которым так нужно было именно это зелье, сгорающее практически без остатка и оставляющее меньше копоти.

— Гадаешь старик, чего нам понадобилось?

— И в толк не возьму, отчего господину вознамерилось нападать на меня. Здесь вы не найдете ни серебра, ни тем более золота.

— У человека занимающегося изготовлением пороха, да еще и такого славного, найдется и то и другое. Но твоя правда, не столько сколько у знатного дворянина и нападать на твое подворье риск, который может не окупиться. Но ведь это смотря что искать. Нужное мне у тебя есть.

— Что же это, господин?

— Знания старик, знания. Я не стану тебя пытать, куда ты спрятал свое богатство, не стану забирать ничего из твоего имущества, все твои домочадцы перед тобой и за исключением пары шишек и синяков иного ущерба не имеют. Так все и останется, я заберу только порох и знания, если ты поделишься ими со мной. До рассвета еще далеко, так что время есть. Ох старик, не советую запираться и играть в молчанку, — перехватив насупленный и упрямый взгляд главы семейства, устрашающе произнес Виктор. Но затем его голос изменился. Теперь он словно пытался вразумить неразумного. — Понимаю, что это твой семейный секрет, но подумай, стоит ли его уносить с собой в могилу. Ведь ты не просто умрешь, а сначала увидишь как всех твоих домашних спровадят на тот свет. Поверь, оно того не стоит, я знаю.

— А почему тебе не убить нас, когда я тебе выдам секрет? — С вызовом произнес пленник. Хм. А дедок с характером.

— Ты видишь наши лица, старик? А зачем нам их скрывать, если мы все едино вас убьем и никто не сумеет нас узнать?

Старик внимательно посмотрел на вожака налетчиков. Тот был закутан в платок так, что только глаза и видны, причем один закрыт черной повязкой. Либо он лишился его, либо решил выдать себя за одноглазого, примета заметная, иди потом ищи одноглазого, когда у него оба на месте. Да, скорее всего так и есть, они всячески пытаются остаться не узнанными, вон даже никто друг к другу не обращается по именам. Значит это кто-то из конкурентов.

— А откуда мне знать, что это не уловка, чтобы успокоить меня?

В голосе появились сомнение. Это хорошо. Виктору вовсе не блажило применять меры допроса. Казалось бы перед ним гульды и нечего тут рассусоливать, но вот отчего-то не хотелось понапрасну проливать кровь, а уж пытать и подавно. Он видел не просто гульдов, которых еще недавно ненавидел всей душой, а обычных людей добывающих хлеб насущный тяжким, и чего уж, опасным трудом. Перед ним была семья, самая обычная семья, со своими радостями и горестями, своим укладом. Что-то он размяк. А как упрется старик, то что же, уйдет не солоно хлебавши? Да нет, просто так он не уйдет и нужное получит в любом случае, случись дойдет до плохого, он пойдет до конца.

— Знать этого ты не можешь, — соглашаясь кивнул вожак, — но и выхода у тебя иного нет. Мы теряем время. Рассвет наступит тогда, когда ему предначертано господом нашим, и если к тому времени я не узнаю требуемого, выбора у тебя не останется. Как я и сказал, я убью всех, на твоих глазах. Но сохраню жизнь твоему сыну, который наверняка знает секрет. Я увезу его с собой, посажу на цепь, буду пытать, до тех пор пока не получу нужного. Он будет меня умолять о скорой смерти и я ее ему подарю, но только после того как овладею секретом. Он все расскажет, только мертвые могут хранить молчание, остальные рано или поздно начинают говорить. Итак, что ты решил?

— Пойдемте в мастерскую, — тяжко вздохнул старик.

Мастер отчего-то не сомневался, что если он станет упираться, то все будет именно так, как говорит этот странный вожак, который то уговаривает, то говорит так, словно вколачивает стальные гвозди. Если же проявить покорность, есть шанс, что тот сдержит свое слово. Нет, с припрятанным серебром придется расстаться, тут он не верил налетчику, но жизнь своим домочадцам спасти можно, о себе он как-то даже и не думал.

— Это правильное решение, — удовлетворенно кивнул Виктор, пропуская мастера вперед, при этом и не думая его развязывать, мало ли какие сюрпризы имеются в этом доме. Развяжет в мастерской и там они будут за ним присматривать в

несколько пар глаз. Береженого, Бог бережет, а не береженого конвой стережет.

Виктор не удовлетворился только разъяснениями старого пороховых дел мастера. Он забрал записи предоставленные стариком, тот без особого труда мог все восстановить по памяти, в этом сомнений не было никаких и здесь ему ущерба не будет. Затем Волков заставил его изготовить пробную партию, благо в ингредиентах проблем не было. Сам повторил весь процесс и в обоих случаях получился тот самый, качественный порох. Здесь ничего не делалось на глаз, отмеряясь на весах в строгой пропорции. Сера и селитра предварительно проходили дополнительную очистку, сам процесс этой очистки они не повторяли, но тот был подробнейшим образом описан в записях, да и сам старик разъяснил подробнейшим образом, что и как. На всякий случай Волков взял образцы серы, селитры и даже древесного угля.

После этого старика вновь проводили в большую комнату где собрали всех домочадцев и крепко связали. Убедившись в очередной раз, что все надежно связаны по рукам и ногам, Виктор стал у самой двери и вогнал в деревянный пол нож.

— Ты молод и крепок, — обратился он к сыну мастера, — так что сумеешь подобраться к ножу и перерезать веревки, а затем освободить остальных. Конечно, после этого ты можешь броситься в замок к барону и сообщить о случившемся, тот отправит за нами погоню и кто знает, как все обернется. Но я не советую поступать так, потому что если нас настигнут, то вас всех ждет смерть, как видите я хозяин своему слову. Лучше приведите свой дом в порядок, уберите убитых псов и живите так как жили раньше, словно ничего не произошло. Вы будете живы, у вас будет прежнее занятие, а скоро позабудется и эта ночь. Это лучшее что вы можете сделать.

Остаток ночи ватажники провели в седле, стараясь за ночь уйти как можно дальше, строго придерживаясь дорог. Нечего было и думать бить след по целине, здесь у них опыта уже было предостаточно. Конечно, сомнительно, чтобы недавние их пленники бросились к барону с сообщением о нападении, но такое было возможно, поэтому они преодолели несколько развилок, поворачивая в разные стороны. В этих их метаниях прослеживался все же некий смысл, потому что они неизменно старались смещаться к югу. Дело в том, что в одном из лесных оврагов их дожидались четверо, с парой десятков вьючных лошадей. Виктору было нужно много пороха.

Едва мысли свернули к лошадям, как тут же припомнился разговор с боярином, откровенно выказавшим озабоченность.

Интересно, а не сильно ли Виктор раскатал губу. Тут ведь дело какое. Только лошадей получалось за пять десятков, да коровки, да овечки, да свинок сколько-то нужно прихватить. Эдак больше сотни голов получается. Людишек вместе с экипажем выходит за сотню, да еще и станки, которые отнюдь не легкие, инструмент, оружие, припасы продовольствия. Ну и какой корабль все это осилит?

Нет, галеоны которые построил боярин Малагин, вполне способны на такое. Вот только это получается, что один из кораблей никого кроме его людей и скарба взять не сможет, это ведь не океанский лайнер или сухогруз из его мира. Получается, хороший такой перебор. Миролюб скорее всего заинтересован в переброске именно колонистов, с минимумом инструмента и припасов, так что его наполеоновские планы никак не вписываются в концепцию политики княжества.

Да-а, что не говори, а вопрос серьезный. Отправляться к черту на кулички, чтобы там не устраивать новую жизнь, а выживать, удовольствие ниже среднего. Самое смешное, что и винить в этом некого, потому как это обычная политика колонизации, что сейчас имеет место. Скорее всего, именно по этой причине скотина и лошади в тех местах стоили чуть не на вес серебра, много ведь не увезешь.

Может зафрахтовать отдельный корабль? Мысль интересная. А во что это выльется? Достанет ли у него средств на подобное. Вот же удумал. Бегает тут по просторам Гульдии, думает и гадает как раздобыть огненный припас, секреты выведывает, а шапка-то уж не по Сеньке. Мало того, еще станков назаказывал, а это опять и место и вес. Нет, рассчитывать на корабли княжества пожалуй глупо. Остается фрахт, нужно срочно разузнать сколько будет стоить рейс в Новый Свет, если в пределах тысячи рублей, то это еще терпимо, дорого, но… С другой стороны, даже если и больше, так что с того, выхода-то нет.

Сразу по возвращении нужно будет навестить боярина, ну его казенные корабли, пусть трубит отбой. Не хватало еще в последний момент хвататься за голову. Поселенцев, скорее всего, готовят загодя, зарезервируют места под Виктора и будут сидеть на попе ровно, а он взбрыкнет и не поедет со всеми. Нет, оказаться на слуху у Великого князя вот так, не хочется, мало ли как оно обернется, колония колонией, но ведь власть его распространяется и туда.

Что же, в любом случае, это дело будущего, сейчас главное с пользой провести рейд и постараться проделать все без потерь. Ему предстоит нелегкое предприятие и каждый человек очень дорог. Каждый, начиная от ватажников и заканчивая младенцами,

ведь они кирпичики из которых будет строиться благосостояние Нежданы и его спокойная старость, если таковая ему светит, что весьма сомнительно при его неуемной натуре и взрывном характере. Опять мысли куда-то не туда свернули.

Парней нашли там, где и оставили. Все было в порядке, если позабыть о холоде. Впрочем им-то как раз было попроще, потому что будучи на длительной стоянке они озаботились просторным шалашом, что в купе с оврагом позволило им устроиться с относительным комфортом, чего не скажешь о только что прибывших и изрядно продрогших. Вот интересно, отчего эти западники предпочитают столь непрактичную одежду, больше подходящую для более мягкого климата.

— Как дела Соболь?

— Порядок Добролюб. Дичь пока не появлялась, Куница с Травнем, сейчас следят за дорогой.

— Ясно. У вас чего горячего нет?

— А ты разве слышишь запах горячего? Но не переживай, нам тут удалось подстрелить оленя, мигом все организуем.

— А чего костерок такой маленький? — Зябко вытянул руки над пламенем Зван.

— Вот пойдите и порубите дровишек, глядишь и кровушку по жилам разгоните.

Обед уже подходил к концу когда появились запыхавшиеся разведчики. Увидев, что весь отряд в сборе, Куница степенно присел у огня и приняв кусок горячего, сочащегося соком мяса, впился в него зубами. Виктор прожевав кусок, устремил на браконьера внимательный взгляд. Тот решил не испытывать судьбу, но первую порцию все же проглотил.

— Три повозки, груженные с верхом, полурота солдат, головной дозор десяток с сержантом, на место выйдут через пару часов.

Выслушав лаконичный доклад, Виктор одобрительно кивнул, словно говоря, что тот может продолжить прием пищи. Что же, это объясняло неторопливость Куницы, времени было более чем предостаточно, так что пусть и он подкрепится и им закончить трапезу совсем не помешает.

Оно конечно с дюжиной против полусотни расклад не в пользу ватажников, но это как считать, если грудь в грудь, то не очень. Хотя и тут можно почесать в затылке, парни уж давно не увальни деревенские и боевым опытом обзавелись изрядным. Эвон в войну, как лихо гульдские разъезды изводили, и за все время только пара тройка раненных. Но тут Виктор решил действовать как на войне, то есть не экономить, так что у каждого с собой во вьюке была картечница и он решил использовать их

все, многократно перекрыв сектора обстрела. Если после этого кто выживет, то это будет чудом. Впрочем, уж где-где, а на войне место чуду есть всегда.

Дорога в этом месте делала большую петлю, уж больно этот участок леса изобиловал оврагами. Разведчики обнаружили солдат в начале петли, а засаду решили устроить в ее конце, лагерь же располагался примерно посредине, это если по прямой. Так что на месте они были задолго до появления цели.

По прибытии сразу же начали устанавливать сюрпризы. Озаботиться этим раньше было никак нельзя, порох на затравочной полке вполне себе мог отсыреть, иди тогда воюй, если выйдет осечка. Растяжек не натягивали, спусковой механизм предстояло задействовать в ручную, но так даже надежнее. А потом заранее не предусмотришь на каком расстоянии друг от друга будут двигаться десятки. Сейчас же они действовали имея представление о расположении отряда противника.

Картечницы располагали таким образом, чтобы они стреляли под острым углом к дороге и как уже говорилось, их сектора перекрывали друг друга, все же накрыть весь караван одним залпом дело не из простых, это не одну картечницу подорвать в нужное время. Словом точно ничего не рассчитаешь и не подгадаешь. Закончив установку, Виктор вооружился лапой ели и двинулся вверх по склону, к намеченному для позиции дереву, тщательно заметая след. После чего удобно пристроился и замер, усилено изображая из себя сугроб, чему способствовал комбинезон из тщательно отбеленного полотна.

Примерно через полчаса, появились гульды. Вовремя, а то он уж начал подмерзать. Дело в том, что в рейд они отправились в иноземном одеянии, мало ли как оно обернется, так что лучше подстраховаться, а одежонка у гульдов, как уже говорилось, слегка не практичная, а может они более закаленные. Виктор как всегда занял позицию на острие, иными словами его задача, головной дозор, как и Кота, замершего напротив. Виктор почувствовал как в груди гулко застучало сердце, а по жилам начал растекаться огонь. Вот и адреналинчик пошел. Что это, опять страх? Похоже что именно так, но это ничего, это даже хорошо, это значит, что не все в нем отмерло. Живем!!!

Солдаты дошли до намеченного ориентира и Виктор дернул за шнур. Сначала вспухло облако дыма, а затем раздался оглушительный грохот. Вторя ему послышалось еще несколько разрывов быстро слившихся в непрерывный гул. А потом всю дорогу заволокло непроницаемым облаком белого дыма, плавно и величаво поднимающегося вверх. Сквозь непроницаемую завесу раздавались только крики, стоны, подвывания и ржание лошадей.

Похоже кто-то все же выжил, потому что послышался голос, явно отдающий команды, призывающий всех укрыться и приготовиться к бою. Слышались и крики нескольких человек, которые иначе как паническими назвать было нельзя. Неужели там кто-то выжил, после такой концентрации картечи? Похоже что именно так и есть.

Вот из облака, в которое тщательно всматривался Волков, выбежал молоденький солдат, которому посчастливилось выжить в том аду. Глаза навыкате, рот широко раскрыт жадно хватая воздух, треуголки нет, одежда в беспорядке, левый рукав залит кровью, но он похоже этого не замечает. Паника во всей своей красе. Виктор вскинул карабин, который тоже обмотан белыми бинтами, посадил солдата на мушку и выстрелил. Тот запнулся и полетел кувырком, после чего замер в сугробе. Взгляд в сторону Кота. Сидит как мышь. Хм. Скорее как кот стерегущий свою добычу. Если не знать куда смотреть, то и не заметишь. С ним заранее оговорено, что он стреляет только в том случае, если побежит больше трех человек, все же только один выстрел.

Нет, нужно во что бы то ни стало озаботиться оружием для парней. Оно можно и заказать мастеру Лукасу, вот только обойдется это дороже, чем изготовить станки. Нет уж, лучше самим попробовать. Вот если не выйдет. Не выйдет, тогда придется ехать с тем, что есть, потому как тому нипочем не успеть все сладить, да и деньгами разбрасываться не следует, они еще понадобятся. Как говорится: Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. Всегда планируешь одно, а на поверку иное.

Вот еще один. Выстрел! И этот уткнулся в сугроб. С другой стороны так же раздалась пара выстрелов. Как видно объятые паникой оставшиеся в живых разбегаются по дороге и не мысля бежать в лес. А может все дело в том, что у побежавших мозги как раз не работают и они просто не соображают что делают, действуя на инстинктах. Сколько же их выжило? А что было бы, если бы их оказалась именно рота, как им собственно и говорил тот гонец, которого они перехватили три дня назад? Дерьмово было бы, уж больно Виктор уверился в свои задумки.

Дым наконец рассеялся настолько, что сквозь него как в тумане обозначились очертания повозок, видимость улучшается с каждой секундой. Вот лошадям не повезло, им досталось всем до последней, только три из них продолжают биться в упряжи, агонизируя и хрипя от бессилия. То тут, то там видны люди, одни лежат без движения, другие слабо шевелятся. Но есть и выжившие. Вон один, спрятался за повозкой крепко сжимая вскинутый мушкет, всматривается в склон выискивая

нападающих. Под повозкой видны черные отметины, как пить дать порох. Все же у свинцовых пуль есть неоспоримое преимущество, они легко сминаются и не дают искру, иначе тут было бы гораздо веселее.

Виктор берет его на прицел, но не успевает. Справа раздается выстрел и солдата бросает на повозку, после чего он скатывается по ее борту на снег. Понятно, Кот забеспокоился, что ему не дадут пострелять и использовал свой шанс. Виктор скосил взгляд на парня, который спешно перезаряжался. Впрочем, все верно. Приказ был отдан насчет разбегающихся солдат, а сейчас никто не бежит.

Вновь взгляд на дорогу. Еще один. И тут не судьба, кто-то его опередил. Гульдам спрятаться негде, их обстреливают со всех сторон, друг в друга попасть ватажники не боятся, потому как расположились на склонах возвышенности. Раздается еще несколько выстрелов. Пожалуй, что и все. Теперь контроль и быстренько заняться добычей.

Интересно, они все бочонки попортили, или все же найдутся целые. Не суть. Это было предусмотрено, потому и бурдюки имеются, пересыпят, случись целой тары окажется совсем уж мало. Так лошадям будет даже удобнее. Вот только время. Все же шум они подняли изрядный. Ерунда, ничего гульды не успеют, если только поблизости не окажется какой военный отряд, что весьма сомнительно. Все, за дело.

Глава 6

— Значит, вы хотите зафрахтовать корабль в Новый Свет?

— Именно. Мне сказали, что вы являетесь владельцем барка и сейчас ищите фрахт. Так же меня уверили, что ваше судно способно не только пересечь океан, но и перевезти изрядный груз.

— А как же иначе. У меня ведь не военный корабль, мне чем больше груза возьму, тем выгоднее.

— А как с размещением пассажиров?

— Как и везде. С десяток расположить в каютах смогу, если больше, то с условиями паршиво.

— А если скотина и лошади?

— Переселенцы?

— Да. Решили попытать судьбу в Новом Свете.

— Слишком дорогая для вас выйдет затея, — перегнав трубку из одного угла рта в другой и пыхнув душистым табаком, произнес шкипер.

— Отчего же? Фрахт он и есть фрахт, — постарался тут же остудить моряка Виктор. С ценами он худо-бедно разобрался, а потому позволить себя банально развести никак не хотел.

— Не все так просто. Западные королевства не больно-то радостно восприняли новость о том, что славены решили обосноваться на берегах Нового Света. В особенности Гульдия, эти ядом так и брызжут. Слышал, что один фрегат пытался даже напасть на брячиславскую колонию, едва те обосновались, да просчитался немного, в самый разгар баталии, из-за мыса появились ваши галеоны, пришлось ему уходить на всех парусах.

Шкипер не врал, Виктор уже слышал эту историю от славенских моряков. Действительно, подгадав, когда галеоны ушли один из капитанов решил разгромить новую колонию, расположившуюся на севере континента. Однако колонистам повезло. Разбушевавшийся шторм нанес брячиславским кораблям повреждения и капитаны не решились отправляться в дальний путь, поэтому решили вернуться в надежную бухту, где основательно отремонтироваться. Обустроенного порта там не было, но зато был тихий угол и можно было раздобыть необходимую древесину, оно ремонт вышел так себе, но на переход хватило. Вот тогда-то они и появились как гром среди ясного неба, капитану гульдов оставалось только радоваться, что шлюпки с десантом не успели отдалиться от своего корабля, так что обошлось, только оружием побряцали.

Корабли простояли в бухте около месяца. Со своими неисправностями они управились и раньше, но было принято

решение оказать помощь колонистам. За это время совместными усилиями успели возвести две батареи, чем во многом обезопасили колонию. Правда, о повторном рейсе пришлось позабыть. Изначально планировалось сделать два рейса, вторым доставить еще поселенцев и дополнительные припасы, после чего перезимовав в Новом Свете, по весне двинуться в обратный путь.

По всему выходило, что если бы Виктор даже решил отправиться обратно на этих кораблях, то у него ничего не вышло бы. В этом году так же планировалось сделать два рейса, первым должны были уйти те, кого не вывезли в прошлом, почти год они прожили в Астрани за казенный счет. Правда вторым рейсом они ушли бы точно, тем более, что в строй должны были войти еще две бригантины, которые для казны строили в складчину несколько бояр. Весьма затратное предприятие, нужно заметить. Каждая бригантина обходилась в десять тысяч рублей и это без учета вооружения.

Брячиславский флаг, развивающийся на мачтах вполне современных боевых кораблей, сильно раздражал западников, иначе объяснить тот факт, что три балатонских корабля напали на два славенких галеона, объяснить нельзя. Вот только им пришлось умыться. Миролюб был далеко не глуп, а потому укомплектованию экипажей было уделено серьезное внимание. Палубная команда была сплошь из жителей Астрани, сызмальства знакомых с морской наукой, разве только бороздили они моря на судах куда более скромных. Они отдаленно напоминали ладьи, только больших размеров и с иной парусной оснасткой. Офицеры и шкиперы тоже были из местных, поднаторевшие в науке противостояния пиратам, коими воды Теплого моря буквально кишели, сколько их не изводили. Вероятно все дело в двойных стандартах, потому как одних привечала империя, других Клузиум, третьих Айрынское ханство. Так что с наукой маневрирования они были знакомы хорошо.

Канониры ничем не уступали западникам, а то и превосходили их. Это с ручным огнестрелом дела у славен был загон, а пушки они распробовали сразу, еще на заре их появления, так что пушкари здесь были весьма достойные. Нужно еще заметить то обстоятельство, что жалование на славенских кораблях было вдвое против принятого у западников, так что набирали только лучших.

Тот бой разрешился именно в артиллерийском противостоянии и брячиславцы показали всему миру, что трогать их имея преимущество три к двум, лучше не надо. От потопления двух кораблей, капитанов удержало только строгое указание Великого князя, сильно не зарываться и до последней

возможности биться только в случае крайней нужды. Третий корабль балатонцев получив незначительные повреждения предпочел ретироваться, к этому весьма располагало зрелище двух избитых собратьев.

По этому поводу вышел какой-то дипломатический скандал, который впрочем быстро замяли. Миолюба уверили в том, что завидев неизвестный флаг, адмирал, командовавший отрядом, решил, что это пираты, те использовали самые разнообразные вымпелы. Им никто не поверил, но предпочли не обострять.

В подобной ситуации требование повышенной платы было оправданным, но Виктор вовсе не жаждал расставаться с деньгами, даже не попытавшись сбить цену.

— Не вижу никаких сложностей, господин Гейтс. Вас фрахтует не Великий князь, а частное лицо, поэтому вам нет необходимости поднимать брячиславский флаг, идите под родным киринаикским, не думаю, что найдется много желающих портить отношения с вашим королевством. Разумеется остаются еще и пираты, но тем все едино кого грабить.

— Да, Киринаику лишний раз задевать никто не захочет, — самодовольно согласился шкипер, но затем развел руками и продолжил, — разве только сама Киринаика.

— Не понял.

— Чего же тут не понятного. У нашего короля тоже весьма обширные владения в Новом Свете и далеко идущие планы, поэтому наличие еще одного конкурента ему никак не понравится, как и то, что этих самых конкурентов доставляют в землю обетованную под его флагом. Мне проще потерять деньги, чем вызвать неудовольствие моего короля. Да, сейчас у меня нет фрахта и я терплю какие-то убытки, выплачивая жалование бездельничающим матросам и портовые сборы за стоянку, но это не будет длиться вечно.

— И какова ваша цена.

— Триста имперских цехинов.

— Это больше тысячи двухсот рублей, — быстро прикинув курс, вскинул брови Виктор. Что же могло быть и хуже, но все одно дорого.

— Нет-нет, триста цехинов, лучше уж иметь дело с имперским золотом, чем с брячиславским рублем.

— Что же, мы договорились. Только учтите, никакого дополнительного груза. Уверяю вас, нашего скарба с избытком хватит, чтобы забить все ваши трюмы.

— Даже так? — Разочарованно протянул капитан, как видно у него все же был расчет подзаработать еще, но слово уж сказано.

— Именно так.

— Сколько людей.

— Сто два человека, включая детей.

— Плохо. Разумеется для вас, — вновь пустив облако ароматного дыма к закопченному потолку трактира, резюмировал шкипер. — Моя посудина не безразмерная. С таким количеством людей нечего и думать о том, чтобы взять еще и живность. В лучшем случае с десяток свиней, а то и меньше, да кое-какую птицу в клетках. Так что от лошадей и скота вам придется избавиться здесь. Кстати сколько их у вас?

— Пятьдесят лошадей, два десятка коров и столько же быков.

— Ого. Вы хотите забить до отказа мой корабль людьми и скарбом, да еще и увезти целую прорву живности. С такими переселенцами мне еще не приходилось иметь дело. Примите совет, избавьтесь от живности или ищите скотовозку, специально приспособленную для перевозки животных. Хотя, с этим у вас ничего не получится.

— Отчего так?

— Те кто занимается перевозкой скота зарабатывают слишком хорошо, чтобы согласиться на простой фрахт.

— Почему же вам не заняться столь прибыльным делом?

— Потому что каждый должен заниматься своим делом. Мой корабль не так хорош для этого занятия, как может показаться на первый взгляд. Вы наверное думаете, что достаточно устроить стойла и все в порядке, но это не так. У этих судов особая постройка, они тяжелее, остойчивее, меньше подвержены качке, правда и более медлительные.

— Но ведь вы порой перевозите скот, если уже ходили в рейсы с переселенцами?

— Разумеется. И при этом как бы не старались их владельцы, около половины не выдерживают длительного перехода, но ведь это не мои потери и деньги я беру вперед, ведь и некоторые из пассажиров также не выдерживают плавание. Похороны в таких переходах обычное дело.

— Не сильно откровенно? Не боитесь отвадить потенциальных пассажиров?

— Нет. Отправляясь в подобное плавание люди уже принимают для себя решение и о возможных опасностях знают, а если это и откровение для них, зачастую мосты уже сожжены и иного пути для них нет.

— А как же свиньи?

— О-о, свиньи, собаки и птица легче всех переносят путь, даже лучше людей, поэтому на них и не заработать. А потом они довольно резво плодятся, так что в них недостачи в Новом Свете нет.

Разыскать дьяка и составить договор было не сложно. Плохо было иное, с момента подписания договора портовые сборы шли уже с нанимателя, а караван с переселенцами еще не прибыл. Он был весьма громоздким, потому как люди двигались со всем скарбом, а значит и медлительным. Караван, растянувшийся на добрую версту, должен был прибыть не раньше чем через неделю, а скорее даже позже, мало ли какие задержки в пути могут приключиться.

Виктор с десятком Звана отправился вперед, так как ему предстояло решить вопрос с фрахтом судна, что отнюдь не было так просто как могло показаться. То что ему удалось нанять корабль в течении недели можно было считать большой удачей. Астрань не маленький порт, вот только со свободными кораблями тут было очень не просто. Вполне могло выйти и так, что в поисках судна пришлось бы отправиться в Империю или во Фрязию. Поэтому лучше уж уплатить портовые сборы за пару недель, чем потом локти кусать.

На брячиславские корабли ему рассчитывать уже не приходилось, потому как его в расчет больше не брали. Почему так? А просто все. Решил двигать своим ходом? МО-ЛО-ДЕЦ!!! Флаг тебе в руки и попутный ветер в спину. Есть иные желающие, у которых и имущества поменьше и возможностей на самостоятельное плавание нет, только за казенный счет. А тебе уже и выхода иного нет, только вперед, потому как негде осесть, не позволят просто, в плане колоний Миролюб настроен весьма решительно.

Тогда уж только одно направление, на Длань. Попробуй. Далеко ли уйдешь обремененный имуществом? Догонят и развернут в обратную сторону, да еще и нажитое непосильным трудом могут изъять в казну, оставят только самое необходимое. Ты ведь не боярин, а обычный смерд, ничем примечательным не отличившийся перед государем. Интересно? А то! Вот такие пироги с котятами. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Была и иная причина. Необходимо было закупить корма для скотины, продовольствие, посевной материал, инвентарь, да много еще чего. А все это время. И деньги, чего уж. Так что выезжать вперед резон был. Списки того, что необходимо закупить у Виктора имелись, все же не зря они корпели над ними в зиму. Ох и изрядно получалось. Но тут уж никуда не денешься. Виктор твердо решил, что не позволит людям испытывать нужду в чем-либо. Мало того, уже на второй год намеревался поставить нормальное поселение, а бараки, в которых они будут зимовать использовать под склады. Нет, выживать он не хотел. Бед и без того должно было хватить с головой. Западники встретили славен

в штыки, как там сложится с местными неизвестно, а если сюда еще добавится еще и голод, и неустроенный быт… Лучше не надо.

***

— Здрав будь, дорогой сват, — Световид встречал дорогого гостя на крыльце, чего удостаивались очень не многие.

— И тебе здравствовать, — угрюмо поздоровался Вяткин со старинным товарищем.

Оно можно бы и обидеться, на такое приветствие, ведь честь по чести вышел к дорогим гостям, но Световид слишком хорошо знал Бажена, чтобы не понять, что стряслось что-то из ряда вон, а коли так, то нечего разговоры разговаривать на крыльце. Смолин тут же пропустил гостя в дом. Видно беседа предстояла серьезная, эвон какой хмурый.

— Что случилось Бажен? Чего мрачен как грозовая туча? — Тут же накинулся с расспросами на друга Световид.

— Горе у меня, дружище. Такое горе, что и не знаю как быть.

— Поведай, вместе подумаем, как беду твою разрешить.

— Боян в беду попал. Помнишь ли, по осени его помощником боярину Паршину определили, да с посольством в Сальджакскую империю отправили?

— Как не помнить. Смеяна-то к нам приехала. Скучно ей в сельце, что ты на прокорм сыну оставил, вот и уговорила мужа, здесь его возвращения дожидаться.

— Ага. То ведаю, потому и приехал. — Вяткин был в полном расстройстве.

— Да ты толком-то сказывай, что с Бояном?

— На обратном пути на их корабль напали клузиумские пираты.

— Погиб?

— Если бы. Пленили все посольство, но Боян горячая головушка просто так не дался, дрался до последней возможности пока его не срубили, а потом раненного не повязали. Тот пират затребовал выкуп за все посольство. Выкуп богатый, но получил все полной мерой. Отпустил всех кроме Бояна. Тот пока дрался зарубил единственного сына того пирата, так что отпускать его этот аспид ни в какую не хочет. Паршин сказывает, что лекарю велел лечить как его самого и коли не выживет голову с плеч. А сына тем временем на цепи держит.

— Знать хочет получить с тебя больше, чем за все посольство, — уверенно произнес Световид. А как иначе-то, ведь ясное дело, что за родную кровь и плату хочется получить посолиднее.

— Не о здоровье он его печется и серебро ему глаза не застит, излечить хочет, а потом мучениям придать.

— Как так, пират ить?

— Видно родная кровь и для пирата не водица, — горестно вздохнул боярин.

— И что теперь думаешь делать?

— Ума не приложу. Старшие сыны, на дыбки встали, рвались брата освобождать, насилу урезонил. В Астрань поеду, поищу горячие головушки, иные наши астраньцы ничем тем пиратам не уступят. Если не живого, то хоть от мучений избавлю.

— Сам, выходит решил?

— Не могу я сыновьями рисковать, сил все еще в достатке, так что сам. Наберу ватагу, да и удумаем чего.

— Клузиумцы, они злы в драке, не так просто будет найти тех, кто против них станет.

— Ведаю, что выкуп обойдется дешевле, чем вызволить даже тело сына, но за ценой не постою. Теперь даже если Боян смерть легкую примет, покоя знать не буду, ведь не в сече, а от руки подлой. Нам бы только того разбойника разыскать. Со мной две сотни боевых холопов, враз на абордаж возьмем.

Горе Бажена, Световиду было понятно, сам не так давно на многое был готов ради Градимира. Но как помочь старинному товарищу он не знал. Оставалось только поддержать в его начинании. А как же Смеяна? Внучка любимая, радость сердечная. Что бы они не думали, как бы не гадали, а ведь она искренне любит мужа, нельзя так светиться от счастья, коли жить с нелюбимым. Понятно и почему о случившемся, Вяткин никому не сообщал, невестка и ему была по сердцу, берег как мог.

Повисшее неловкое молчание нарушил легкий нерешительный стук в дверь. При этом звуке, Смолин вскинулся и упер хмурый взгляд в дубовые доски. Кому там не ясно, что тревожить хозяина сейчас не с руки.

— Войди.

— Прости, боярин благодетель, — тут же ввалился и согнулся в земном поклоне дворовый, прекрасно понимающий, что Смолин как справедлив, так и крут на расправу.

— Сказывай.

— Гонец от Великого князя прибыл. Сказывает, что немедленно должен видеть боярина Вяткина.

— Не успел, — Бажен опять исторг тяжкий стон и не просто тяжкий, а болезненный, настолько, что сквозь вздох послышался стон, полный отчаяния. Младший у него в любимцах был, как и у остальных родичей.

— Зови.

— Назад в Брячиславль, сам и со всеми холопами, до последнего человека, — закончив читать грамоту, Вяткин в бессилии уронил руку в которой сжимал бумагу и понурился так, словно из него вынули душу.

Что тут поделаешь, Великий князь хоть и прозывается Миролюбом, но к исполнению своей воли относится ревностно. Оно можно и пренебречь, когда дело кровиночки касаемо, но тогда можно гнев на весь род навлечь. С другой стороны, негоже так государю поступать. Нешто не понимает, что стараясь сохранить для государства полезного во всех отношениях мужа, он рискует попросту его потерять, а через то, огрести неприятности сторицей.

— Нешто князюшка настолько неразумен, — имея ввиду именно это, возмутился Смолин.

— Отчего же, разумен. Этот же гонец сейчас спешит в Астрань с повелением капитанам галенов немедля выйти в море разыскать и покарать разбойника, случится надобность, по способности войти в гавань Клузиума и взять пирата на абордаж там, так как отказ возвернуть представителя посольства по чести государя бьет. Да только пустое то. Нет у них способности войти в гавань, перетопят как котят, форты там сильны, опять же в гавани найдутся иные суда, да и не спустят того пираты славенам, учнут такую охоту, что Миролюб не возрадуется. Так что про порт, то пустое, для меня писаное, уверен, что в грамоте к капитанам, по иному расписано.

— Выходит в море он их вышлет, случись повстречать пирата, они его возьмут, нет, возвернутся, потому как пора подошла в Новый Свет путь держать. Но ты ведь знаешь Миролюба, он от своего не отступится.

— Разумеется. Мало того, труп того разбойника к моим ногам бросят, в том сомнений нет, да только Бояна мне не вырвать.

— Смеяну не забирай, — глухо попросил Световид, — С матерью ей все легче будет. Как разрешится с Бояном, тогда и пришлю.

— Добро. Только… Ты бы не сказывал пока. А я до столицы и тогда уж среднего отправлю, не сможет и тут на пути встать князь. Меня как мужа государственного приструнить и сберечь для службы его право, а сына удержать не сможет.

— Торопись.

Да, шанс спасти Бояна еще был, вот только время терять нельзя.

— Дедушка, а чего это батюшка эдак стремглав умчался? Не поздоровался, внука не повидал? Случилось чего?

Смеяна стоит сложив ладошки на груди, понурилась, словно

скромница воспитанная, но из под густых бровей на деда устремлен внимательный взгляд полный тревоги. Отец небесный и за что ему это все. Бажен боясь, что не сможет выглядеть спокойно и собрано, решил уехать ни минуты не задерживаясь в доме старинного друга. Вот, молодец! Можно подумать, что ему, Световиду, легче будет смотреть на внучку, держа за пазухой тяжкую весть о суженном. Ох дружище, попомнишь еще этот выверт.

— Деда, чего стряслось-то?

— С чего ты это взяла, внучка?

— А хоть бы с того, что ты внучкой меня величал только когда приласкать, да пожалеть хотел, а так только Смеяной или егозой прозывал.

— Дак, какая же ты теперь егоза, коли сама уж мамка?

— Утром я тоже была матерью и сынок на руках был, однако оставалась, 'как есть егозой'. С Бояном, что?

— С Бояном все слава Богу, — поспешно ответил боярин.

Вот только зря он так поспешил, потому как теперь на него смотрели глаза полные слез, страха и еще Бог ведает чего. Если бы он вздернул бровь, как-нибудь протянул время, возмутился бы неприличествующему обращению к деду, ибо не след надоедать главе рода, то тогда у него был шанс ее обмануть. А так… Она едва смогла сделать шаг в сторону, чтобы не осесть прямо на пол и придерживаясь за стенку тяжело опустилась на лавку.

— Что с ним?

— Смеяна, ты не волнуйся…

— Что с ним? — Чуть не крича, выпалила молодая женщина.

— Ты баба совсем разум потеряла!?

Любимица там или нет, но только одному человеку во всем свете было дозволено поднимать на него голос, да и тот нынче был немощен и лежал пластом в светелке. Радмир за последний год сильно сдал, лекари сказывали, что возможно до конца лета не дотянет.

— Дедушка, миленький, бей меня, колоти, только Отцом небесным заклинаю, не таи от меня ничего, — бросившись на колени и сложив руки в мольбе, стала просить Смеяна.

Вид у нее был в этот момент до того трогательный и беззащитный, а мольба настолько искренняя, что Световид неожиданно для себя поплыл и сам опустился на лавку. Плохая весть, хуже некуда, но скрывать от внучки ее он больше не мог. Ох Бажен, попомнишь еще.

— Беда с ладой твоей, голубка.

— Жив?

— Лучше бы помер.

— Деда, не томи, мне ить так только хуже.

— Пират клузиумский взял корабль с посольством на абордаж, да пленил все посольство. Потребовал выкуп. Миролюб выкуп уплатил, разбойник всех и отпустил. Всех кроме Бояна, коий во время абордажа зарубил его сына единственного. Он за него хочет отдельный выкуп получить, гораздо больший, вот свекр твой и везет тот выкуп, — решил все же схитрить боярин.

Вот только не вязалось, что-то. Коли так, то отчего же Бажену не повидаться с невесткой и с внуком не потетешкаться. Оно, потеря большая получается, но жизнь кровиночки всяко дороже, это она уж теперь знала точно, сама мать. Опять же и Радмира не навестил, а это прямое неуважение к роду Смолиных. Поэтому в Световида уперся требовательный взгляд внучки, мол начал, так сказывай все до конца. Но тот как видно решил придерживаться именно этой версии.

— Деда, коли скрыл что, коли не всю правду сказал, то век не забуду и нога моя порог дома твоего не переступит. Под забором помирать буду, а руку твою не приму, — вся в отца, сказала как отрезала.

— Ну, там еще заковыка есть. Раненый он и тяжко, и в цепях его держат, помереть может, — решил все же подстраховаться Смолин.

— Не все сказываешь, деда, — уверено прошептала она. — Свекр он ведь с тобой в молодости полки водил и храбрости в нем в достатке, но встретиться со мной не возжелал, — а вот теперь голос тверд, хотя в глазах все еще слезы стоят. Как есть в отца.

— Ну чего ты хочешь от меня, ить все сказал?

— Правду, деда. Всю как есть правду. Ведь не в злате дело, так?

— Бажен предложил тому пирату цену, только тот возжелал излечить Бояна, чтобы мученической смерти придать, — все же сдался Световид.

— Отец небесный, спаси и сохрани.

— Бажен направился в Астрань, с боевыми холопами, чтобы нанять корабль и извести разбойника, да только Великий князь развернул его обратно. Он теперь среднего хочет отправить, так что не все потеряно. Молись внучка, Отец небесный не попустит.

Внучка ушла, неся в себе тяжкий груз, вот только Световиду от того, что он все рассказал внучке легче ничуть не стало. Он искренне и все сердцем ее любил, вот только как помочь не знал. Оставить свой пост и отправиться в дальний путь он не мог, Бажен вынужден вернуться в столицу, возможно он отправит гонца к сыну, но время уходило немилосердно, рисковать своими

детьми Смолин не хотел, ить это море, а там все иначе. Да даже возжелай он кого отправить, бесполезно, младшие далеко, Градимир тоже на службе. В конце концов он не готов рисковать своими сыновьями ради спасения зятя.

Как всегда в трудные минуты он сам того не осознавая направился к отцу. Понятно, что тот немощен и даже подняться не может, вот только о том, он вспомнил лишь когда переступил порог светелки и увидел лежащего на полатях отца, укрытого медвежьей шкурой.

— Здрав будь, батюшка.

— Это тебе здравствовать, а я уж последние денечки доживаю, — тяжко дыша проскрипел старик.

— Батюшка…

— Молчи. Знаю, что сказываю. Чего заявился-то?

— Просто навестить тебя.

— Иных забот мало? Сказывай, ить вижу, совет надобен.

Старик слушал абсолютно спокойно, устремив взгляд в потолок. Даже тени не промелькнуло на его челе. Световид даже усомнился, при памяти ли старик, но остановиться не решился и выложил все. Как выяснилось Радмир был при памяти, просто бурная жизнь полная опасностей и ответственности за других людей, когда приходится принимать самые жесткие решения, закалили его настолько, что он воспринял это куда спокойнее сына.

— Что думаешь делать? — Поинтересовался старик.

— Не ведаю, батюшка. Остается только ждать.

— А что скоморох, уже уплыл в Новый Свет?

— Не должен. Думаешь…

— Не прост тот скоморох, так что управится.

— Не согласится он, только если слово твое порушим и в угол припрем.

— Слово мое крепко, помни о том Световид, — вот ведь, немощен, но в слабом голосе прорезалась сталь.

— Тогда и не знаю как его убедить в это дело вмешаться. Деньгой его не прельстить, он и без того в достатке.

— Деньгой его прельстить всегда было сложно, они ему надобны, но взор не застят.

— Смеяна?

— Только ей по силам спасти своего суженого. Тут никаким кораблям и пушкам не управиться, а скоморох больно ловок, так что коли он не сделает, то не управится никто.

— Не больно ли много ты о нем думаешь, батюшка, — мысль о том, что он сам толкнет внучку на встречу, от которой хотел ее всячески уберечь, Световиду явно и нравилась.

— Когда-то и я тебя о том спросил. Может справиться и кто иной, да только из таких нам ведом лишь этот.

— Может ты и прав, — нехотя согласился воевода.

— Но взяться за то, его уговорить может только Смеяна и никто иной. Если мы порушим слово и возьмем его за горло, то наживем себе врага смертного, а он уж доказал, что во врагах его иметь себе дороже выйдет. Если хочешь помочь зятю и внучке, иного пути у тебя нет, как нет и времени.

— По всему выходит ты прав. Смеяна разумом крепка и Бояна любит, в том сомнений нет, — это уже скорее чтобы успокоить самого себя.

— Позови Смеяну, сам обскажу. Боюсь уж не дождусь пташку, за одно и попрощаюсь.

***

Град странный, совсем не похожий на иные славенские грады, имеющие в основном деревянные строения. Здесь тоже таких домов хватало, лес без особых трудов сплавлялся по реке. Разве только, путь плоты со строительным лесом должны были проделать изрядный. Места эти были голые, кругом открытые степные просторы, только вдоль рек встречались рощи, вытягивавшиеся тонкой полосой вдоль рек, ериков и ручьев. Где этих проток было изрядное количество, там образовывались целые лесные массивы, но лес тот был худым, для построек не годный.

Больше половины домов были каменными, вернее из кирпича, уж чего-чего, а глины здесь было в избытке, как и песка. Не мало было и домов у которых только первый этаж был выполнен из кирпича, а второй был сложен из бревен. Чисто бревенчатые были только на окраинах, где проживали горожане с меньшим достатком, даже при отсутствии поблизости строительного леса, деревянные постройки были все же дешевле. В деревнях окрест и вовсе преобладали хатки из сырца, обмазанного глиной и выбеленные известью. Изредка такие дома встречались и в граде, но все же были малочисленными.

Улицы в центре были более спланированными, хотя и оставались узкими и кривоватыми. Некоторые имели мощенные все тем же кирпичом дорожки для пешеходов. Мостить этим материалом дороги гиблое дело, это не камень, а потому быстро придет в негодность, поэтому в редкие дожди, осенью и весной, проехать по ним утопая в глине чуть не по тележные оси, было весьма проблематично. Тут мог помочь только камень, но с этим материалом и вовсе было плохо.

В районе порта и в центре, дороги были облагорожены дощатыми настилами. Тоже материал так себе, но такую дорогу было куда проще и дешевле привести в порядок, нежели перестилать кирпичом, цена которого все же кусалась изрядно.

Еще поражало многолюдье. Даже в стольном граде на улицах куда как меньше народу, а тут прямо столпотворение какое-то. Все куда-то спешат, о чем-то беседуют, толкутся возле многочисленных лавок. Много иноземцем, причем не только западников, есть и представители языческих народов, детей степи, имперцы, которые всегда на особицу, и клузиумцы, край пиратской вольницы и центр работорговли. Есть и вовсе непонятно откуда прибывшие путешественники.

Астрань. Единственный град Брячиславии в коем имеется порт, морские ворота княжества, на всем побережье больше нет такой удобной гавани. Массивная песчаная коса глубоко вдавалась в море беря свое начало на южной оконечности града и изгибаясь к северу охватывая просторную бухту, оставляя широкий проход на внутренний рейд. Здесь всегда было тихо. Даже во время сильнейших зимних штормов и бурь, на глади бухты ощущалась лишь легкая качка. Более удобного места на побережье Теплого моря не было.

Только гавань Винеты, столицы империи, превосходила астраньскую, но там этого добились приложив значительные усилия, перегородив широкий вход в бухту искусственным молом. Сделано это было еще в древние времена и сказывают, народу там померло просто прорва, поговаривали даже, что костей на том молу ничуть не меньше чем камней, но как бы то ни было, роль свою он выполнял исправно, выгораживая самую обширную гавань в известном мире.

Астрань был купеческим градом, так что стоит ли удивляться его многолюдью, ведь половина народа здесь были гостями, либо прибывшими по морю, доставляя заморские товары, либо по рекам, это уже славенские купцы из центральных районов. Были и сухопутные караваны, причем не только из славенских княжеств, но и из Айрынского ханства, при всей вражде и частых пограничных конфликтах, торговля жила по своим законам.

Казалось бы в этом муравейнике найти одного единственного человека задача невыполнимая. Смеяна откровенно растерялась, выглядывая в окно кареты. Как ей найти здесь Добролюба, к которому посоветовал обратиться прадед. К тому же среди бродящих по улицам людей немало откровенно бандитских рож. Тут уж появилась мысль и о том, как бы сохранить богатую казну, что она везла с собой. Все серебро, что ей оставил Боян, да еще и переданное дедом, предприятие предстояло не из дешевых. С

другой стороны с ней десяток боевых холопов, четверо Бояна и шестерых отправил Световид. Люди все бывалые с богатым боевым опытом. В том она убедилась когда на них в пути напала разбойничья ватага, холопы без труда отбили нападение с большим уроном для нападающих, при том сами не потеряли никого, только один получил легкое ранение, а скорее даже царапину. Но вот тут, в этой толчее она отчего-то усомнилась в их способностях, даже непроизвольно прижала к себе сына, с которым наотрез отказалась расставаться и взяла с собой.

Как говорится, не так страшен черт, как его малюют. Не так много народа собираются пересечь океан и отправиться в Новый Свет, причем не абы как, а наняв для этого целый корабль. Как говорится земля слухами полница. Уже через два часа небольшая кавалькада из одной кареты и десятка всадников въехали на просторный постоялый двор.

Подворье просторное, явно не просто ночлежка, для небогатых постояльцев. Двор покрыт дощатым настилом, все чисто и пригоже. Кирпичный двухэтажный дом. Часть первого этажа отведено под просторный обеденный зал, в другом крыле комнаты для постояльцев, второй этаж так же со съемными помещениями, в северном крыле несколько комнат отведены под семью хозяина. Справа и слева кирпичные же хозяйственные постройки и конюшни, с высокими крышами сеновалами, а так же жильем для семьи холопов, что помогали хозяину управляться с немалым хозяйством.

Сезон был уже в разгаре, но как видно на подворье места все же имелись. Вот в травень, во время весенней ярмарки, тут будет не протолкнуться. Все выглядит прилично, так что вполне можно остановиться прямо здесь. Как говорится все одно к одному. Но это если удастся уговориться. Впрочем, коли не выйдет, просто так не солоно хлебавши Смеяна уезжать не собиралась, попробует найти какой иной выход. Конечно, в этих делах она не понимала ровным счетом ничего, но во всяком случае попытается, а там и Угрюм приедет, это средний из сыновей боярина Вяткина.

Этот уж точно, своего добьется и случись разбойнику попасть в его руки, тому не позавидуешь, зря такое неприветливое имечко не дадут. Тем более, братца своего он любил искренне и даже в младые лета, всегда за него заступался. Бывало и секли его за проказы Бояна, так как вину его на себя принимал и безропотно сносил наказания. Тот имея куда более бойкую натуру, тоже всегда тянулся к вечно хмурому брату и даже брал на себя вину уже за его проказы, но всегда был оттеснен в сторону и наказания избегал. Все как-то сразу верили в то, что вина именно на Угрюме, а младшенький просто из любви старается уберечь

непутевого брата.

И с супружницей будущей Угрюма свел именно Боян. Угрюм, натура целостная, как-то в одночасье и без оглядки влюбился в деву, вот только его хватало лишь на то, чтобы столбенеть при виде своей лады. Младший едва прознав про это, тут же взял девку в оборот и исхитрившись сумел свести этих двоих, а там и батюшку уговорить отправиться со сватовством. Ему тогда едва семнадцать исполнилось. Как ни странно, но жизнерадостная Синица и этот немногословный, где-то злой и страшный в гневе муж, составили хорошую пару. Только год назад, беда случилась. Синица не смогла разродиться третьим ребенком и вместе с не рожденным сыном отдала Богу душу, оставив Угрюма бобылем, при сынишке и дочке.

Добролюба на месте не оказалось, но нашлись трое из его ватажников, что оставались на хозяйстве, от греха подальше. Град торговый, народу здесь с избытком и люд тот самый многообразный, занятиями разными пробавляющийся. Лобное место никогда не пустовало, то в колодки кто закованный, то на виселице кто болтается, а каждую пятницу суды проходят и секут там провинившихся нещадно, и каленым железом жгут, и живота лишают. По разному бывает, потому как лихого народишки хватает и укорот им давать нужно.

Как сообщили холопу, коего Смеяна отправила все разузнать, Добролюб должен появиться к обеду, потому как отправился по делам. Забот у него хватало, только успевай поворачиваться. Что-то уже нужно было грузить на корабль, который был нанят и принимал в свои трюмы закупленные товары. Вскорости ожидался караван с переселенцами, до его прибытия нужно закончить все приготовления, дабы оставалось лишь погрузить людей с их скарбом, да и отчаливать. В зиму те места были довольно суровы, потому затягивать с отплытием резона не было никакого, нужно было обустроиться до наступления холодов.

Вот он. Высокий, статный, движется так, словно все время настороже и готов к нападению, походка уверенная и мягкая одновременно, ну да, чисто котяра матерый и жизнью битый. Такого враз не срубишь, а глянув предпочтешь отойти в сторону, потому как опасностью от него веет за версту и лицо безобразное тут вовсе не при чем. Хм. А ведь не такое уж и безобразное, оно скорее… Растерянное. Эвон встал при входе, быстро осмотрелся и прямиком к ней. Что это? Походка. Она словно изменилась. Руки собственной жизнью живут, эвон пистоли ощупал, потом отдернул кисти, да губами зашевелил, словно самого себя ругаючи, тут и недовольство на челе легко различимо. Горе у нее, а вот глядючи на него едва не прыснула, насилу сдержалась, но

уголки губ все же слегка дрогнули. Заметил. Покраснел словно девица. Ой. А чего это у нее щеки-то горят и сердечко забилось часто-часто, а в груди какой-то холодок прокатился.

— З… Гхм. Здрава будь, боярышня.

— И тебе, кхм, здравствовать, Добролюб, — надо же и у нее в горле перхает. Да что же это сегодня такое творится-то? А то и творится, что слова прадеда из головы не идут. Нешто правда? Да, похоже что-то такое есть.

— Мне мои хлопцы сказывали, искала ты меня. Так я, вот… Ну… Внимаю.

Эвон даже растерялся. Интересно он себя боится или ее? А может о приличии печется, чтобы молодка глупостей каких не наделала по неопытности своей.

— Присел бы. Разговор к тебе имеется, а так только голову задирать.

— Не по чину, мне рассиживаться с тобой за одним столом.

Вообще-то, доля истины в том есть и не малая, но с другой стороны говорить приходится громко, так что и посторонние уши слышат, а к чему посторонним внимать то, чего они слышать не должны. Виктор все прекрасно понял, да и первые мгновения растерянности уж прошли, поэтому он легко согласился с требовательным взглядом и присел. Его дело упредить. Не прислушалась, что же баба взрослая, мать уж, так что свой разум имеет. Да и чего ей собственно опасаться досужих разговоров, эвон за спиной стоят два дюжих холопа, при оружии, эти честь госпожи соблюдут.

— Слушаю тебя, боярышня, — ну слава Отцу небесному, хоть голос слушаться стал, хотя холодок из груди никуда не делся.

— Не ведаю, слышал ли, о том, что с мужем моим приключилось?

Как не слышал. О том, уж сколько времени Астрань судачит, новость уж и не новость, а так, старая сплетня. Не сказать, что он обрадовался тому известию, но и воспринял холодно. А с чего ему горем убиваться или сочувствием проникаться? Любви промеж них отродясь не водилось. Мало того, он точно знал, случись возможность, постарался бы схарчить его молодой боярич, да так, чтобы и косточек не осталось.

— Слышал, боярышня, — холодно ответил он. Вот о ком, о ком, а о Бояне говорить ну никакого желания.

— Свекр мой, выкуп богатый тому разбойнику посулил, да тать отверг серебро.

— И то ведаю. Как и то, что смерти он грозился придать Бояна лютой.

— Все так. Я хочу вызволить мужа.

Если в начале какая растерянность была и щеки алым полыхнули, то теперь голос тверд и в нем трепет слышится и трепет тот к суженому относится. Щеки еще ярче полыхнули, но на лике не растерянность, а тревога и в глазах боязнь. Люб он ей. А чего ты собственно хотел, чтобы по тебе она сохла? Дурень, стоеросовый. Раскатал губу.

— А я-то тут причем? — Хм. Резко как-то получилось. Спокойно. Ну да, хочет она мужу помочь, что же тут такого особенного, это ведь не повод так разговаривать с той, кто стоит выше тебя не на ступень, а куда как выше. Эвон, тебя куда решили услать, чтобы тебе разум не застило. — Ты прости, Боярышня, да только то дело боярина Вяткина и рода его, ко мне касательства не имеющее. У меня своих забот полон рот, и людишек за коих я в ответе в избытке.

— Боярин Вяткин, сам отправился в Астрань, дабы нанять корабль да отправиться на поиски того разбойника, да только с полдороги его развернул Великий князь и повелел обратно в стольный град вернуться.

— Насколько мне помнится, у него есть и иные сыновья, так что кому заняться делами семейными найдется.

— Добролюб, нешто не понимаешь, что пока они учнут действовать, времени много минует. Его и без того прошло изрядно. Тут каждый день на вес золота.

— Нешто хочешь, чтобы я в одного, твоего суженного из плена вызволил? Так забот у меня полным полна коробочка.

— Но того, что то тебе не по силам не сказываешь?

— Мало ли о чем я не сказываю, так то не значит, что мне все по плечу.

Возмущению Виктора не было предела. Да, он любил Смеяну, любил всем сердцем и всем остальным, чем там можно было любить, но вот так легко воспринять то, что его хотят отправить на явную смерть, ради спасения другого, того, кто люб он не мог. Не просто не мог. Его трясло от злости на эту бабу. Вот поди и издохни, но доставь мне моего суженного ряженного. Картина маслом, блин.

— Выкуп за Бояна обещан великий, — продолжала гнуть свое Смеяна, — как сладишь дело, все то серебро твоим будет. Не сумеешь возвернуть его живым, только тело доставишь, — голос предательски дрогнул, — получишь половину. А как голову татя того с телом мужа моего, так и все сполна.

— Прости, боярышня, но серебра у меня в избытке и заботами иными голова переполнена.

— Стало быть, добро родом моим тебе привнесенное вот так легко позабудешь?

— Добро говоришь. Добра от рода Смолиных я видел в избытке, вот только счеты меж нами все уж разрешены, за все я сполна отплатил. Или еще какой должок припомнил воевода батюшка. Так ты сказывай, я долги завсегда возвертаю, да со сторицей.

Слова сквозь зубы цедит и теперь она видит перед собой зверя лютого и непокорного. Не только она, эвон холопы напряглись и вперед подались, дабы случись, упредить и за хозяйку вступиться. От Добролюба сейчас опасность исходит волной, ее руками пощупать можно, густая как кисель у доброй хозяйки. Вепрь. Как есть Вепрь. Вот только нет в ней страха. Что это? Никак она им любуется? Дикий. Необузданный. Такой… Такой… Если кто с тем и справится, так только он. Прав старый Радмир. Тысячу раз прав.

— Гвоздь, Лунь, отойдите.

— Дак…

— Кому сказано.

Ого! Мы еще и гневаться умеем. А на личике ни страха, ни растерянности. Настоящая внучка своего деда и дочь своего отца. Чего же ты мне поведать такого запредельного желаешь, чтобы уши чужие не слышали. А может и мне того… Отойти от греха подальше, что-то подсказывало, что сказанное ему может не понравиться. Уж больно решительный у боярышни вид. Опять же, сорвался. Отец небесный, сколь раз сам себе пенял на то и снова здорова.

— Поклон тебе Добролюб от деда. Прости, сразу запамятовала передать.

— Сказывал же, нет у меня долгов перед воеводой, как и перед батюшкой твоим, — вновь загоношился Виктор.

— Не от моего деда поклон-то, а от твоего. Так и сказывал, кланяйся мол внучку.

— Радмир, — нет, не вопросом то звучало, а удивлением безграничным.

Вот знал, что тот куда как опаснее своего сына, потому как умудрен летами своими и временем бурным в коем младость его прошла. Ить это при его твердой руке и воле Звонград из пепла в последний раз возродился и стал краше прежнего. Поразузнал о том. Но зная, что его опасаться следует больше остальных, отчего-то уважал его не в пример сильнее.

— Радмир, — согласно кивнула она, внимательно глядя на собеседника, — Прадед мой родный. Он мне много чего обсказал. И то, что его уста исторгли, покуда в точности сбывается, потому и тому, что глаз с меня не сводишь и сохнешь по мне, тоже верю. Да и сама давно приметила, что взглядом меня поедаешь, всякий

раз, когда видишь. Ему же в том ты честно признался. Иль не так?

— Коли он все тебе обсказал, то должен был поведать и то, что надежд пустых я никогда в сердце не имел.

— Не имел, — вновь согласно кивнула она. — Но только когда меня стрела вражья коснулась, ты виновного в том разыскал и покарал смертью.

— То за плату.

— Врешь. Я помню тот взгляд. От серебра ты не откажешься, да только не застит оно тебе взор. Сколь угодно божись и клянись, я знаю, почему тогда ты то сделал. Узнала о том недавно, но отчего, ведаю точно.

— А коли так, то неужто думаешь, что я вызовусь спасать того, в ком могу соперника видеть, хотя и не блажит мне тебя получить. Того, от кого всякий раз беды ждал, потому как ненавидит он меня, хотя пакости от меня никогда не видел. Того, кто изничтожить меня всегда был готов и только воля батюшки твоего удерживала его.

— А почему не блажит?

— Что не блажит?

— Почему тебе не блажит меня получить?

— …?

— Вот тебе слово мое. Коли Бояна живым доставишь, кроме серебра, ты и меня получишь. Всего раз, но всю как есть получишь.

Картина маслом. Занавес. Полный абзац. Он едва не уронил на стол челюсть. А затем сжал ее до скрежета зубного. Эвон значит как она его любит, коли готова ради спасения мужа, четью своей поступиться. Здесь ведь не западные королевства и не империя, где нравы куда проще и большинство благородных дам чуть не долгом своим считают наставить рога своим мужьям. Где донжуанство за деяние весьма достойное считается. У славен за прелюбодеяние неверной жене клетка железная грозила подвешенная на центральной площади и смерть голодная позорная, а тому кто возжелал чужую жену смерть на колу. Правда распространялось это в основном только на благородное сословие, но она-то была из таковых. Были у прежнего Добролюба полюбовницы из боярского рода, но те без князя в голове, да и сам скоморох, тот еще пройдоха безбашенный был.

— Чего молчишь? — Сквозь зубы процедила Смеяна. А и то. Эдакое предложить и нарваться на молчание. Тут сама готова сквозь землю провалиться, да язык себе отрезать, а этот…

— Гхм. Прости меня боярышня, за речи неразумные. Все исполню как есть и серебром плату за то возьму, коли выйдет волю твою исполнить. Коли сам сгину, то плату отдай моему

человечку, кузнецу Богдану, он сумеет ею распорядиться.

— А…

— Не было ни о чем более разговору и того, я не слышал, — решительно рубанул Виктор, заставив собеседницу в очередной раз покраснеть.

Хотя, куда дальше-то и без того красная как мак, но видно имелся еще запас. Волков невольно и в который раз, залюбовался ею. Растерянная и гневная одновременно, она была еще краше и желаннее, вот только не про него тот плод. Не по Сеньке шапка. Он желал ее, да что там, жаждал, но так не хотел. Только не так. Только не в силу обстоятельств. Иначе. Но не так.

Поднявшись, он поклонился ей и решительно направился на выход. Вот еще ватажникам объяснить к чему ему все это понадобилось. Чтобы одному то дело осилить не могло быть и речи, но он-то знал за что рисковал, а им это зачем. А за золотого тельца, чем не повод, чтобы рискнуть своей жизнью, ведь они сделали свой выбор задолго до того, как повстречали его. И сейчас идут за ним, зная, что это опасно. Светлое будущее за что-то строить нужно. И наконец, срок на который им предстоит провести с ним еще не истек. С другой стороны, отношение его к ним уже сильно изменилось, как и их к нему, они теперь больше боевые товарищи, от разбойничьей ватаги только и осталось, что его продолжают атаманом величать.

Ватажников он нашел на завалинке у конюшни. Солнышко в Астрани жаркое, вот и расположились парни в тенечке. Не было только Травня, ему выпал черед за комнатами присматривать, где и снаряжение и казна находились. Оно вроде и день, да только расслабляться никак нельзя.

— Прохладу вкушаете?

— Так в наших краях куда прохладнее, атаман, — весело скалясь проговорил Соболь, — а я так и вовсе все время по лесам шастаю, а там все время тенечек, благодать.

— А чего тебя боярышня разыскивала? — Эдак с ленцой поинтересовался Зван, которого изрядно разморило сегодняшнее шастанье по граду. Оно вроде и не особо все далеко, да солнышко и впрямь жаркое.

— Да вот, сказывает, имею лишнее серебро да не знаю, кому его отдать.

При этих словах Зван как гончая сразу сделал стойку. Нет, не от жажды денег. В отличии от остальных он сразу просек, что дело тут неладное. Он вообще к представителям рода Смолиных всегда с опаской относился и Виктора не единожды упреждал подальше от них держаться.

— А разве у нас серебра мало?

— Зван, деньга она лишней никогда не будет.

— Так деньги у нас и без того в достатке. Эвон всю скотину и лошадей распродавать придется. Коровки, да быки то так себе, но на лошадках приподнимем изрядно.

— Изрядно. Вот только скажи, сможем мы там без животины обойтись? Нет. Придется закупать, а кони да коровы там ой как дороги. Так что серебро лишним никогда не будет.

— То так, да только со Смолиными связываться.

— А серебро не от Смолиных придет.

— Ясное дело, что от Вяткиных. Не иначе как супружника ее вызволить нужно.

— Нужно.

— Атаман, мы ить все больше по лесам, море только тут и увидели, а разбойник тот, морской.

— Ну, не век же он в море. Но то твоя правда, море это иное, так что со мной пойдут только те, добровольно изъявят желание.

— Чего гомонишь, Зван. Оно в лесу конечно краше, опять же землица под ногами твердая, — задумчиво почесал затылок Куница, — да где наша не пропадала. Только атаман, учти, это ить не речку переплыть, так что коли посудина на дно пойдет, ты меня сам вытаскивать будешь, я ить это море не в жисть не переплыву.

В ответ раздался дружный хохот, который бальзамом пролился на душу Виктора. Смеялись все, а громче всех Зван. Он мог сколько угодно сомневаться и высказывать свое особое мнение, но нипочем не оставит того, за которым решил идти до конца. Что же, теперь только собраться. Ах да. Нужно еще и корабль найти чтобы до Клузиума добраться. Хм. А чего его искать, эвон стоит. Ну да, договор был до Нового Света, но чего попусту стоять-то, пока суть да дело подзаработают слегка. Понятно, что с пиратами торговцу не тягаться, но ведь Виктор и не собирался устраивать морскую баталию.

Глава 7

Если смотреть на Клузиум с большой высоты, так чтобы обозреть его весь, то он напоминает мультяшного крокодила, с непропорционально большой головой и маленьким телом, прилегшего отдохнуть на песочке, поджав под себя лапки. Главный порт страны, он же и оплот пиратов, город порт Пата, располагался как раз на темечке этого крокодила. Расположение весьма удобное, так как отсюда можно было легко контролировать Вайский пролив, отделяющий Клузиум от материка и от Сальджакской империи. Одним броском можно было выйти и к Венете, столице и главному порту империи. Название города в переводе с клузиумского, означало 'порт'. Вот так вот незатейливо

Некогда этот остров входил в состав империи, впрочем как и весь запад материка. До славенских земель рука имперцев так и не дотянулась, впрочем это во многом оказалось минусом для самих славен, которые некогда сумели остановить завоевателей несущих просвещение и прогресс на остриях своих мечей. Нет, славены не были более искушенными в ратном деле, чем западники, просто так уж совпало, что империя дойдя до Турани выдохлась, а захваченные территории то и дело охватывали бунты и восстания. А потом имперцы были вынуждены откатиться назад, потеряв половину своих прежних владений. Но западные королевства все же получили свою толику прогресса и знаний от завоевателей, чего не произошло с восточными территориями.

В те же времена откололся и Клузиум. Государство оказалось достаточно сильным, чтобы противостоять притязаниям империи, а потому сумело отстоять свою независимость и сегодня стояло чуть не вровень с самым сильным государством известного мира. По сути это был осколок империи. Общие корни, та же архитектура, та же культура, да что там, основное население острова составляли сальджуки, чего не было в самой империи, где доля сальджуков едва переваливала треть от общего числа подданных.

В Теплом море фактически властвовали два флота, имперский и Клузиумский. Оба государства вели постоянное соперничество в Новом Свете, стараясь оттяпать как можно больший кусок лучших земель. Результатом этого противостояния были частые войны. Вот только если в дальних краях происходили морские сражения, у себя под боком они обходились простым бряцаньем оружия. Иногда эскадры схдились в баталиях, которые никогда не перерастали в настоящие сражения и

зачастую схватки ограничивались простой демонстрацией силы или непродолжительной артиллерийской дуэлью, как правило с больших расстояний, а от того и с мизерным результатом. Бывало, что при явном превосходстве адмиралы всячески старались уничтожить или пленить корабль противника, иногда с положительным результатом.

Виктору было не понять смысл этой мышиной возни, но из того, что ему рассказал кормчий, он предположил, что соперники попросту боятся решительных сражений в Теплом море, так как не могут быть уверены в результате. Ведь решительное поражение одной стороны сразу нарушит сложившееся статус-кво и даст неоспоримое преимущество противной стороне. Вот и щипали противники друг друга понемногу. Боясь сойтись грудь в грудь, они всячески привечали пиратов самого разного пошиба, что позволяло нанести урон противной стороне, ничем не рискуя. Время от времени возникали дипломатические скандалы, различные ноты протеста, а порой и вяло текущие войны. Но дальше не заходило.

Патта не была столицей страны, это был обычный торговый порт. Вернее не обычный, а очень большой, центр морской торговли Клузиума в Теплом море. Вот только отличить торговцев от пиратов здесь было практически невозможно. Разве только пираты предпочитали не особо большие и быстроходные суда, среди которых преобладали шлюпы и бригантины, с непропорционально большими экипажами. Пираты предпочитали не курочить корабли и ограничиваться картечными залпами и абордажами. К чему дырявить посудину, которая по сути так же является товаром, а потом, не всегда трюмы их маленьких кораблей могли вместить в себя груз жертвы, так что его лучше доставить на том судне, которое его собственно и перевозило.

Как таковой вольницы у разбойников не было, им было прекрасно известно, какие суда грабить можно, а какие лучше обойти стороной. Те кто не видели берегов, легко попадали на виселицу, причем наказанию подвергался не только капитан, но и вся команда, что сильно отрезвляло романтиков морских просторов. Кому захочется расстаться с жизнью из-за жадности капитана. Лучше ходить с подведенным брюхом, чем раскачиваться в петле на вольном ветру.

Проход в гавань Патты был узким, сама гавань не так просторна, так что большинство капитанов предпочитали отстаиваться на внешнем рейде, предпочитая входить в сам порт только для того, чтобы принять или разгрузить груз. Оно на внешнем рейде не так спокойно как на внутреннем, и если поднимется буря волнение было весьма существенным, хотя и не

опасным, если не сорвет якоря. Но такие бури были весьма редки, зато плата за стоянку значительно меньше. На внутреннем рейде она была в буквальном смысле почасовой. Этим и объясняется то обстоятельство, что при небольших размерах внутреннего рейда, тесноты там никогда не водилось.

В планы Виктора переплата не входила, как не входило и излишнее привлечение внимания к своей персоне. Ему ни коим образом не хотелось предстать в качестве представителя славен. Была одна задумка и если все выгорит именно так, как он планирует, то все обойдется вообще без кровопролития.

Как выяснилось, с тем, что у него имеется корабль, он сильно просчитался. Капитан нанятого судна категорически отказался иметь какие бы то ни было дела с пиратами. Оно и без того, каждый раз когда суешься в Вайский пролив ломаешь голову, повезет или не повезет, а если пиратская братия начнет целенаправленную охоту, то шансы резко падают. К тому же, он готов взяться за перевозку, но никак не готов подписываться под военную операцию. Никакие заверения, что в планы Виктора вовсе не входит брать пирата на абордаж, его не убедили.

Пришлось искать стороннее судно. Не сказать, что это было простое дело, но через пару дней ему все же удалось найти одного контрабандиста, готового рискнуть за звонкую монету. Тот не испытывал никакого пиетета в отношении разбойников, так как не видел разницы где те базируются, они все были готовы схарчить его на завтрак. Вот только за те десять лет, что он водил свою щуку, тип славенского судна, которому отдавали предпочтение кантробандисты, никому еще не удавалось взять его в оборот, а ему ни разу не довелось избавиться от груза, чтобы облегчить кораблик.

Судно длинной было не больше двадцати пяти метров и шириной по палубе около шести. Узкое и ходкое, подверженное сильной качке, но вместе с тем очень быстроходное, имеющее две жестко закрепленные мачты, с подвижными реями и с прямыми парусами и два кливера, косых паруса крепящихся к бушприту. Кораблик вполне уверенно мог двигаться и против ветра. По форме он чем-то напоминал поморские кочи, имел надстройки на корме и на носу, верхнюю палубу и трюм. Не сказать, что узкие и хищные обводы позволяли иметь просторный трюм и перевозить большое количество груза, но для контрабандиста этого и не нужно, его задача быть незаметным, быстрым и вертким, чтобы избежать нежелательных встреч. Все это у щуки присутствовало, иначе она не смогла бы так долго служить верой и правдой своему владельцу столь продолжительное время.

Экипаж кораблика насчитывал двадцать человек, чего было

вполне достаточно и для того, чтобы управляться с парусным вооружением и для того, чтобы в случае необходимости использовать восемь пар весел, что было вполне возможным ввиду не таких уж высоких бортов. Из-за этого могло сложиться впечатление, что щука не способна выдержать шторм, но кормчий утверждал, что его 'Шустрый', именно так называлось суденышко, способен выдержать весьма серьезное волнение, но правда признавал, что от осенних и зимних штормов, отличающихся особыми силой и продолжительностью, предпочитает беречься.

Портовый чиновник на палубе на долго не задержался. Только велел вызвать на палубу всех членов команды, пересчитал их по головам, удовлетворился заявлением, что судно рыболовное и в трюме рыба, после чего принял причитающиеся за стоянку на внешнем рейде, а так же пошлину за торговлю рыбой и ретировался. Его путь на шлюпке от небольшого деревянного причала для лодок, до корабля занял куда больше времени, чем так называемый досмотр вновь прибывших.

Виктор и его люди так и не вышли на палубу, оставаясь в кормовой надстройке, где имелись крохотные каюты, не больше купе в железнодорожном вагоне. Кстати, койки были так же откидными, рассчитанными на четверых, столика правда не было. Как пояснил кормчий, если весь груз не удавалось разместить в трюме, то использовались эти помещения, а команда располагалась с куда меньшими удобствами. Сейчас в качестве груза рассматривались люди Виктора, так что команда не роптала. Чего с них взять, груз он и есть груз, тем паче за него хорошо заплатили.

— Странно, как-то все прошло, — произнес Виктор, обращаясь к кормчему, когда тот заглянул в каюту.

— А чего странного. Он меня давно знает и знает, чем я пробавляюсь, за то и мзду имеет. Ладно, вы до ночи на палубу не суйтесь, а как стемнеет, мы вас в лучшем виде свезем на берег.

— Боишься, что прознают о лишних пассажирах?

— С чего бы, — искренне удивился контрабандист, — Вы для меня только товар, как и тот, что в трюме лежит.

— Так ты груженный?

— Эх вы, крысы сухопутные, груженый корабль от порожнего отличить не можете, а туда же, с пиратами тягаться.

— Погоди, так ты все едино сюда направлялся?

— Ну да. Дела у меня здесь. Но если оказия вышла двойную выгоду поиметь, то отчего бы и нет. А на палубе не показываться я вам говорю, чтобы вас со мной не увязали, вы ить по горячему сюда прибыли, а у контрабандистов и пиратов есть неписаное, правило, в порту не гадить. Эвон вишь, стоит шлюп? — Кивнул

кормчий в открытое окошко, забранное слюдой, но по причине духоты открытое нараспашку. — То капитан пиратский, Смолит прозывается, два раза за мной гонялся и оба раза с носом остался, четверых его барбосов мы из мушкетов крепостных израсходовали, а он троих наших к Отцу небесному спровадил, да одного покалечил, обезножил, да ты видел его, — ага, был один в команде, что на деревяшке скакал, резво так, не всякий здоровый угонится. — Так мы с ним не раз в граде встречались, да и сейчас эвон раскланивались.

— Стоп. Ты хочешь сказать, что этот пират два раза пытался тебя взять на абордаж, но ты сумел уйти, да еще и людишек вы друг у друга покрошили, а сейчас мирно стоите в порту?

— Вот странный человек, а я тебе про что толкую.

— Так вы получается враги?

— Не. Не враги. У него свое занятие, изловить корабль да пограбить, у меня свое, обмануть всех и убежать с товаром. Какие же враги, коли каждый своим делом занят. Оно если в море повстречаемся то все сызнова учнем, каждый свое гнуть. Но в водах Клузиума не моги трогать никого, не то всех псов спустят.

— Так, а чего же он тебя не потопил, когда понял, что ты уйти можешь?

— А какой ему с того прок? — Искренне удивился кормчий. — Ну потопит он меня, а где выгода?

— А какая выгода коли ты уйдешь?

— Так в следующий раз могу попасться.

— Все, запутался.

— А и не забивай голову.

— Так если ты поможешь захватить пиратский корабль, никто за тобой гоняться не станет?

— Ну как же с расспросами полезут, как мол умудрился эдакое провернуть, их ить даже на этом шлюпе почитай вчетверо больше чем нас. Но то, коли в кабаке где.

— И никто слова не скажет?

— Нет, ну могут на поединок вызвать, все честь по чести. Чтобы в драке или из-за угла, дураки конечно есть, но не так чтобы и много, законы тут суровы. Кто первым за оружие схватился, тому голову с плеч, и плевать кто драку начал. Драться дерись, но к оружию руку не тяни.

— Ладно. А что с контрабандой, вот так вот каждый легко может привести ее, дать мзду чиновнику и все шито-крыто?

— Коли с головой дружишь и пользу приносишь, так и есть.

— И какой товар ты возишь?

— А вот это тебя не касаемо. Ты хотел в Клузиум? Пожалте. Хотел, чтобы я помог с пиратом поквитаться в открытом море, без

пушечной пальбы? С тем еще посчитаемся. А туда куда не след, нос не суй. И еще. Коли порушишь закон в Клузиуме, меж нами расчет. Мне сюда, даст Отец небесный еще ходить и ходить, так что сам понимаешь.

— Понимаю.

Вообще-то Виктор ничего не понимал, больно уж все как-то просто и в тоже время запутано. Враги не враги, друзья не друзья, пираты, но строго блюдут законы Клузиума. Какая-то борьба и единство противоположностей. Ну, прямо как в тех фильмах про мафию: Ничего личного, просто бизнес.

— Ты лучше скажи, здесь корабль того пирата, Бургаса? — Решил все же перейти к злободневному Виктор.

— Вон он, стоит. Судя по всему в море выходить покуда не собирается. Но точнее тебе обскажу к ночи, когда с делами покончу и обратно вернусь.

Как выяснилось позже, Клузиум не был уникальным в отношении к пиратам и контрабандистам, так было везде где привечали этот народец. И те и другие были взяты на карандаш и о них знали практически все, но старались не трогать, доколе от них польза и они берегов не путают. Однако, стоило кому возомнить, что он волен в своих поступках, тут и приходила расплата. И ведь все чин чином, показательные суд и казнь, просто торжество закона и порядка.

Исключением была разве только Астрань, там тать мог появиться только как честный купец и никак иначе, да и то, коли найдутся видоки, что в пиратстве уличат, не сносить головы. Поэтому, лихие старались обходить неразумных славен стороной. Контрабандисты обделывали свои дела тихо, на пустынном берегу, чему способствовали их суда с мелкой осадкой. Брячиславия не входила в клуб избранных, где фактически были только два государства, империя и Клузиум, Айрынское ханство тоже привечало пиратов, но то была отдельная история и в Теплом море те старались появляться только ради торговли, в основном живым товаром. На Клузиуме все еще сохранялась работорговля и рабы оттуда шли по самым разным направлениям. Так что с пиратами Брячиславия не заигрывала.

Возжелай Миролюб высунуться дальше чем ему позволяют и не миновать совместного набега, со стороны старинных врагов, которые тут же позабудут о своих распрях, дабы приструнить потенциального соперника. Смешно, но славены прежде чем начали строить военные корабли заручились поддержкой этих двух держав и те пошли на встречу, строго ограничив количество кораблей. Те строились для колоний, кои должны были устраиваться на северных территориях, то есть в соперничество

западным королевствам. Чем больше там склок, тем больше шансов, что тем королям будет не до южных территорий.

С Фрязией история была в чем-то схожей. Там имелись свои каперы, но действовали они только в Новом Свете, здесь им поднять голову не давали. Хотя им никто не мог запретить иметь свой флот и они его имели, вот только небольшой, у этого королевства не было потенциала Брячиславии, а строительство и главное содержание военного корабля, дело весьма затратное не каждой казне посильное, потому никто их ограничивать не собирался, они с этим вполне справляются и сами.

Виктор искренне пытался понять все хитросплетения местной политики, но все же должен был признать, что его мозг отказывается что-либо понять. Ну и Бог с ними. В конце концов не его дело. Остается просто принять все как данность, ему не вершить великих дел, затрагивающих государственные интересы, так что пусть сами разбираются. С него достанет, коли он сумеет устроиться с максимально возможным комфортом и в безопасности.

Безопасность. Что-то не похоже, что он ищет ее. Что бы не делал, за что бы не взялся, все время оказывается на грани, когда одного неверного движения достаточно, чтобы сверзиться в пропасть. Просто идиотизм какой-то. Ну вот какого он ввязался в это гиблое дело? Нет, как будет действовать он уже в принципе знал и общий план в голове уже созрел, мало того, был доведен до остальных, в части касающейся, разумеется. Вот только толком объяснить даже самому себе, зачем это ему нужно, он не мог. Вот нужно и все. Не может он иначе. Дурдом, одним словом.

Отец небесный и зачем он ее повстречал на своем пути? Ладно бы надежда какая была. Так ведь нет ее и в помине. То что она предложила, это не то. На это он не согласен. Либо все и сразу, либо и даром не надо. Но и отказать не сумел. Ну, сказано же, дурдом, а дуракам только там и место. Оставалась еще и Нежданa. Но за нее он был относительно спокоен. Кому присмотреть за малюткой есть, если в этом предприятии он лишится живота, то никто ее преследовать не станет. Оно конечно… Но ведь не разорваться надвое. Так, ой, эдак, тоже не лучше. А ему покоя в душе хочется, вот и мечется. Поди разбери отчего так — чужая душа потемки.

На берег его свезли когда уже стемнело. Свезли не одного, но та четверка, должна была от него держаться особняком и вступать в дело, только в крайнем случае. Иными словами только если Виктора будут лишать живота. А до той поры они друг друга в глаза не видели. Волков собирался выдать себя за гульда, зря что ли у него чистый столичный выговор имеется.

Кстати, к удивлению Виктора баркасы принявшие груз из трюмов 'Шустрого', направились не к городу, а куда-то на выход из бухты. Скорее всего разгрузятся где-нибудь поодаль, а потом уж товар пойдет к месту назначения сушей. Все же как бы там ни было все шито белыми нитками, но приличия здесь старались соблюдать и берега не путать. Ох и странно тут все, без пол литра не разберешься. Ну и Бог с ними.

Ял с корабля на внешнем рейде мог причалить только к деревянным пирсам, на внутренний рейд им хода не было. Хочешь в город? Без проблем. Пересекаешь скалистый перешеек, тут и широкая лестница имеется, вырубленная в скалах, очень удобно, переходишь на внутренний рейд и там нанимаешь лодку. Можно и в обход, вот только наемных экипажей тут нет, не существует здесь еще извозчиков. Но дорога есть, без нее никак, потому как на оконечности того языка располагается форт, который без сухопутного пути никак обойтись не может. Однако желающих на такую длительную пешую прогулку не находилось, лучше уж с лодочником.

Город как город, ничего примечательного. Дома каменные, оштукатуренные и побеленные известью. Разве только мостовая, оно вроде как не особо чистая, под ногами скорее шуршит, чем цокает, но ее наличие в порту уже удивляло. Вот и все впечатления. Улицы освещения не имеют. Разве только у входов в многочисленные трактиры горит по одному факелу, это чтобы клиенты ноги не переломали на ступенях порожков, ну и вывеску сумели рассмотреть. Однако осветить улицу они не могли. Днем тоже ничего не удалось рассмотреть, потому как 'Шустрый' встал в стороне от прохода и они могли созерцать только скалистый природный мол.

Насколько сумел разузнать кормчий, 'Ворон', бригантина Бургаса, вернулся только вчера и поход оказался неудачным. Нет, приз они привели, вот только торговцы, имперцы, оказались на редкость зубастыми и упертыми, так что имелись серьезные потери. Сейчас капитан их восполнял. А вот это Виктору на руку, потому как полностью соответствовало его планам и снимало дополнительную головную боль. Изначально план предусматривал убийство нескольких членов экипажа, что должны были провернуть ватажники. Оно, открывшиеся обстоятельства по части убийств в Клузиуме, делали это мероприятие еще более опасным, но иного выхода он не видел. Он хотел провернуть финт с 'троянским конем', а для этого нужна была вакансия в команде у пирата. Но все одно к одному.

Какие бы суровые законы не были, но такое развеселое местечко никак не могло обойтись без лихих людишек, которые

никак не были связаны с морем, а вполне обходились дарами суши. Поэтому Виктор старался двигаться по узким улицам, где едва могли разминуться две кареты, с крайней осторожностью. Одинокий гуляка для ночных крыс это самое то, что надо. Конечно его страховали идущие в отдалении парни, но раскрывать свое знакомство с ними раньше времени из-за случайной встречи как-то не хотелось. От того, Волков старался обходить углы по большой дуге, а к чернеющим непроглядным мраком нишам не приближаться и вовсе.

Ага, кажется то что нужно. Надпись не разобрать, сальджукская письменность для него все равно что древние иероглифы, но не рассмотреть развеселого дельфина держащего в плавнике кружку с большой шапкой пены весьма сложно. Кстати, нарисовано просто превосходно, аниматоры из его прошлого могли обзавидоваться мастерству здешнего художника. Только эта вывеска, стоившая хороших денег, говорила о том, что заведение не для пьяной матросни, хотя до порта рукой подать. 'Друг моряка', именно это было написано на вывеске, о том сказывал кормчий, объясняя где можно найти Бургаса в этот час. Что подразумевал хозяин под словом 'друг', дельфина или выпивку было не понятно, но это Виктора мало интересовало.

То что заведение не для рядовых, было видно сразу. Несмотря на то, что в нос тут же ударил кислый запах, столь свойственный всем питейным заведениям, смешанный с запахами всевозможных блюд, помещение было довольно чистым. Полы из каменной плитки, тщательно вымыты и выметены, даже при наличии множества посетителей, грязь в глаза не бросается. Ага, а вон одна из служанок сноровисто орудуя веником и совком, заметает пол у одного из столиков, как видно недавно освободившегося.

Публика весьма разнообразна, в смысле по одеянию, но так сразу видно, что здесь собрались морские разбойники. Одежды из богатых тканей, нередко и серебряное и золотое шитье, причем на одном и том же человеке можно увидеть части одеяний сразу нескольких народов.

Вон сидит один, на западнический камзол подпоясанный айрынским кушаком, надет богато расшитый золотом славенский кафтан, на поясе богато изукрашенная сабля, как видно работы какого-то племени язычников, уж больно чудной клинок. Виктору отчего-то сразу припомнился ятаган, которые он раньше видел в фильмах, но здесь ничего подобного встречать не приходилось. Из-за кушака торчат рукояти с золотой насечкой, явно имперская работа, а может и клузиумская, как уже говорилось между ними больше общего, чем различий. На ногах сафьяновые сапоги, с

настолько загнутыми носами, что принадлежность не определить и так же с золотым шитьем. Пальцы унизаны перстнями с самоцветами алмазами, в ухе сережка с крупным рубином. Все это венчает голова с короткими черными курчавыми волосами и небольшим шрамом на левой щеке. Его в свое время заботливо обработали, так что он оставался бы практически не заметен, если бы не загар, на фоне которого тот выделялся тонкой белесой линией.

Крепкий мужчина, за сорок, разодетый как павлин обливался потом, но стойко терпел неудобства. Горделиво приосанившись, он с чувством собственного достоинства осматривался по сторонам. Еще бы, кто в этот сезон может с ним тягаться, сам морской владыка ему ворожит. Ни одного выхода в море без добычи. Он уже взял три приза, причем один из них оказался весьма прибыльным, а ведь сезон только вошел в разгар. Толи еще будет.

Виктор лишь мельком осмотрел Бургаса, а это был именно он, у Волкова было достаточно точное описание, после чего прошел к освободившемуся столику. Нет, тот ни чем особо не отличался от остальных посетителей разодетых столь же вычурно и так же терпевших неудобства в связи с большим количеством одежды, но иначе никак. Стоящие бойцы никогда не пойдут на службу к оборванцу, потому как если капитан оборванец, то с удачей у него проблемы. Ну и кто пожелает наниматься на корабль где придется влачить жалкое существование и сойдя на берег не гулять в кабаках от души, а считать медяки, чтобы хватило на самое дешевое пойло. Только полное отребье и ничтожество, а с такими бойцами даже при четырехкратном превосходстве вполне возможно проиграть абордаж. Кстати, не выдумка, было пара случаев за последние полсотни лет.

— Принеси, чего-нибудь поесть, — произнес он по гульдски.

Подошедшая принять заказ служанка только глупо таращилась на посетителя, ни слова не понимая. Ясное дело, гульды здесь не особо часто попадаются.

— Поесть, говорю, принеси, да мяса побольше- произнес он уже на фряжском.

А вот эти бывали в Клузиуме куда как чаще потому как она наконец сообразила чего от нее хотят, согласно кивнула и шмыгнула в сторону кухни. Вскоре она появилась вновь, неся поднос уставленный блюдами, в центре которого находилось большое блюдо с мясом исходящим паром. Когда она выставила все на стол, Виктор легким и пренебрежительным движением отодвинул от себя большую кружку с пивом, велев унести.

Несмотря на то, что заведение было довольно приличным,

кухня Виктору не понравилась. Возможно все дело в том, что здесь преобладали все больше грубая пища, в самую пору для пиратской вольницы, а иные сюда не захаживали. Что с того, что это были капитаны и офицеры, изнеженными и избалованными знатными кулинарными изысками они не были. Было бы, что выпить и закусить, остальное не так важно. Возможно он и ошибался и это было обычной пищей среднего класса, сомнительно чтобы благородные питались такими блюдами, но в чем-либо быть уверенным нельзя, в конце концов он практически ничего не знал об этом месте.

Когда голод был утолен, Виктор подозвал к себе трактирщика. Не мог же он начинать разговор сразу с капитанами и уж тем более с самим Бургасом. В идеале тот должен был сам предложить найм.

— Чего изволит господин, — чуть не елейно поинтересовался кабатчик, разумеется на фряжском и с куда большим акцентом, чем у Виктора.

Вид одетого в добротную, но довольно простую одежду не мог возбудить большого уважения. Скорее всего, любезному тону хозяина, Виктор был обязан своему свирепому обличию. Здесь не было ни Нежданы, ни Смеяны, ни кого иного дорогого сердцу Волкова, мало того, дело предстояло опасное, так что вид его был именно таким, коий и приличествует знаменитому Вепрю. Нет, специально он ничего не разыгрывал, оно само так получалось.

— Не знаешь, не нужен ли на какой корабль стоящий боец.

— Вы вероятно здесь недавно?

— Заметно?

— Дело в том, что в моем заведении никогда не решался вопрос о найме матросов на корабли. Здесь бывают только капитаны и офицеры, а наймом занимаются боцманы и в куда более дешевых заведениях.

— По дешевым заведениям, пусть дешевки ошиваются.

— Вы настолько хороши?

— Ты капитан?

— Нет.

— Тогда пшел вон. И вели принести кружку холодной воды.

Последнее было сказано довольно громко, так как трактирщик не желая испытывать судьбу поспешил ретироваться и заказ понесся ему в след. В ответ на слова Виктора послышались смешки, как видно, многие разумели фряжскую речь. Усмешки можно было расценивать по разному: может что-то развеселое было за их столами, может это вызвано именно его словами, поди разбери. Но парочка особо расхристанных и самоуверенных молодчиков недвусмысленно посматривали в его

сторону. Влепить бы им по пуле в лоб, да можно нарваться на неприятности. Поэтому он просто посмотрел каждому из них в глаза, а потом улыбнулся своей неподражаемой улыбкой. Те, чтобы сохранить лицо еще разок ухмыльнулись, а затем отвернулись, продолжив свою беседу.

Поднесли воду. Виктор достал небольшую серебряную коробочку и открыв ее подцепил маленький серый шарик, после чего отправил его в рот, начав рассасывать как леденец. По мере того как он это проделывал, некоторые из присутствующих посмотрели на него иными глазами. Так можно было пользовать только один продукт и действительно, лучше бы иметь под рукой кружку с холодной водой, от теплой только хуже.

Цена у одного такого шарика была побольше, чем стоил бочонок пива, а эффект… Нет, опьянеть до одури, что вполне возможно при питии такого количества пива, не опьянеешь, но чувствовать себя будешь очень комфортно. Тут только один момент, кто слишком увлекается, очень запросто может стать рабом этих шариков, которые мало, что стоили дорого, так еще и были большой редкостью. Ну и опять же, от количества принятого за раз зелья, тоже немало зависит, можно и просто отключиться с глупой улыбкой, а тогда хоть режь, человек ничего не почувствует.

Виктор в бытность свою никогда не увлекался наркотиками, мало того, не имел даже опыта курения обычной вроде бы конопли, поэтому понятия не имел с чем имеет дело, но как оно действует знал. Просветил тот лекарь в Астрани, у которого он эти шарики покупал. Делали их из какой-то травы, что растет только в степи, причем судя по ограниченному количеству, чем собственно и определялась цена, в большом количестве та травка не произрастала. А может все дело в том, что только весьма малая часть большого стога, уходила в эти катышки. Одним словом черт ногу сломит, его это не особо интересовало, главное, что это отвечало его намерениям.

Вкус горький дальше некуда, но это неизбежно и нужно только перетерпеть, что сделать весьма непросто. Рассосав шарик до кашицы, Виктор припал к кружке и одним махом осушил кружку с колодезной водой. Рисковать и принимать настоящий наркотик он не стал, а потому его роль исполнил катыш мякоти ржаного хлеба, благо по цвету почти не отличишь, но сыграл все по правилам, чтобы ни у кого сомнений не возникло. Кстати заметить, остальные шарики были самыми настоящими. Проделав эту процедуру, он с блаженством откинулся к стене, как человек опрокинувший кувшин вина.

Из под прищуренных век он видел, как подозвал к себе

трактирщика один из посетителей и о чем-то спросил его. Получил ответ, после чего отпустил с миром. Не Бургас. Жаль. Ладно, время пока терпит. Он просидел так с полчаса, но все безрезультатно. Никого больше его персона не заинтересовала. Чтобы не привлекать излишнего внимания в конце концов он поднялся и направился на выход. Здесь не повезло. Нужно двигать в трактир 'Пьяный боцман', где обычно вербовались новички.

Заведение это оказалось на редкость загаженным, переполненным и соответственно шумным. Всего лишь за пять минут, что там находился Виктор там успело произойти две скоротечные потасовки. Впрочем, без особых последствий, стычки заканчивались едва один из соперников оказывался в нокауте, не приобретая массового характера. Мебель так же не пострадала, так как была насколько неказистой и массивной, настолько же и прочной. Разбитая глиняная посуда не в счет.

Оказаться среди новобранцев экипажа 'Ворона', оказалось проще пареной репы. Стоило только подойти к боцману и назвать себя, после чего он вносил тебя в списки. Но как выяснилось не все так просто. Ты становился всего лишь соискателем места. Окончательный отбор должен был произвести лично капитан, на борту своей бригантины, так что внесение в списки ничего еще не решало. Боцман честно предупреждал, чтобы кандидат хорошенько подумал, так как не прошедшему отбор предстояло добираться до берега вплавь. Бургаса не очень заботили те, кто не принадлежал к команде, а потому транспорт им не предоставлялся, их просто вышвыривали за борт. Корабль стоял не так чтобы далеко от берега, так что добраться до него вплавь не составляло труда, но факт оставался фактом.

Если отмести в сторону грязь что имела место в порту, город производил впечатление. Выбеленные дома, крытые красной черепицей взбегали вверх по склону горы, перемежаясь с зелеными кронами деревьев, образуя улицы и кварталы. В купе с южным солнцем, да на фоне голубого неба, если смотреть от порта… Картинка. К тому же уже в паре кварталов отсюда улицы были куда чище, и с каждым кварталом отдаляясь от порта, город становился все ухоженнее. Это по рассказам Окуня, кормчего 'Шустрого', Виктору было некогда заниматься осмотром достопримечательностей.

В отличии от остальных соискателей, Волков решил пренебречь любезностью капитана, предоставившего целых две шлюпки для доставки на борт пополнения. Ему было необходимо десять человек, а по прикидкам Виктора в шлюпках было больше трех десятков. Хм. Однако, конкурс. Он предпочел добраться до

борта на наемном ялике, велев лодочнику ждать его возвращения. Как бы там ни было, но плыть до берега в его планы не входило.

Завидев то как прибыл Виктор, боцман только одобрительно ухмыльнулся, но все же подал знак лодочнику, чтобы тот слегка отдалился. Нечего стоять у борта. Что же его право. Осмотром вновь прибывшего старый морской волк так же остался доволен, если не сказать, что сильно удивлен. Вчера, этот тип кутался в плащ, а потому его снаряжение было не рассмотреть, сегодня же плащ остался в ялике и перед ним предстал до зубов вооруженный боец. И как вооруженный. О таком оружии боцману приходилось только слышать. А если учесть, что никто из новичков фактически не имел оружия, разве только ножи, но это скорее средство обихода, то…

Новобранцы построились в неровную шеренгу, что говорится — Как бык поссал. А вскоре появился и капитан в сопровождении трех офицеров. Впрочем один из них, штурман, остался в стороне, двое других сопровождали капитана до конца. На этот раз Бургас был одет куда скромнее, скорее всего на борту он предпочитал вычурности удобство, потому был облачен в ботфорты из мягкой кожи, облегающие брюки и просторную белую рубаху. Широкий пояс с заткнутыми за него двумя пистолями, абордажная сабля и кинжал.

Капитан подходил к очередному кандидату, осматривал, задавал пару вопросов, после чего порой следовал вопрос от одного из офицеров, затем переходили к следующему. Нередко, капитан подавал сигнал и двое дюжих матросов подхватив неудачника, подводили его к противоположному от берега борту и под улюлюканье команды, скидывали в воду. Никто и не думал оказывать сопротивление. С одной стороны каждого честно предупреждал боцман, с другой, если Виктор все правильно понял, то сейчас на бригантине находилось девяносто заматеревших в морских боях матросов. Короче, возмущаться, себе дороже.

Виктор встал в самом конце шеренги. Стоял спокойно, скрестив руки на груди. Если получится проникнуть в состав экипажа, хорошо, если нет, тогда план 'Б'. Как говорил один киногерой: План 'Б', это всегда больно. Значит, будет больно. Правда и труднее, одновременно. Этот вариант предусматривал подрыв корабля, что устроить не так сложно, достаточно просто изготовить самодельную мину с механическим взрывателем. Правда в этом случае можно было заполучить только труп Бояна, да и тот придется как-то извлекать из утробы трюма, что собственно и было бы самым трудным. Но нет совершенства под луной. По большому счету ему было плевать на боярича. Конечно,

жалко Смеяну, но никто не виноват молодому человеку, что он сделал все возможное, дабы заслужить нелюбовь Виктора.

Их оставалось на борту еще двенадцать, когда наконец очередь дошла до него. Внимательнее осмотрев капитана, Виктор понял, что человек это опасный. На него смотрели умные глаза, волевого человека. Ничего удивительного, дураки здесь долго не живут, а слабохарактерные не выходят в капитаны.

— Как звать?

Голос не соответствует внешности, крепкого и плечистого пирата, он куда больше подошел бы, человеку более тщедушного телосложения. Но больше Виктора удивило то, что капитан обратился к нему на гульдском, выговор конечно не столичный, но факт остается фактом. Выходит он запомнил его по трактиру. Интересно к добру или захочет увидеть как Виктор плавает. Служить в качестве развлечения для команды Волков не хотел и он дал ясно это понять всем, когда прибыл на своем транспорте.

— Вепрь.

— Разве я спросил тебя о твоем прозвище?

— А здесь, что набирают на королевский флот?

— Хм. С характером.

— Скажем так, я знаю себе цену.

— На кораблях ходил?

— Разве только добрался до Клузиума.

— И зачем тогда ты здесь нужен?

В ответ Виктор ухмыльнулся, от чего оба офицера непроизвольно сжали рукояти сабель на которых лежали их кисти. Не обращая внимания на их телодвижения, Волков скинул с плеча карабин, и взвел курок.

— Укажи цель.

— Даже так, — с нескрываемым интересом произнес капитан, слегка склонив голову к правому плечу и внимательно глядя на наглеца. Затем обернулся и указал на плавающих примерно в сотне метров четверых бакланов. — Подстрели одного из них.

Задача очень не простая, для обычного мушкета, дистанция практически запредельная, а птица не так чтобы и велика. Ничего не ответив, Виктор вскинул карабин, а через секунду раздался выстрел. Одна из птиц тут же забилась в воде, остальные резво замахали крыльями, и понеслись по водной глади, словно торпедные катера. Оторваться от воды смогли только две птицы, подняться выше чем на три метра, одна, уйти не смог никто.

— Как-то так, капитан.

— Клык?

— Не знаю как Бону, в абордажную команду, но в мушкетеры, лучше и не надо, — ага, получается набирались люди для

абордажников и мушкетеров, ничего удивительного, палубная команда редко участвует в абордажах и потери в их среде существенно ниже. Ну, это если не дойдет до горячего, стоящие бойцы в их среде редкость.

— Того и вот этого за борт. А ты, Вепрь, пойдем со мой.

Каюта капитана была отражением Бургаса, ну того, что Виктор увидел вчера. Вычурная, богато обставленная до полной безвкусицы. Наверное, это тоже антураж, для посторонних глаз, потому как ее владелец в первую очередь предпочитал удобство, а не выпендреж. На борту ему ничего и никому доказывать не нужно, весь бисер предназначался для посторонних глаз. В каюте же ему приходилось принимать других капитанов и иных гостей, так что нужно было соответствовать общепринятым нормам.

— Значит, говоришь: По дешевым заведениям пусть дешевки ошиваются, — о как, все приметил. — Ну и как же ты оказался там, где мой боцман набирал команду?

— Зашел в несколько заведений, в одном из них боцман вел запись. Записался, — пожав плечами ответил Виктор.

— А как же дешевки?

— Хм. Оно так, да только почесал я в затылке, подумал и понял, что тут я никто и зовут меня никак. С чего-то начинать надо, начну снизу, не беда.

— Хочешь стать капитаном?

— Если в море не наскучит как на берегу, то почему бы и нет.

— А на берегу стало скучно?

— Стало.

— Расскажи о себе.

— Хочешь знать, что за птица прилетела к тебе на палубу? Законно. Сбил я шайку и гулял по дорогам, хорошо гулял, с прибылью. Все мои разбойнички, что живы остались, с достойным кушем осели в разных местах, но мне на месте не сидится. Скучно. На берегу я вроде уже все испытал, решил пощекотать нервы в море. Вот и все.

— Слышал я об одном Вепре, только он вроде славенин.

— Ха! Значит и до сюда слава докатилась. Это греет.

— Так ты славенин?

— Отчего же, гульд, как и ты. Немного говорю по славенски, вот и морочил голову всем. А что, все ищут славенина, так и пусть ищут, а там еще и страх. Одним словом, главное поднять муть, а там можно ловить рыбку почти без страха.

— Хитер. Хашшу, давно распробовал?

— И это приметил. Глазастый ты капитан. Давно, но разума не теряю, свою норму знаю. Ведь и от вина, можно стать пропойцей, но ты ведь не стал.

— Ну что же, давай выпьем, раз уж зашла речь о вине, — берясь за серебряный кувшин с узким и высоким горлышком предложил капитан.

— Извини, но не вина, ни пива я не пью. После хашша, это не то.

— Дорогое удовольствие, — отпив из кубка заметил Бургас.

— А разве я сказал, что когда-нибудь бедствовал или нужда меня привела к тебе, — Виктор извлек кошель и подбросил его на ладони, — здесь сотня цехинов, больше восьмиста талеров. В другом есть и серебро, но то на всякие расходы. Есть и прикопанное на берегу. У твоих офицеров такие деньги водятся?

— Странный ты.

— Нормальный.

— Двум зверям в одной берлоге не ужиться.

— Мне твое место без надобности и в морском деле я ничего не соображаю, так что тебе я не соперник. А захочу свой корабль, так раздобуду. Держать силой ведь не станешь?

— Не стану. А что скажешь, если мои офицеры начнут на тебя волком смотреть. Ведь могут подумать, что ты их подсиживаешь.

— Мне казалось, что глупых ты офицерами бы не назначил. Если кто погибнет и ты решишь поставить меня на их место, так тому и быть, а нет, так это дело твое.

— И ты вот так просто подчинишься?

— К чему допросы. Ты не судья, я не на суде. Сказал же, хочу попробовать себя в море.

— А ты понимаешь, что ты простой матрос, так что придется и палубу драить и иные поручения выполнять? Как с этим смирится Вепрь?

— Нормально, пока акулой не назовут. А как назовут, тогда к этому разговору и вернемся.

— Ладно. Пока убедил. Оружие все сдай Клыку, он ведает арсеналом, у меня на корабле с оружием только офицеры и боцман ходят. Получишь когда дойдет до дела.

— Капитан, а ты представляешь сколько это оружие стоит? Вижу, что очень приблизительно. Полторы тысячи талеров. Ты не гляди, что клинки в ножнах без изысков и рукояти потертые, это булат, что твою саблю перерубит и не зазубрится. И это все в арсенал?

— Тут мои законы Вепрь. Твое, твоим и останется, но оружие все хранится в арсенале, нож можешь оставить. Вот станешь офицером, тогда дело другое. И деньги, давай сюда. Положу в судовую казну, будет в целости. Не хватало еще, чтобы у тебя потянули, а ты потом начал крушить всех направо и налево. Или так или за борт, — уловив упрямый взгляд подытожил Бургас.

— Ладно. Убедил. Только тогда условие одно есть, — недовольный и даже очень взгляд. Тормози, и без того буром прешь, как ледокол на торосы. — Все, понял. Просьба.

— Говори.

— Карабин и пистоли мои очень капризные, а здесь все время сырость. Назначь час, когда я смогу получать их и чистить, хотя бы через день. Какой прок, если во время боя оно начнет давать осечки. А так, я ведь еще до абордажа многих положу, сам видел.

— Вижу, теперь ты понял. С этим к Клыку, он твой командир. Погоди, — окликнул он уже направившегося на выход новобранца. — Хашша. Положи коробочку на стол. Вернемся в порт получишь обратно, у меня на корабле ни вино ни что иное не в чести.

Сначала Виктор забрал свои пожитки из ялика, расплатился с лодочником и только потом отправился на поиски своего непосредственного начальника. Впрочем, поиски это так, к слову. Тот был на шканцах, вместе со штурманом и мирно покуривал трубку. Нарвался на выговор, не без того. Оказывается вот так, за здорово живешь, на шканцах рядовым членам экипажа делать было нечего. Обошлось устным предупреждением, на первый раз сделали скидку на незнание. Его облик и умение владеть оружием, которое все еще было при нем, вполне к этому располагали.

Разговор с командиром мушкетеров вышел примерно таким же как и с капитаном. Напротив ожиданий Виктора, тот не особо переживал за свое место, видать хорошо знал себе цену. Когда же Волков заговорил об уходе за оружием, тот взглянул на новичка с куда большим уважением.

— Наши не очень любят возиться с оружием, чистить чуть не силой заставлять приходится.

— Дураки потому что. Сколько раз оно мне жизнь спасало, я и счет потерял. Можешь не верить, но ни одной осечки за все время, даже когда у меня был самый старый и разболтанный пистоль.

Когда они прошли в арсенал, Виктор даже скривился, видя в каком состоянии находится оружие. Клинки не особо привлекли его внимание, но от вида загвазданных всевозможных мушкетов и пистолей, его аж покоробило. Калибров тут тоже было, что блох на собаке, но все же Клык постарался их рассортировать, имелся и запас пуль. Видно, что к оружию относится с уважением, вот собственные пистоли за поясом горят от чистоты, а тут… Но из под палки, оно и есть из под палки.

— Что не нравится?

— Они хотя бы стреляют?

— Стреляют. Через раз, чтоб им, — скорее всего имея ввиду своих подчиненных, ответил новый начальник.

Говорили они на фряжском, оба с акцентом, Клык был балатонцем, но они вполне понимали друг друга. Виктору уже попеняли, что мол пора учить сальджукский, тут треть команды сальджуки, да и в городе куда проще. Обещал озаботиться, хотя был уверен, что это лишнее, не собирался он столько пробыть с пиратами.

— Лейтенант, а что правду сказал капитан, что мне и палубу придется драить и всякое другое исполнять?

— Разумеется. А уж тебе-то как новичку, так и вовсе как за здравствуй.

— А если эти работы как заменить?

— Это как?

— А давай я займусь арсеналом. Понимаю, новичка и сразу в арсенал, но ведь это не дело, — обвел рукой помещение Виктор. — Нет мне доверия, так назначь кого со мной.

— Не хочется тебе палубу драить и на камбузе в рыбьих потрохах возиться? — При упоминании последнего, новичка аж передернуло, а на гуммах Клыка заиграла хитрая улыбка.

— Не хочется. Ты пойми, ведь не из попрошаек подзаборных и не от нужды я тут, — начал было уверять Виктор, но нарвался на глухую стену непонимания.

— А если скажу, нет?

— Нет, так нет, сам ведь пришел, никто силком не тянул, — попытался выказать покорность новичок.

— Я подумаю.

'Ворон' простоял в порту еще пару дней, все же пора горячая, так что рассиживаться на берегу нечего. Волка ноги кормят, а пирата рейды. Придет сезон штормов, тогда и отдохнут от дел праведных, а сейчас как у крестьян — каждый день, год кормит. Команда усиленно готовилась к выходу в море. Дело это серьезное и полумер не приемлет, цистерны с пресной водой и кладовая забивались до предела. Никогда нельзя сказать точно сколько продлится плавание, возвращаться в порт не солоно хлебавши только потому что закончились припасы никому не хотелось, а потом было еще и такое понятие как штили. Это явление было более характерно для середины лета, но это не значит, что оно не может иметь место в конце весны.

'Только не в терновый куст…'. Знакомо? Надо думать. Вот так и с Виктором. От работ на палубе его освободили, но на кухне он должен был помогать каждый день. До обеда он поступал в распоряжение корабельного кока, но отказываться от добровольного порыва Вепря, Клык все же не хотел. После обеда

Виктор постоянно возился с оружием. Не один. За ним постоянно присматривал один из мушкетеров. Ну не помогал же, в самом деле. То как он елозил промасленной ветошью по мушкету назвать чисткой никак было нельзя. Но Волков на это смотрел сквозь пальцы. Да чумазый и промасленный до нельзя, но он всем своим видом выказывал усердие. Ведь понятно, что берут на слабо, ему доставалось больше всех из новобранцев, у которых было время перевести дух и работали они с полагающейся полуденной сиестой, бывший разбойник этой привилегии был лишен. Не выдержит, сорвется, никто ему не виноват.

Виктор не просто чистил оружие, он еще и проявлял инициативу. Вооружившись доступным инструментом, он приводил до нормы разболтавшиеся механизмы и даже забраковал три мушкета, предложив их выбросить от греха подальше за борт.

— Ты думай, что говоришь, Вепрь. Выбросить практически новые мушкеты. Сам додумался?

— Не выбрасывай, — легко согласился Виктор с Клыком, — только скажи, кому эти мушкеты выдашь.

— Это зачем?

— А чтобы я рядом с тем идиотом не стоял. Говорю же, раковины в стволе большие, в любой момент разорвать может. И пружины тоже проржавели настолько, что вот-вот лопнут. Нет ухода за мушкетами, вот и получайте полной мерой.

— Ладно, я тебя понял. Но выбросить мы их все равно не можем. Ты их подальше пока припрячь, а там как трофеи возьмем, так и избавимся.

— Это как?

— Да просто. Выдадим эти за трофейные и избавимся как от ненужного хлама, а на их место нормальные.

— Ага, понял, — а чего собственно непонятного, как видно капитан всех держал за причинное место, а весь огнестел был на совести Клыка.

За это время Виктор успел выяснить, что Боян жив. Еще бы. В первый же вечер по кораблю разнесся душераздирающий крик, который скорее всего был слышен и окрест. Ему объяснили, что и как. Капитан выполнил свое намерение и подлечил таки пленника, после чего принялся над ним измываться. Не часто, так помучает-помучает, а потом лекаря к нему и чтобы выжил непременно.

Говорят, что сынишку семнадцати летнего парня, он сильно любил, хотя и держал в холодном теле. Воспитывал характер и достойную себе смену. Жены у него не было, хотя и имелся свой дом в городе, как положено с прислугой из невольников. Матерью

парнишки была какая-то плененная дворянка, красивая и Бургас по своему ее любил. По особенному так. Была она его рабыней, благо рабство здесь не было пороком, о женитьбе он и не помышлял. Что там да как, никому неизвестно, но говорят, как-то она вырвалась из дома и утопилась. История темная, но с другой стороны, кому какое дело до какой-то там невольницы.

Виктор было заволновался, что пленника могут высадить на берег и определить в какой подвал, дома у капитана, но страхи оказались напрасными, никто его не собирался никуда свозить, его место в трюме.

Глава 8

Выход корабля в море оказалось делом вполне себе рутинным. Поднялся на палубу чиновник, капитан уладил необходимые формальности и все. Ставить паруса, с якоря сниматься. Для Виктора так и вовсе все прошло незаметно. Он как всегда в первой половине дня был на побегушках у кока. Драил, чистил, резал, носил, топил камбузную печь и как всегда всячески пытался не заслужить неудовольствие кока, только не сегодня, сегодня он был сама предупредительность.

Вепрь очень страдал от южной жары, еще бы, ведь из северных широт, поэтому при себе всегда имел флягу с водой, к которой периодически прикладывался. Наблюдая за этим, Клык пару раз проверял его, на предмет употребления хашша, но ничего предосудительного не обнаруживал. Ну, мучается человек от жажды, с кем не бывает.

Когда каша была практически готова, Виктор улучил момент и воспользовавшись тем, что кок вышел с камбуза, быстро вскрыл свою флягу и вылил ее содержимое в большой бак, не забыв и кастрюльку в которой готовился обед ля офицеров, после чего тщательно перемешал содержимое и вернулся к своим обязанностям. На этот раз в его фляге была не просто вода, а адская смесь отравы, с которой он уже был хорошо знаком.

Изначально он собирался пойти по проторенной дорожке и отравить вино, до которого все пираты были весьма охочи. Именно по этой причине он сразу выдал себя за поклонника хашша, равнодушного к вину. Это в общем-то соответствовало действительности. Редко кто из потребляющих наркотик баловался еще и горячительными напитками, в этом случае очень быстро начинала проявляться зависимость к зелью. Вот только случилась незадача. Бургас был сторонником жесткой дисциплины, мало того, что все серьезное оружие держалось под замком, так еще и вина на корабле днем с огнем не сыскать. Разве только в каюте капитана, но то только на всякий случай, мало ли, что приключится, нельзя ударить в грязь лицом, репутация прежде всего. Так что и сам Бургас не злоупотреблял вином и остальные мучились с сухими глотками.

Едва это осознав, Виктор тут же начал перестраиваться и работать над другой версией поведения. Отсюда и постоянная жажда, и фляга на боку, и постоянные наряды на камбуз, к которым он фактически сам подтолкнул Клыка. Когда стало ясно, что выход вот он, то он извлек припрятанную отраву и воспользовался своим реквизитом. Все бы хорошо, но было и одно

'но'. Далеко не все питались стряпней кока, во всяком случае, в начале похода, пока имелись свои запасы, прихваченные с берега. Этот дородный мужик каким-то образом умудрялся готовить исключительно вкусные блюда для командования и совсем даже не очень для остальных. Может дело в объемах, а может в том, что он не считал нужным стараться для всех. Бывали случаи когда ему хотели что-то предъявить, но безрезультатно. Оно и сам дядька не промах, говорили, что он совсем даже не стесняется ходить на абордаж, не раз удостаиваясь двойной доли за то, что первым ступал на палубу торговца, и капитан, тут же ставил недовольных на место.

Обед прошел без эксцессов, все кто вкушал из общего котла получили свою порцию и спокойно вкушали заслуженную пищу, расположившись кто где придется. Оставались те, кто стоял на вахте, но их успеют еще покормить, яд не сразу подействует, часа два есть. Плохо другое, как минимум человек двадцать не прикоснулись к еде, предпочтя свои запасы, кто-то из стоящих на вахте тоже не проявит энтузиазма. Хоть командование, включая и боцмана, дружно проследовали в капитанскую каюту, чтобы отобедать и то хорошо.

— Ну, я пойду, — распрямляясь и хрустя суставами, обратился Виктор к коку, который вовсе не комплексовал потребляя кашу из общего котла.

— Посуду опять кто другой будет мыть?

— Как всегда. Ты же знаешь, я после обеда в арсенал.

— И охота тебе было подвязываться под это дело?

— Люблю я с оружием возиться. А потом, это только сначала трудно. Дальше будет легче и с камбузом от меня отстанут, и как оружие в порядок приведу, останется только поддерживать его в надлежащем виде. Зато больше никуда меня привлекать не станут.

— Уверен?

— Тебя же не привлекают.

— Ну, я-а. Я кок.

— А я буду оружейным мастером.

— Ха! Ну иди, оружейный мастер. А чего не обедаешь-то?

— Поел уже, пока ты кошеварил. Бывай.

Вообще-то Виктор не ел. Еще чего не хватало. По всему выходит будет заваруха, а с полным брюхом идти в бой, может себе дороже выйти. Лучше уж так. Подойдя к борту он бросил взгляд назад и сразу заметил небольшой парус, следующего одним с ними курсом судна, покинувшего гавань вслед за ними. Это 'Шустрый' Окуня. Дальше был виден еще один парус. Однако, сегодня что-то оживленно. Патта, конечно большой порт, но

сомнительно, выход трех кораблей с минимальным отрывом, для него явление обычное. С другой стороны, чего только не бывает в этом мире.

Вон появился уже отобедавший Клык и по устоявшейся привычке высматривает его. Что же, хорошо, что хоть что-то неизменно. Похоже лейтенант мушкетеров твердо решил навести порядок в арсенале. Может уже подумывает о своем корабле? Прости приятель, но не судьба. Как бы все не закончилось для Виктора, тебе капитаном не быть никогда. Клык наконец нашел своего подчиненного и поманил за собой, затем подозвал еще одного. Ну да, без сопровождения Виктора в арсенал пока не пускали.

***

Отрывистые команды, возбужденный гомон и топот ног, несмотря на то, что экипаж 'Шустрого' по палубе щеголял в постолах, вот часто так простукала деревяшка Хряща. Что там такого стряслось, что все засуетились? Зван посмотрел на разделявших с ним каюту, словно ждал, что получит ответ от них.

Десяток в полном составе сейчас находился в своих каютах и деловито, без суеты приводил в порядок свое оружие. Несколько дней на воде, а дело могло оказаться горячим, мало ли, что там наобещал атаман, жизнь она штука такая, не знаешь где споткнешься, так что порох в зарядах лучше переснарядить. Виктору удалось таки наладить процесс изготовления нового оружия. Не сказать, что все прошло гладко, по десятку карабинов и кольтов, все же изготовить удалось. Времени не достало, закончить перевооружение всей ватаги, но и это было уже немало, а главное, процесс был уже опробован, оставалось собрать станки на новом месте, и можно было налаживать производство. Все отправившиеся с ним, были вооружены по новому образцу.

Как и ожидалось не найдя ответа среди своих товарищей, Зван, оставшийся за старшего, направился на палубу. В морском деле он соображал слабо, да чего там, ни черта не соображал, но даже он сообразил, что курс преследуемой бригантины, паруса которой белели далеко впереди и курс щуки, не совпадали. 'Шустрый' отчего-то отвернул влево и возвращаться на прежнее направление вроде как не собирался. Интересно девки пляшут.

— Окунь, ты ничего не напутал? Бригантина вон она.

— Вижу не слепой.

— Тогда объясни, что ты тут вытворяешь.

— А ты погляди туда.

— Ну, корабль, — глянув в указанном направлении, сделал лаконичный вывод он.

— Не узнаешь?

— Нет. А должен?

— Э-эх, черви земляные. Свалились вы на мою голову.

— Ты за словесами-то следи. И толком объясни, что с тем кораблем не так.

— То шлюп моего давнего приятеля Смолета, 'Баклан',- с явным недовольством пояснил кормчий. Однако Зван пропустил недовольство мимо ушей, потому как было прекрасно видно, что относится оно к тому самому капитану и его кораблю.

— Это тот, что рядом с нами на рейде стоял?

— Он самый.

— Выходит, за прошлые обиды посчитаться решил?

— Выходит, что так. Кол ему в задницу.

— И что будешь делать?

— Уходить буду, что же еще. У него на борту десять пушек, да четыре куливрины. У нас, сам видишь. Так что, только уходить.

— Если поспеем к бригантине…

— Ты смеешься? Какая бригантина? Тут бы самим ноги унести. Да не гляди ты на меня так. 'Шустрый' он конечно, шустрый, да только по прямой нам от 'Баклана' не уйти. Ход у него повыше будет, вот в поворотистости он уступит, так что только вилять до ночи, а потом отрываться.

— Ты ума лишился, кормчий? Там же Добролюб уж начал. Если всех не оприходует, то ему одному не выдюжить. Ты же по рукам ударил.

— Ударил, — начал заводиться Окунь, как видно поступиться словом ему никак не блажило, но не все так просто, — В уговоре было сказано, без пушечной пальбы и с малым риском. А Смолет, это риск не малый и пушки у него есть и в ход он их пустит.

— Отворачивай к бригантине, кому говорю! Там атаман, его никак оставлять нельзя.

— Слушай Зван, шел бы ты в каюту и седел там, вместе со своими парнями, здесь вы только мешать будете. Кончен разговор.

Десятник в бессильной злобе сжал кулаки, а потом бросив последний взгляд на догоняющее их судно, процедил сквозь зубы забористую брань и направился в каюту. Как видно кормчий вполне удовлетворился, тем что ему больше никто не мешает и вернулся к управлению корабликом. Вот только зря он решил, что он первый после бога, в любой иной ситуации, но только не сейчас.

Не прошло и десяти минут, как на палубе появилось десять человек, все вооружены до зубов и настроены весьма решительно. Не произнеся ни слова, они быстро распределились по всему небольшому пространству корабля и взяли его под контроль. Еще минута и Зван полностью убедился в том, что вся команда 'Шустрого' на палубе и в настоящий момент контролируется его людьми.

— Ты чего творишь?! — Искренне возмутился кормчий.

А и то, какому капитану понравится, то что на его корабле вдруг произошел переворот, а ничем иным это и не было, потому как эти парни держали под прицелом всю команду, в настоящий момент безоружную.

— Атамана я не брошу, — спокойно заявил Зван. — Ты не можешь гнаться за бригантиной, потому как тогда тебя нагонит этот самый Смолит. Значит, нужно подумать, как сделать так, чтобы и овцы были целы и волки сыты.

— Не дури парень. Нет у нас выхода. Добролюба жаль, но что мы можем поделать?

— Выход всегда есть. Было дело, мы два полка гульдов остановили в два десятка, так что и тут управимся.

— Тут тебе не леса, засаду не устроишь, тут все как на ладони. Так что, только уворачиваться, а как стемнеет уходить. Или ты решил тот шлюп на абордаж взять?!

— А почему нет?

— Ты вообще в своем уме?!

— Ты не ори. Говорю же, давай подумаем. Сколько у Смолета на борту человек?

— Восемь десятков.

— Нету у него столько народу, — покачал головой Зван. — Утром на берег сошло не меньше двух десятков, а то и больше. Думаешь успел он собрать своих людей. Не успел, потому как он их до сих пор собирал бы. Погнался он за тобой, а у тебя команда два десятка, мы на палубе за все время появлялись только ночью, когда нас рассмотреть они не могли. Вот и выходит, что он не с полным экипажем выскочил, чтобы тебя схомутать и обратно вернуться. Так?

— Ну, вроде так.

— Получается, что их сейчас вдвое против нашего.

— Вдвое, не один к одному и пушки опять же.

— Ядрами по тебе он палить станет?

— Не дурак он нас топить, а нам много и не надо. Картечью станет садить или киппелями, чтобы такелаж порушить.

— Но ты раньше уварачивался?

— Ну, уварачивался.

— Значит, увернешься еще раз. Подойдем с разряженного борта и покажем им кузькину мать.

— А по две кулеврины с борта? Они ить картечью заряжены и как только мы подойдем, саданут в упор.

— Значит, будем еще думать. Ты пойми только одно — выбора у вас нет. Либо мы вместе сделаем так как надо, либо мы сами попробуем сделать по своему, а вас повяжем и в трюм. Если у нас выгорит, ладно, а нет, вы целехоньки останетесь. Только, сдается мне тот Смолет, с большой радостью вас на невольничий рынок свезет. Не гляди на меня так. Я ить тебе сказал, атамана я не брошу. А сейчас, пока суть да дело, поворачивай за 'Вороном', нечего его далеко отпускать. Подойдет тот 'Баклан', еще покружимся и бригантина в отрыв уйдет. Не должны мы ее потерять. От себя скажу, оплату вы втрое от прежнего получите. Все, командуй и давай думать.

'Шустрый' вновь поменял курс и теперь на всех парусах погнался за бригантиной. 'Баклан' тоже поменял курс и сейчас двигался слегка под углом, что позволяло быстрее сократить расстояние до убегающего корабля контрабандистов. Не сказать, что это обстоятельство не обрадовало его капитана. Смолет конечно хотел посчитаться с Окунем, дважды оставлявшего его с носом, но во главе угла все же была добыча, а такие как этот кормчий с дешевым товаром никогда дело не имели. Взять такого контрабандиста было подчас куда выгоднее, чем крупного купца. Так что, месть, местью, но в первую очередь он думал о выгоде.

Ближе к обеду, пират заметно приблизился к щуке, та была не дальше четырех миль от бригантины. Ближе подходить к более крупному пирату не следовало. Не хватало еще, чтобы и он решил попробовать погнаться за ними. А так, риска никакого. Капитан 'Ворона' не дурак и понимает, что гоняться за таким юрким, а главное быстроходным суденышком, гиблое дело. Так что его нейтралитет был гарантирован. А вот со шлюпом начиналась пляска смерти.

Как выяснилось, контрабандисты к вопросу безопасности подходили весьма серьезно, поэтому у них были предусмотрены дощатые шиты, которые устанавливались на фальшборт. Стена получалась не сплошная, но вполне достаточной, чтобы затруднить работу стрелкам с противной стороны, и уменьшить потери среди экипажа. Щиты были достаточно прочными, чтобы выдержать пулю из мушкета выпущенную с минимального расстояния. Правда это никак не относилось к картечи, если к примеру с расстояния хотя бы в кабельтов, то вполне себе держали, но ближе вероятность пробития увеличивалось, а на расстоянии в сто метров, против картечи щиты были просто

бесполезны. Оно можно сделать их и толще, но от того они стали бы и тяжелее и более громоздкими, сплошное неудобство одним словом и не нужный перегруз для маленького суденышка.

Пираты таким не заморачивались. Тому было несколько причин. Излюбленным и основным приемом ведения боя у них был абордаж, а щиты в этом деле были больше помехой, чем подспорьем. Они никогда не задумывались о том, какие потери понесут во время боя, чем больше погибнет членов команды, тем больше доля каждого из экипажа. Восполнить же потери было проще простого. Достаточно было вернуться в порт с добычей и от желающих попытать счастье на морских просторах не будет отбоя. Они и в бой предпочитали ходить с минимумом одежды, не говоря уже о каких кирасах, которые по их мнению слишком стесняли движения, а при падении в воду, так и вовсе превращались в излишний груз, активно тянущий на дно.

У контрабандистов все было иначе. Здесь подбирались не сорви головы, а люди зачастую обремененные семьями и их деятельность была рассчитана именно на содержание семей. Потом далеко не каждого капитан возьмет в команду, предпочитали вообще придерживаться старинных связей, нередко на одном и том же корабле трудились поколениями, принимая эстафету от отцов. Дело это тонкое, все время под угрозой разоблачения и придания суду, так что надежность и преданность человека были не менее ценны, чем его профессиональные качества. Яркий пример одноногий Хрящ, которого и не подумали списывать из-за увечья. Отсюда и нелюбовь к всякого рода авантюрам типа перестрелок с пиратами. Лучше уклониться, закружить охотника и юркнув в ночь или туман, оторваться от погони.

Но на этот раз, они были лишены выбора. Тройная плата, оно конечно хорошо, но терять людей Окуню вовсе не улыбалось, поэтому он послал бы Звана вместе с платой куда подальше. Но тут дело оборачивалось так, что возжелай он этого и неприятности могли начаться задолго до подхода пиратов и людей он потерял бы изрядно, в этом сомнений никаких, и от разбойников не сумел бы уйти, попросту не достало бы людей, для эффективного маневрирования.

Маневр на парусном судне это не просто переложить руль и изменить курс. К каждому повороту нужно готовиться, на ходу менять постановку парусов, где-то подтянуть, где-то ослабить, и еще бог знает сколько где-то, все зависит от ветра, волнения на море, местоположения кораблей, отдаленности от берега, наличия подводных скал, да много чего. Людей же на контрабандисте лишь с небольшим запасом, а зачастую и без

оного, им на абордаж не ходить.

— Не боись, Окунь, все будет нормально, — подбодрил кормчего, нервно теребившего бороду, Зван.

— Кой черт нормально. Сказать кому, что я решил биться с пиратом, так за умалишенного примут. Может все же того… Не бойцы мы.

— Зато мы бойцы первостатейные.

— И много ты бился в море?

— Опять пустое говоришь. Дело делай.

Расстояние сократилось до кабельтова, когда ударили четыре пушки по левому борту шлюпа. Еще две были по корме, но их пират использовать не мог, потому как для этого нужно изменить курс, а значит дать возможность добыче сманеврировать. Это возможно с тихоходным торговцем, но неприемлемо к той дичи, с которой он имел дело сейчас. Этому только дай возможность, сразу ускользнет.

— Киппелями бьют, — когда над головой с противным воем пронеслись снаряды, резюмировал кормчий.

Предпринять что-либо он не успел. Чутье у кормчего слегка притупилось необычностью ситуации, от чего нервишки пошаливали и всего потряхивало. Но помог низкий профессионализм пиратских канониров. Только один заряд угодил в парус, проделав в нем изрядную прореху. Будь ветер посвежее или парусина плохого качества и вполне возможно, что они уже слышали бы треск разрываемой материи. Но Бог миловал и это ни коим образом не сказалось на ходе судна.

Запоздало звонко грохнули кулеврины, расположенные на носу и корме. Контрабандисты приготовились к вою картечи и поспешили укрыться за щитами. Зван и его люди остались там где стояли. Картечный выстрел звучит иначе, глуше и протяжнее, это они успели уяснить, а от ядра здесь спрятаться негде. Ядро у кулеврины махонькое, но и борта и щиты с такого расстояния прошьют как бумагу. Ошибочка, били снова киппелями и куда более удачно. Один из них оборвал кливер, который тут же опал, а затем провис и заполоскался в воде. Второй угодил в звонко лопнувший линь, от чего заполоскало парус на фок-мачте, не основной, но тоже весьма важный в оснастке корабля, потому как даже зван ощутил, что ход корабля начал снижаться.

А вот на такой подарок, Зван и не надеялся. Как видно Смолит, решил, что у него на борту достаточно народу, чтобы управиться с экипажем щуки и главное сбить ход и лишить ее маневренности. Разумеется киппеля на кулевринах не шли ни в какое сравнение с таковыми у пушек, но вот практика показала, что он не ошибся и эффект от двух маленьких и поворотистых

проказниц, куда выше, чем от старших товарок. Все, славенин считай уже в руках. Шлюп резко пошел на сближение, пока добыча разбиралась с парусами.

На 'Шустром', часть команды и впрямь спешила закрепить парус, вот только о бегстве уже никто не думал. Одни изначально не собирались никуда бежать, другие уже осознали, что убежать не получится и переполненные злобой как на пассажиров, так и на преследователей, набирались решимости, чтобы встретить свой последний и решительный.

— Начали! — Прокричал Зван.

По этой команде, Соболь и Куница припали к карабинам, пристроившись за щитами, и открыли огонь по обслуге кулеврин. Эти маленькие орудия можно было куда проще и быстрее перезарядить и если заряд окажется картечным, а это скорее всего будет именно так, ведь корабли сейчас сходились для ближнего боя, то бед они понаделают много. Расположены они выше надстроек щуки, так что бить будут над щитами. Главное не дать им больше выстрелить.

Раздались первые выстрелы, которые затем стали раздаваться один за одним. Наличие под ногами качающейся палубы, постоянно меняющаяся дистанция, разумеется вносили свои коррективы и далеко не каждый выстрел достигал цели, но все же попадания были. За короткий срок они расстреляли по одному барабану, при этом израсходовав обслугу. У каждой кулеврины суетилось по два человека, так что вскоре пиратам пришлось задуматься об их замене, что впрочем не заняло много времени, как и перезарядка карабинов у бывших браконьеров. Когда было израсходовано по второму барабану, корабли успели сблизиться на расстояние мушкетного выстрела.

На пирате у бортов уже столпились стрелки, изготавливающиеся к залпу. Дабы не искушать судьбу Зван решил не мешать этому намерению, приказав укрыться и сам выполнив свою же команду. Залп! Дробный грохот свинца по дереву и густой вой проносящихся мимо плотным роем пуль. Но пока не слышно ни стонов, ни вскриков, только злая ругань. Это хорошо, выходит счет пока в их пользу. И дальше бы так.

Не сказать, что Смолет спорол глупость, приказав открыть огонь по уже укрывшемуся противнику. Тут свой расчет. Пока люди на преследуемом корабле ищут укрытие, судном заниматься практически некому, а это выигранное время, которое работает на пирата. Счет идет уже на секунды, так что каждое мгновение упущенное контрабандистами и выигранное им, ему на руку.

— Гранатами бей!

Ватажники похватали уже изготовленные к стрельбе гранатами карабины и быстро припали к прицелу. Расстояние считай на прямой выстрел, разброс минимальный, с нервами у всех порядок, на суше бывало и похуже и то не тряслись как осиновый лист. Хлопки несущиеся один за другим на фоне залпа пиратов звучат как-то не серьезно, а вот эффект… Ни одна граната не прошла мимо цели. Все же у просто таки огромного количества сожженного на беспрестанных занятиях пороха, есть одно неоспоримое преимущество — у стрелков нарабатывается столь необходимые навыки и опыт, что только положительно сказывается на результативности.

Вместе с хлопками разрывов гранат с пирата слышатся крики, переполненные страдания и боли. Странно, если бы это было не так, при такой-то скученности на палубе. Это внесло некоторое смятенье в ряды нападающих, но не сказать чтобы лишило их решимости, потому как гневных криков и ругани ничуть не меньше, а то и больше. Некогда о том.

— Ватага огонь!

Ватажники расположились на юте и баке, так как только их надстройки дотягивают до уровня палубы шлюпа и представляют собой удобную позицию для ведения эффективной стрельбы. Экипаж прячется на палубе, стрелять им бесполезно, потому как они находятся ниже и только зря будут расходовать заряды, создавая ненужный шум. Их черед настанет когда пираты пойдут на абордаж, в этих целях их мушкеты заряжены картечью. Ну, как картечью, рубленными кусками свинца, гвоздей и иного хлама. Стрелки из них так себе, а с таким зарядом они могут не особо заботиться о выцеливании противника, достаточно просто навести ствол в нужном направлении, при палубной тесноте и героических калибрах их мушкетов, самое то.

Находясь в практически идеальных условиях, на малом расстоянии, стрелки тут же начали весьма споро прореживать ряды готовящихся к абордажу. Соболь и Куница разведенные по юту и баку, для большей отдачи, не забывали о том, что их основная задача это кулеврины, к которым уже успели приставить новую обслугу. Впрочем, те не смогли добиться чего-либо путного, слишком мало времени и слишком меткие стрелки, которые уже особо и не целились, ведя огонь практически навскидку и теперь уже без промахов. Шутка, дистанция не больше тридцати метров.

Ватажники отставали по меткости от своих лучших стрелков. В это свою лепту вносили и непривычные условия и нервозная обстановка боя, и то, что противник использовал прикрытия. Это не ют и не бак, где только перила, за которыми не укрыться, но

все же не менее трети зарядов достигали своей цели, раня и убивая пиратов, что неизменно приводило к выводу бойцов из строя.

Пираты несли просто огромные потери, с чем им никогда не приходилось сталкиваться. Нельзя сказать, что там собрались плохие вояки, просто они не были готовы к столь плотному обстрелу и скорострельному оружию. Все всегда было просто. Вывалить к борту прицелиться дать залп, дождаться залпа противника, если позволяет время, перезарядиться и повторить все по новой. Всегда. Но только не сейчас. Сначала непонятно как заброшенные на борт гранаты, взявшие свою дань, потом эта стрельба. Контрабандисты не делали залпов, били в разнобой, но казалось, количеству их зарядов не будет конца. Они все продолжали и продолжали стрелять. Основные потери пришлись именно на повторные выстрелы, так как после залпа команда шлюпа поспешила найти укрытие, а после выстрелов противника, снова показались, вот тут-то им и досталось. Они сообразили, что что-то не так, когда выстрелы и не думали прекращаться, а потому вновь укрылись.

Наконец это прекратилось и пираты успев перезарядить мушкеты, посыпали из укрытий, чтобы дать следующий залп. Ни кулеврины, ни пушки изготовлены еще не были, так как к ним не давали подойти стрелки с щуки. Вся артиллерия, включая и кормовые пушки, была расположена на верхней палубе, а потому те кто упорно продолжал их заряжать были вынуждены покидать укрытие и неизменно оказывались под обстрелом. Глупо выцеливать того, кто укрывается, когда есть пренебрегающие укрытием и подставляющиеся под выстрел. Тем более в условиях, когда важно в кротчайшие сроки сократить количество нападающих.

— Пищали, огонь! — Отдавая команду, Зван мысленно обругал себя, ить тем еще запальный шнур подпаливать, да пока он прогорит… Добролюб поди не увлекся бы настолько. Хотя… Эвон в бою у Обережной, им сказывал одно, а сам…

Крепостная пищаль оружие заслуживающее особого внимания. Вес около пуда, ствол длинной больше полутора метров, стреляет фактически маленьким ядром, диаметром миллиметров двадцать пять. Причем стреляет довольно далеко, вдвое против обычного мушкета. Бить из этого монстра с рук или даже при помощи бердыша нечего и мечтать, для того он имеет вертлюг, прямо как на кулеврине. Для их использования в перилах и в фальшборте были проделаны специальные отверстия, это позволяло и с весом справиться и во многом большую отдачу гасило.

Сейчас те пищали, которых на 'Шустром' было четыре заряжены картечью, причем в каждый было запыжевано по семь зарядов. Зван не мудрствуя лукаво использовал задумку Добролюба. Будет еще один подарочек для пиратов, у них сегодня вообще, денек на них выдался славный. А как отстреляются пищали, последует и еще один. Веселье, одним словом.

Запальный шнур это не его более поздний потомок по прозванию бикфордов шнур, он прогорает куда быстрее, вот только не так быстро как хотелось бы. Стрелки пристроились за щитами, только узкая щель между парой, чтобы пищаль установить можно было. Подпалили шнур, установили свою артиллерию и ждут пока прогорит. Не успели. Залп пиратов раздался раньше.

Зван укрывшись за щитом, спешно перезаряжает карабин. Вновь дробный звук ударяющихся в дерево пуль. А вот этот какой-то странный. Словно чавкнул кто-то. Звук настолько необычный, что ватажник непроизвольно осматривается. Йошки матрешки! Эвон как оно! Стрелок из команды 'Шустрого' припавший к прицелу пищали, сейчас лежал на палубе и вокруг него быстро растекалась большая лужа крови. Верхней части головы практически не было. Такое впечатление, что голова лопнула как южный плод, что арбузом прозывается, доводилось пробовать в Астрани. Один он даже по неловкости уронил, очень похоже. Видать знатный кусок прилетел, да и дистанция камнем добросишь без труда.

Слышатся стоны и крики с палубы, еще кого-то задело, да не одного. Но о том думать сейчас некогда. Пищаль, оставшись без присмотра, задрала курящийся дымком ствол в небо, еще малость и начнет палить. А вот это врешь! Павших оплакивать и раненных обихаживать потом будем. Зван быстро подхватил приклад и пристроился для стрельбы. Борт 'Баклана' в каких-то двадцати шагах. Разбойники уже забрасывают абордажные крючья, столпившись у борта. Еще пара секунд. Бабах! Эвон! Ну, прямо пушка!

Рой картечи с визгом уходит в скопление пиратов, яростно размахивающих саблями и пистолями. Он видит, как картечь приголубила сразу двоих, все же куча смертоносных ос не успевает достаточно рассеяться. Кто-то заметив выстрел, садит из пистоля, пуля с глухим стуком входит в дерево, где-то сбоку. В голове мелькает картина снесенной на половину головы стрелка. Вовремя, ничего не скажешь. Еще секунда. Бабах! Тоже не плохо. Вот только головы Зван не теряет. Изначально он хотел дать отстреляться пищалям, да видно не судьба, слишком все быстро происходит.

— Гранатами, бей!

На борт вражеского корабля тут же полетели чугунные чушки. Ватажники бросают их не скупясь, не тот момент чтобы экономить. Следующему выстрелу уже вторят разрывы гранат. Куница израсходовав свои, тут же подхватывает те, что изготовил Зван и так же отправляет их в полет. После чего вооружается карабином и начинает садить, по всем кого только замечает. Остальные ватажники не отстают, не время ждать команды, эвон все как получается, еще малость и до абордажа дойдет.

Выстрелы, крики, брань, стоны, разрывы, сплошной тарарам. Одна из гранат подпаливает картузы с порохом, начавший гореть выделяя целое облако дыма. Корабли начинает заволакивать дымом, словно из пушек палят. Стреляют с обеих сторон. Команда 'Шустрого' все же не выдерживает. Вид наваливающегося борта пирата и столпившегося у него противника, раненные и погибшие товарищи, все это делает свое дело и контрабандисты начинают бить из своих мушкетов, внося свою лепту в какофонию боя. Расстреляв заряды в карабинах, втажники тут же выхватывают пистоли, слишком близко противник, слишком велика вероятность абордажа.

Наконец заряды в пищали закончились и Зван хватается за карабин, но не спешит, водит стволом из стороны в сторону. Выстрелы прекратились, сейчас все спешно перезаряжаются. Слышны только стоны, подвывания, скрип рангоута, плеск воды. Пороховой дым быстро рассеивается, чему способствует ветер, относящий его в сторону. В пределах видимости ни одного разбойника, только тела павших, да раненные, ох и покрошили. Те кто цел, попрятались.

'Баклан' немного вырвался вперед, все же уровнять скорость двум кораблям не так чтобы и просто. Но нужно отдать должное капитану пиратского корабля, свое дело он знает туго. Вот так грамотно, с ходу подвести корабль, чтобы забросить абордажные крючья, это талант. Впрочем Звану это ни о чем не говорит. Кораблям разбежаться не дают абордажные крючья, заброшенные на борт 'Шустрого' с закрепленными к борту пирата концами. Их просто не успели притянуть друг к другу, но этот процесс был уже запущен. Вырываясь вперед, 'Баклан' натянул веревки и отстающий 'Шустрый' постепенно подтягивался к борту противника, если не перерубить веревки, то совсем скоро носовая часть контрабандиста приблизится вплотную к корме пирата.

На борту виден небольшой пожар. Ну как пожар, так что-то лениво горит испуская черный дым. Как видно от сгоревшего пороха что-то загорелось, но никак не хочет разгораться сильнее.

— Перед боем видать водой все обдали, чтобы сильного

пожара не случилось, — шепотом произносит оказавшийся рядом кормчий. Зван только скосил на него взгляд, что же, тому виднее, он в море словно у себя дома. — А не слабо побили, аспидов. Что дальше, пойдем на абордаж?

— Некогда, да и людей потерять можем изрядно, а у нас еще дело есть. Паруса бы ему попортить, чтобы за нами не увязался, а то оставшиеся станут садить из пушек, мало не покажется.

Решение нужно принимать как можно быстрее, еще немного и 'Шустрого' отнесет к корме 'Баклана' настолько, что они перестанут контролировать палубу пирата, а тогда снова поднимут голову выжившие. До этого момента, на стороне обороняющихся было преимущество, за счет неожиданных сюрпризов, но сейчас все могло измениться. У пиратов тоже есть гранаты, не такие эффективные как у ватажников, но тоже мало приятного, мест же укрыться, на палубе щуки поменьше будет, чем на шлюпе. А если дойдет до абордажа…

Пираты более привычны биться на качающейся тесной палубе, в рукопашных схватках опыта у них побольше чем у обороняющихся. Как только сойдутся грудь в грудь, может выйти все что угодно, потому как люди Добролюба лишатся главного своего преимущества, возможности использовать свою меткость в стрельбе. Остаются еще и пистоли, так что пиратам легко точно не придется и скорее всего они все же проиграют. Но и противная сторона понесет невосполнимые потери, а ведь впереди предстояло еще и самое главное. Происходящее сейчас только досадное дополнение.

— Зван, а может намотаем паклю на болты, подпалим да пустим в паруса, — арбалеты были при них, планируя подобную операцию, Виктор не мог пренебречь бесшумным оружием.

— Парусина сухая, очень даже загорится, — перехватив взгляд Звана, тут же с готовностью ответил Окунь. Все же не блажило мужику идти на абордаж. И без того потерял людей, а сколько еще придется потерять. И все через этих аспидов. Но делать нечего, сейчас они в одной лодке. Хм. Щуке.

С делом управились довольно споро. Кораблям сойтись так и не дали, перерубив веревки абордажных крючьев, потому как вполне мог запутаться такелаж, а тогда так просто не отвалишь. Пока распутаешь перепутавшиеся тросы, пока растолкаешь суда. Это все время. Случись такое и проще сойтись в рукопашной, чем расцеплять корабли. Болты с горящей промасленной паклей впились в паруса и огонь тут же начал лизать полотно парусины. Хм. А ничего так, получилось, эвон как разгорается.

'Баклан' вырвавшийся вперед, начал постепенно терять ход, ничего удивительного, эвон как паруса запылали. Корабль вряд

ли сгорит, управятся с огнем пираты, они к тому привычные. 'Шустрый' начал его обходить. Куница и Соболь, как лучшие стрелки заняли позицию на юте, внимательно приглядывая за палубой, пока она была в их поле зрения. Парочка татей пыталась было покинуть свои укрытия, но безуспешно. Одного метким выстрелом снял Соболь, второго двумя выстрелами загнал обратно Куница. Нечего.

Хм. А 'Ворон' не так чтобы и сильно отдалился. Сколько же продлился бой? Казалось, прошла целая вечность, а оно вона как, оказывается всего-то ничего. Зван вскинул к глазам подзорную трубу, чтобы обозреть пиратскую бригантину, нет ли знака от Добролюба.

***

— А зачем ты переснаряжаешь свое оружие? — В очередной раз скривившись и помассировав не на шутку расшалившийся живот, поинтересовался приставленный к Виктору пират.

— Море. Если порох отсыреет, то какая тогда стрельба, одни сплошные осечки.

— Так когда тот бой случится, то только Господу ведомо.

— Оружие нужно в порядке содержать. Вы вон от своей лени, мушкеты до чего довели. Ох!

Виктор вдруг переломился пополам и откинулся к дощатой стене арсенала. Его напарник мучился животом уже минут десять, но Волков не спешил симулировать, нужно было вначале привести к нормальному бою оружие. А вот теперь очень даже можно. Яд не сразу свалит с ног, сначала изрядно помучает, да и потом не сразу убьет. Смерть мучительная и долгая, вот только сделать что-либо уже никто ничего не сможет, сильная боль гарантированно обездвижит.

— Что и тебя проняло?

— Ага. Что-то Арис сегодня себя превзошел.

— Странно как-то живот болит, по нужде совсем не хочется, а внутри все огнем горит.

— Это точно. М-м-м, — скрючившись в позу эмбриона простонал Виктор, сильно сжав живот и мелко засучив ногами.

Напарник по арсеналу уже серый, словно труп, не будь у него сильного загара, то скорее всего был бы бледным как полотно. Тянуть время, изо-всех сил тянуть время. Тех кто не вкусил отравы и без того слишком много, так что нужно дождаться когда яд подействует основательно, чтобы никто из отравившихся не смог принять участие в предстоящих событиях.

Дверь в арсенал внезапно распахнулась и на пороге появился

Клык. Ты что же бродяга, суп не ешь что ли? Неприятная неожиданность. Наличие лица начальствующего способного внести порядок в рядах оставшихся на ногах, это большая проблема, словно их и без того мало.

— И эти, — прозвучал усталый голос Клыка.

Как видно он уже с ног сбился, обходя весь корабль и силясь понять, что тут вообще происходит. В голосе квартирмейстера была не только усталость, но как показалось Виктору, еще и разочарование.

— Ариса на камбузе скрутило, этот здесь валяется. Так кто же тогда? — Это один из мушкетеров.

Виктор был шапочно с ним знаком. Разводить близкие знакомства в его планы не входило, незачем, коли им служить вместе до первого выхода в море, а тем более если хочешь забрать его жизнь.

Как видно во внезапно навалившуюся эпидемию ни Клык, ни остальные члены команды не верили. Эпидемия так внезапно не проявляется, это дело постепенное, растягивающееся на дни, а то и недели. Оставалось только отравление.

— Бадди, ты уверен, что всех новичков скрутило?

— Всех, Клык. Припасов ни у кого из них не было, а у кого было, так отобрали, новички должны начинать с общей баланды, ты же знаешь. Оставался только этот, но он тоже того… Долго не протянет.

— Выходит, кто-то из старичков, — резюмировал офицер. — Значит так. Доверять я могу только своим людям. Бон, Дик, остаетесь у арсенала и крюйт-камеры, никого близко не подпускать. На батарейную палубу не выходите, случись сюда только один трап, так что незаметно никто не подберется. Вы пятеро со мной.

— Маловато нас, Клык.

— Восемь человек с оружием вполне достаточно, чтобы командовать не полными тремя десятками.

— На палубе нас будет только шестеро. Может, все же подключим абордажников?

— Бадди, если мне не изменяет память, их десяток, слишком много тех, кому я не могу доверять полностью.

— Мы вместе уже долгое время.

— Как и с остальными кто не потравлен. Главное, что интересует пирата это золото. Тот брячиславский вельможа обещал слишком хороший выкуп за своего сына. Любого могли подкупить. Помнишь того славенского контрабандиста, что появился на рейде за несколько дней до нашего выхода. Как

только мы вышли в море, они двинулись за нами. Не удивлюсь если на их борту не контрабандный товар, а несколько десятков воинов. Я верю только вам, тем кто в бою прикрывает мою спину.

— И что мы будем делать дальше?

— Мы вернемся в Патту. Потом отправим известие тому славенину о выкупе. Он получит своего сына, а мы наше золото. Бургас сейчас валяется в каюте и протянет не дольше остальных, я же никогда не любил его ублюдка и мстить за него не собираюсь.

При этих словах, Виктор вновь застонал и на этот раз он не играл. Влипнуть в такое дерьмо! Продумать сложную комбинацию, сунуться с головой в пасть к опасному зверю, остаться одному против более чем трех десятков. А нужно-то было всего лишь прибить этого Бургаса в тихом ночном переулке. Дальше жадная натура пиратов сама все сделала бы и Бояну никто не причинил бы увечий. Ох, правду говорят — за дурной головой ногам покою нет.

— А если и тот сосунок тоже.

— Если и издохнет, то только от ран, которые нанес ему Бургас, — отмахнулся Клык. — После того как с ним позабавился капитан, его кормят только бульончиком. Так что нам нужно лишь позаботиться о том, чтобы он не отдал концы раньше времени. Все, вооружайтесь.

Виктор искоса продолжал следить за происходящим в арсенале. Пираты из команды Клыка быстро начали разбирать оружие, словно предстоял неслабый бой. Каждый нацепил на себя портупею со специальными гнездами и спешно запихивали в них по несколько пистолей, не забыли по паре и за пояс. Каждый повесил на бок по клинку и взял мушкет.

Быстрее всех вооружились те пятеро которым предстояло отправиться наверх. Покончив с этим они тут же поспешили покинуть помещение. Клык немного замешкался, вертя в руках незнакомые револьверы Виктора, на которые всегда посматривал с нескрываемой завистью.

Наблюдая за этим, Волков едва сдержался, чтобы не кинуться на квартирмейстера прямо сейчас. Это никак не входило в его планы. Ситуация и без того складывалась аховая, а тут еще и лишиться своего преимущества в большом количестве зарядов и скорострельности. Внезапно напасть на троих Виктор не боялся. Риск, конечно, но вполне реально. Тут иное. Ведь те пятеро не поднялись на палубу, они просто вышли, чтобы не создавать толкучку, в арсенале было не так уж и много места. Появиться на палубе до зубов вооруженными, но без офицера они все же не рискнули. Ну и как разбираться сразу со всеми? Да никак, это

гарантированная смерть.

Но по счастью, пират тяжко вздохнув отложил малознакомое оружие, предпочтя все же то, которое было знакомо не в пример лучше. Случись сражаться, руки должны были действовать автоматически, без участия разума, а если каждый раз вспоминать, что и как делать, то это приведет к потере времени, а в боевой обстановке мгновение подчас определяло грань между жизнью и смертью. Так что Клык предпочел то оружие с которым был знаком хорошо, отложив в сторону желанное. Ну и правильно. Нечего. Хозяин и так помрет, а оружие перейдет к тебе по праву. К гадалке не ходить, уже примериваешься к капитанской каюте. А кому собственно говоря еще претендовать, как не второму человеку на корабле.

— С этими что делать? — Поинтересовался один из мушкетеров.

— Вынесите их в проход.

— А может того..? Чтобы не мучились.

— Это наши соратники. Если сами попросят, тогда и того.

— Кто же об этом просить будет.

— Вот и вынесите их, а там придем в Патту, может какой лекарь и поможет. Наш тоже любителем черепахового супа оказался.

Виктора и его напарника вынесли из помещения, Клык запер дверь и ушел в сопровождении пятерых, устанавливать свою полную и безоговорочную власть. Бог в помощь. Виктор поглядел на отравленного пирата. Тот только слабо поскуливал и изредка слабо сучил ногами. Не боец. Даже когда говорили о том, чтобы добить, он не пытался как-то возразить. Этот страдалец был для Виктора как индикатор. Стало быть, пора.

Оно можно было бы в свете новых обстоятельств, чудесным образом излечиться и дать деру. Бояна и без того выкупят. Вот только сделать это не реально. За борт-то выбросишься, но на 'Шустрого' весть о том не передашь, коррективы в план не внесешь. Если выживешь один из всей команды, сами пираты и прибьют. И без того взяли его под подозрение, да только он вовремя сымитировал отравление. Спасибо маленькому шарику хашша, от которого опьянения не вышло, только какая-то ненормальная бодрость по всему телу разлилась, а вот лицо очень даже натурально побледнело.

Оттащили их немного в сторону, чтобы случись драться, они не мешали, как видно поднимать на батарейную палубу было лень. Что же, за это отдельное спасибо. Виктор тихо приподнялся и стоя на одном колене метнул клинки с двух рук. Кто же оставляет за спиной потенциального противника. Вообще, коли

есть подозрение, то суньте нож, так на всякий случай и вся недолга. А так, эвон лежите и уже даже ножками не сучите.

Ладно, надо разбираться с замком, а то этот зараза ключ унес с собой. Хорошо хоть на этот случай он был готов и конструкцию замка, врезанного в дверь успел изучить и ключик хорошо рассмотрел. Достав изогнутую проволочку, Виктор прильнул к двери и стал старательно шуровать нехитрым инструментом в утробе замка. Вскоре щелкнуло. Не сказать, что все прошло легко, пальцы и ладонь ощутимо побаливали несмотря на загрубевшую кожу. Если эти гады оружие содержали абы как, то чего говорить о замках.

Затащил вовнутрь тела, чтобы раньше времени буча не поднялась. Люди Клыка сейчас слишком заняты и сюда не вернутся, пока корабль не войдет в гавань, а больше никто и не знает о том, что в коридоре должны валяться двое отравленных, а не один. Зарезанные, дело иное, тут сразу может начаться тарарам.

Быстро вооружиться, пояс на место, проверить пистоли, не натворил ли чего Клык. Нормально. Четыре гранаты по подсумкам. Карабин за спину. Как там с ножами? Порядок, в ножнах ходят легко. Взглянул на свою саблю. Нет. Лишнее, только стеснять будет. Ну что же, вроде готов. С Богом.

Прежде чем направиться к трапу, Виктор быстро вогнал в замочные скважины арсенала и крюйт-камеры деревянные чопики. Основательно так, чтобы их ничем не подцепить, замок не сквозной, так что во внутрь не протолкнешь, только выковыривать. К гадалке не ходить, как только обозначится конкретный враг, Клык начнет вооружать всех оставшихся членов команды. А так придется промучиться. Гораздо быстрее будет прорубить дверь, чем выковырять затычку. Но это опять время, которое работало на Виктора.

Он осторожно выглянул на батарейную палубу, которая одновременно выполняла и роль матросского кубрика. Все более или менее важные члены экипажа проживали в каютах, располагавшихся на двух кормовых ярусах. Валяющиеся то тут, то там скрюченные пираты, многие подвесные койки натянуты и большинство их занято страдальцами. Где-то внутри колыхнулась жалость к этим людям, жизни которых он забрал фактически просто так, ведь лично ему они ничего плохого не сделали. Да что такое, раньше у него подобных мыслей не возникало. Стоп! Это тати и тебе с твоими людьми между прочим проходить Васским проливом, где ты очень даже мог с ними познакомиться. Ну и сколько шансов уйти от такого корабля на том барке? Понятно, что ты мог с ними и не встретиться, но это тати, а

значит никаких сомнений.

Так, вроде никого из тех, кто избегнул отравления. Ничего удивительного, сейчас не так чтобы и много народу, а с парусами как-то управляться нужно. С другой стороны, сомнительно, что для этого понадобятся все. Как там сказал Клык — три десятка. Итак, восемь мушкетеры, десяток абордажники, тогда получается дюжина или чуть больше палубной команды. Достаточно ли этого? Ну если очень припечет. Тут иное, вряд ли Клык захочет кого-то упускать из виду, так что все будут на палубе или на реях. Вот и ладушки. Сейчас лишние встречи совсем нежелательны.

Ага. Как же, размечтался. Вон кто-то копается в вещах. Хм. А ведь по всему выходит, что он нашел ту самую крысу, про которую успел уже услышать. Так звали тех, кто воровал у своих же. Имелся такой индивидуум на 'Вороне', вот только за руку вора пока никто не поймал. Уговорили проклятые, сделаю доброе дело.

Все прошло тихо и почти буднично. С другой стороны это ведь не в лесу подкрадываться к ворогу, где в любой момент под ногой может оказаться сухая ветка. Вор почувствовал неладное, когда Виктор уже стоял у него за спиной. Дернулся было, но Волков тут же схватил его руку на болевой лишая возможности двигаться, и практически сразу ухватил за горло, изо всех сил сдавливая яблоко. Тот успел только тихонько так вскрикнуть, скорее всего, не бойся он привлечь внимания, все же застигли на воровстве, то успел бы поднять тревогу, но вышло так как вышло.

Выдавливая дух из пирата, Виктор как-то отстраненно подумал о том, что куда чище и быстрее было бы свернуть тому шею. Правда это только в кино, на деле провести этот прием очень сложно, может и возможно, но он придерживался обратного мнения, а потому и не практиковался в том. Уж лучше вот так, по старинке. Вскоре пират прекратил сопротивляться и безвольно повис на руках Волкова. Вроде готов. Только теперь он посмотрел кого принесло в его руки. Ну хоть в чем-то повезло. Это был один из команды Клыка. Значит, одним вооруженным меньше. Славно.

Попрятав оружие убитого, он направился к кормовым каютам, решив начать приборку оттуда, если уж есть возможность, то нужно максимально долгое время оставаться незамеченным, а там глядишь, повезет и еще кого прихватит по-тихому. Вот только теперь он не собирался вести себя аккуратно, поэтому вооружился ножами.

Дверь ведущая с батарейной палубы в кормовые помещения оказалась не запертой и пройти туда не составило труда. В каютах на нижнем ярусе располагаются боцман, канонир, командир абордажников, судовой врач и наиболее уважаемые

члены экипажа. На верхнем, что возвышается над палубой, только каюты капитана, квартирмейстера и шкипера, а так же кают-компания.

Ничего так кораблик, здесь с удобствами можно разместить побольше десяти пассажиров. Впрочем, чему удивляться, судно строилось в первую очередь как торговое, а значит и наличие гостей тоже учитывалось. Можно было бы удивиться столь серьезному вооружению, но скорее всего, судно было довооружено уже после того, как досталось пиратам. Вообще-то наличие столь серьезной артиллерии на пирате было нетипичным, обычно они предпочитали маленькие и верткие корабли, с большим экипажем.

Проникнув в узкий коридор, Виктор замер и прислушался, силясь на слух определить, нет ли здесь кого. Из каюты боцмана послышался стук, словно кто-то что-то обронил. Значит сначала туда. В помещение он решил не входить, а обождать у двери. Не та ситуация, чтобы находящийся там, задержался на долго. Так и есть. Едва он занял позицию, как дверь открылась и в коридор вывалился голый по пояс человек. Не боцман, как про себя мгновенно определил Виктор, при этом прикрывая ему рот и вгоняя клинок в почку. Для верности еще один удар, втолкнуть тело в каюту, быстро осмотреться. Здесь больше никого. Осмотр остальных кают так же никого не выявил.

Ситуация к любопытству не располагала, но ему все же стало интересно, кого он оприходовал. Как выяснилось, это был один из абордажников. Нашлась и причина его нахождения здесь. Кожаный мешочек внушительных размеров, явно набитый не песком. Хм. Еще одна крыса? Или этот решил воспользоваться наследством, по случаю гибели владельца. Ладно, не суть.

Трап в верхние помещения. Опять узкий полутемный коридорчик. Но тут никого. Все помещения пусты, если позабыть об их обитателях, которые безвольно лежат в койках, изо всех сил борясь за жизнь. Вот только бесполезно это. Как бы то ни было, оставлять все на волю яда глупо. Мало ли, может кто-то сумеет преодолеть спазмы и поднять тревогу. Так что каждому по двадцать сантиметров холодной стали, чтобы чувствовать себя в безопасности.

С палубы слышатся голоса, кто-то отдает команды, кто-то их дублирует. Все как обычно, если позабыть о слышавшихся стонах, те кто покрепче, все еще подавали признаки жизни и в кому впадать не спешили. Как видно никто и не думает о неповиновении, смена командования прошла тихо и мирно. С другой стороны, что такого особенного в том, что Клык встал у руля, после того как выбыл капитан. Вооружение мушкетеров как

видно тоже никого особо не удивило, все удовлетворились объяснением офицера о наличии на корабле предателя. Разве только стали посматривать друг на друга с нескрываемым подозрением, ведь этот гад должен быть среди живых.

Все. Тихая охота окончена. Теперь нужно выходить. Опасно? Не без того. Но корабль заканчивал разворот, это чувствовалось по легкому крену. Почти все сейчас на реях, управляются с парусами. Еще чуть и ситуация поменяется, так что времени терять никак нельзя.

Приняв решение, Виктор слегка приоткрыл дверь и в образовавшуюся щель глянул на палубу. По всюду лежат в различных позах люди, но они его мало интересуют. Ага, а вот и двое из команды Клыка, стоят о чем-то беседуя и посматривая на то, как команда управляется с кораблем. Сколько там людей на шканцах не понятно, может только Клык, а может вместе с ним и рулевой. Нет, отсюда выходить опасно.

Выход на палубу через эту дверь нужно оставить на крайний случай. Виктор решил проработать еще один вариант. Пройдя в каюту капитана, уже покоящегося с миром, он выглянул в распахнутое окно. Трудновато, не без того, но вполне возможно. Вот только если там окажется больше чем один человек, то будет кисло, работать он сможет лишь одной рукой, второй придется держаться. Но даже если он ничего не сможет предпринять, то есть возможность посмотреть и оценить ситуацию у штурвала.

В который уже раз Виктор помянул добрым словом прежнее занятие Добролюба и то, что он, в свою очередь, постоянно следил за сохранением формы. Не будь его тело тренированным, то ничерта у него не получилось бы. Все же он везунчик. Никого лишнего, только Клык, лично стоящий у колеса штурвала, это все упрощает. Отец небесный, на помощь не уповаю, но хотя бы не мешай. Начали.

Взяв зажатый в зубах клинок, он метнул его в спину квартирмейстера, после чего, даже не глядя на результат, единым махом прыгнул на палубу. Теперь счет не то что на секунды, на мгновения. Тело упало одновременно с тем моментом, когда Виктор оказался на палубе, несколько размашистых шагов и он уже у перил ограждения, ножи в руках. Привлеченные подозрительным шумом матросы оборачиваются, но поздно, клинки уже в воздухе. Мгновение и они валятся на палубу хрипя и царапая стальные жала глубоко засевшие в их телах.

Карабин словно живое существо прыгает из-за спины в руки, сухой щелчок курка, глаза уже выискивают членов команды Клыка. Они цель номер один, потому как являются единственными, кто может поразить его на расстоянии. Их

должно быть еще двое. Есть. Вон они на баке, один уже в прицеле. Слышатся тревожные крики матросов распределившихся по вантам и реям. Выстрел! Первый готов. Он даже не понял сути тревожных выкриков. Второй все прекрасно осознал, но срабатывает стереотип мышления, действует он именно так, как здесь и принято. Вскидывает мушкет, чтобы поразить отлично виденного ему стрелка. Глупо. Нужно было сразу искать укрытие. Двойной щелчок поставленного на место кресала и взводимого курка, одновременно с проворотом барабана. Выстрел! Матроса отбрасывает на спину.

Рядом с ногой в доки палубы входит знатный такой тесак. Кто-то решил распрощаться с единственным своим оружием, чтобы поразить стрелка. То ли недостало мастерства, то ли исполнить это с качающейся мачты куда как сложнее, но его постигла неудача. Вон еще один замахивается ножом. Выстрел! Матрос срывается вниз и задев несколько канатов оснастки, с глухим стуком падает на палубу.

Виктор стреляет настолько быстро, насколько это вообще возможно, стараясь все время быть в движении, потому как могут появиться еще желающие достать его на расстоянии. Но таких больше нет. Он делает еще три выстрела и каждый из них в цель, проходит едва больше десяти секунд, но на палубе уже не меньше шести человек, которые соскользнули с рей при помощи свисающих канатов, сдирая в кровь ладони.

Карабин в сторону, мгновение и в его руках кольты. Сдвоенный выстрел и двое из бегущих в его направлении с изготовленными к схватке ножами, опрокидываются на спины. Может показаться, что в этом ничего сложного, расстояние не больше десяти метров, но это только кажется. Стрельба с двух рук дело не простое, требующее длительных тренировок, которые он сейчас поминает добрым словом. Выверенное движение вдоль бедер, оружие снова готово к бою. Руки разведены в стороны и когда по обеим лестницам на шканцы почти одновременно взбегают еще двое звучат выстрелы, с минимальным разрывом и оба в цель. Тут уж он бьет в упор, промазать очень сложно, хотя если запаниковать, позволить нервам возобладать над тобой, то вполне реально запороть и такой выстрел. Но Виктор на удивление спокоен, он действует словно автомат, полностью отстранившись и отдавшись на волю своим инстинктам бойца, которые успели в нем развиться за прошедшее время.

Снова готов. Двое склоняются над убитыми мушкетерами и завладевают их оружием. Сработал рефлекс. При виде вооруженного противника хочется как можно быстрее найти оружие, чтобы выступить на равных. Отдайся они своей ярости и

последуй за своими товарищами, то шансов у них было бы куда как больше, а вот у Виктора они быстро приближались бы к нулю. Эти парни привыкли к рукопашным и тот факт, что они сумели перейти в категорию старичков указывал на то, что драться они умеют. Два выстрела и завладевшие огнестрельным оружием пираты, уже никак не могут повлиять на дальнейший ход событий.

Выстрел! Левое плечо обожгло, словно кто-то приложил раскаленный прут. Но из-за хлынувшего единым, могучим потоком адреналина, Волков отмечает это как-то отстраненно, как бы со стороны, боль притуплена. Им сейчас завладела эйфория боя и нужно что-то более ощутимое, чтобы заставить его выйти из равновесия, чем какая-то царапина.

Взгляд в ту сторону, где должен располагаться стрелок. Понятно. Один из матросов завладел мушкетом одного из убитых на носу мушкетеров и сейчас тянется к другому мушкету. Виктор стреляет из двух стволов с минимальным разрывом. Расстояние около тридцати метров, но только одна пуля ранит стрелка в ногу, вторая бьет в фальшборт за его спиной. Но это на некоторое время гарантированно выводит его из строя.

На палубе людей все больше и больше. Многие бросаются к трапам и скрываются на артиллерийской палубе. Предугадать что именно они собираются делать не сложно. Им необходимо оружие, которое находится в арсенале. Другие кидаются к убитым, чтобы вооружиться их оружием. Виктор стреляет, но израсходовав последние четыре заряда, ему удается добиться только одного попадания. Затем он уходит за единственное доступное ему укрытие, короб механизма штурвала, в который бьет запоздалая пуля.

На время в воздухе повисает тишина, нарушаемая только криком чаек, скрипом рангоута, плеском воды за бортом и приглушенными ругательствами врагов. Он спешно перезаряжает револьверы, о карабине мыслей нет никаких, потому как на это времени не достанет. Он все время прислушивается к тому, что происходит вокруг, время от времени выглядывает из укрытия, дабы вовремя заметить того, кто решится броситься вперед. Теперь это весьма опасно, потому как в их распоряжении имеется около дюжины пистолей, с портупей убитых на баке мушкетеров.

Мысленно сам собой в голове выкладывается счет убитых. Получается восемнадцать, если считать раненного в ногу, то девятнадцать. Ого! Рэмбо, блин! Вот что значит внезапность и преимущество вооруженного против безоружных на тесной палубе. Но теперь все. Фактор неожиданности использован по полной, теперь придется воевать, а не стрелять в безоружных.

Буром они больше не попрут.

Виктор в очередной раз выглянул из-за короба и в тоже мгновение в доски обшивки с глухим стуком ударила пуля. Но он все же заметил, что вдоль обоих бортов, прикрывая друг друга и используя в качестве прикрытия, баркас, крышки люков, бухты канатов, пушки, одним словом, все что только может быть укрытием, пираты пошли в атаку. Времени совсем не оставалось.

К этому моменту он успел перезарядить только один револьвер. Больше для того, чтобы выиграть время, он выхватил две гранаты и бросил их по сторонам палубы, так чтобы они откатились к фальшбортам. Для этого совсем не обязательно показываться на глаза противнику и те не стреляют. Два взрыва звучат с небольшими интервалами. Слышится крик раненного. К сожалению только одного. Но зато атака временно захлебнулась.

Наконец он закончил перезарядку и выглянул с уже изготовленными к бою кольтами. Вовремя ничего не скажешь. Можно было и догадаться, что разрывы гранат если и задержат их, то совсем не на долго. Слева трое уже взбегают на лестницу. Сразу два выстрела, одна из пуль расщепила доску и в щеку впивается щепка. Виктор стреляет в ответ и одновременно поднимается на ноги. Опасно конечно, но встречать атакующих на закорках, еще опаснее.

Попала в цель только одна пуля. Атакующих теперь двое и взвести курки он больше не успевает. Вместо этого он бьет первого в грудь ногой. Схлопотав таранный удар тот отлетает на идущего следом и непроизвольно стреляет из пистоля в белый свет как в копейку. Пока на левом трапе образовалась маленькая куча-мала, Виктор обращает свой взор на правый. Там только один противник. Гранатой задело сразу двоих? Одновременно с этой мыслью он выпускает в него пулю и переключает свое внимание на последних двоих.

Разобравшись с ними, он обернулся к кормовому флагу и перерезав линь заставил его опасть. Это сигнал на Щуку. Кстати, что там за дела? Какой-то корабль небольших размеров стоит с полыхающими парусами, но 'Шустрый' вроде бодренько так несется на всех парусах к 'Ворону', впрочем он скорее идет на пересечку. Что же осталось недолго.

— Бах! Вжью!

Ох мать! Тот самый пират которого он ранил в ногу, все же сумел перезарядить мушкет и пальнуть. Виктор хорошо его рассмотрел, хотя тот пытается спрятаться, вот только как-то неудачно. То что голова спрятана вовсе не означает, что его не видно. Волкову прекрасно видна изрядная часть спины. Тщательно прицелившись он выпускает заряд в последнего

дееспособного противника из оставшихся на палубе. После этого он вновь начинает перезаряжаться и спускается по трапу. Конечно лучше дождаться подмоги, но вот только раздающиеся из трюма удары топора возвещают о том, что противник вскоре не просто доберется до оружия, но затем и до пороха, а значит сможет зарядить орудия, или взорвать бригантину к чертям собачьим. Ох дела наши тяжкие.

Опять узкий коридор, трап вниз, еще один коридор, тут никого. Осторожно приблизиться к двери, выглянуть на батарейную палубу, осторожно так, достаточно и маленькой щелочки. Крюйт-камера расположена ближе к корме, так что он отчетливо увидел стоящих у люка троих пиратов, которые в настоящий момент вооружены до зубов. До них метров шесть не больше.

По сторонам они смотрят внимательно, поэтому долго Виктору наблюдать не пришлось. Раздался выстрел и он уже в который раз за сегодня услышал стук свинца о сухое дерево. Как видно стреляли из пистоля, мушкет непременно пробил бы дверь насквозь. Кстати, двое вооружены как раз мушкетами. Едва эта мысль обожгла сознание, как он плюхнулся на пол. Но никто не стрелял. Как видно палить наобум им не хотелось, мушкетов только два, а пистолей побольше будет.

Выходит, арсенал вскрыт. А чего тогда топор продолжает стучать как заведенный. Крюйт-камера! Они во что бы то ни стало хотят добраться до запасов пороха! Но раз уж топор все еще стучит, значит дверь еще не подалась. Думая об этом он уже тянет из кармана гранату.

Виктор вновь приоткрыл дверь, но на этот раз он не стал выглядывать, а катнул туда гранату. Раздались еще два выстрела из пистолей, и мушкетный выстрел. Не стой он на четвереньках, то непременно получил бы увесистый свинцовый шар, а так он прошел высоко над головой. Взрыв! Толкнув дверь он ворвался на батарейную палубу, держа пистоли наизготовку. В просторном помещении висит белесый дым, но не сказать, что он застилает обзор, все же в заряде не так чтобы и много пороху, так что видно если и не четко, то терпимо. Один валяется корчась на палубе. Двое других оглушенные и дезориентированные ничего предпринять не успевают.

Два торопливых выстрела и Виктор уже у люка. Что там? Уже проломили дверь или прекратили работу из-за взрыва. Виктор взялся за последнюю гранату и в сомнении замер. Крюйт-камере в общем-то много и не надо, нос другой стороны иначе вниз и не спуститься. А-а-а черт, конец один, доведенные до отчаяния пираты вполне могут подорвать корабль, а если они еще не

вскрыли дверь, то и опасности никакой.

Граната летит вниз, а когда взрывается, следом сквозь выметнувшийся оттуда дым ныряет и сам Виктор. Раздаются три торопливых выстрела, а через несколько секунд над проемом появляется усталый и грязный Волков.

Парни сноровисто поднимались на палубу и прикрывая друг друга разбегались по палубе, беря ее под контроль. Вот только никого, кто бы мог им оказать сопротивление, в поле зрения не наблюдалось. Виктор сидел на бухте каната, устало привалившись к фок-мачте и с какой-то отстраненностью наблюдал за происходящим.

— Атаман! Ты в порядке!? — Зван обеспокоенно осматривает своего командира и отмечая, что на плече есть царапина, солидная, но царапина, которая уже и не кровит, в правую щеку впилась крупная щепа, но кровь тоже уже не идет. Но в целом вроде нормально.

— Мужики, а где вас носило? Меня же тут чуть не сожрали, — отчего-то вспомнив реплику червяка из бородатого анекдота рассмеялся Виктор.

Глава 9

По возвращении в Астрань никакого фурора или чего-то отдаленно напоминающего торжественную встречу, разумеется не было. На борт 'Ворона' поднялся портовый чиновник, поинтересовался принадлежностью корабля и грузом, после чего получил причитающееся и убыл восвояси. Правда настоятельно рекомендовал в кратчайшие сроки обратиться к полковому воеводе, с прошением о выдаче необходимых бумаг. Чего только не бывает в море, да и не перепадет от того чиновнику, так что к тому, что ему сообщил Виктор он отнесся вполне себе прохладно.

А вот воевода с искренним удивлением взирал на представшего перед ним мужчину в зверином обличии. За свои пятьдесят лет он встречал много наглецов, но чтобы вот такого, который станет глядя в глаза беззастенчиво врать… Нет, такие ему не попадались. Оно ить терпение у воеводы не безграничное, чтобы выслушивать всякие байки, с ним надо как на духу, как на исповеди. Потому как характером он был крут. С другой стороны глупцом не был никогда.

Виктор долго ломал голову как быть с кораблем, который вот так не просто достался ему. Окунь и члены его команды, понятное дело ни на что не претендовали, это добыча, а они в плавании были по найму и плату получили сполна. Зван, паразит такой пообещал тройную плату, словно у контрабандистов был иной выход. Но с другой стороны, Бог с ними. Подряжались-то на одно, участвовать пришлось в другом, опять же двое убитых, трое раненных, причем одного едва довезли и выживет ли неизвестно.

Едва узнав, что караван уже прибыл, Виктор поспешил отправить на тот постоялый двор гонца. Во-первых, нужно было отменить распоряжение по продаже скотины, очень он надеялся, что за те пару дней обстоятельные Богдан и Беляна, еще не успели все пустить с молотка. Во-вторых, попросить бабушку Любаву посмотреть раненных, все же люди получили ранения вытаскивая его из переделки. В настоящий момент они находились на 'Вороне', он куда больше подходит для их перевозки. Там же были и еще пять человек из команды щуки. Ох и намаялись же они с этим переходом, мало, что людей в обрез, так еще с морской наукой незнакомы, но ничего помаленьку, полегоньку все же управились.

'Шустрый' задерживался с прибытием по известным причинам. Награда там или нет, но груз нужно сбросить в надежном месте. Дело прежде всего. А уж потом с пустым трюмом и со всем уважением в порт. Оно бригантина могла и в море

обождать пол дня, но раненные ждать не могли им срочно нужна была квалифицированная помощь, так что пришлось разделиться.

Ну и немаловажен был молодой боярич Вяткин, над которым Бургас покуражился от души. Хорошо хоть живым и при памяти доставили, а то об их любви было давно известно, еще припишут, что пришиб его, из-за давних распрей. Так что оповестить гонец должен был и Смеяну. Вот сразу пусть убедятся, что к плохому самочувствию Бояна он не имеет никакого отношения. Оно конечно и за труп обещали плату, да только как бы та плата, плахой не обернулась. Лучше уж так.

А насчет корабля он все же удумал. Помнится еще на прежней Земле, он смотрел один документальный фильм о пиратах Карибского моря. Кажется эта идея принадлежала Эдварду Тичу. Обосновавшись на берегу и приняв личину добропорядочного сквайра он измыслил особый вид пиратства. Он вдруг стал обнаруживать в море бесхозные корабли, которые согласно существующего права становились собственностью нашедшего. Кажется, такое положение существовало и по сей день. Ну, в смысле там, откуда он прибыл. Не трудно догадаться как пират организовывал бесхозность кораблей, его притензии просто некому было оспорить, ведь никто из членов экипажа не выживал. С тамошним губернатором у него была договоренность. Так что до определенного времени, все было шито-крыто.

Окунь пояснил, что это вполне существует и здесь. Все что нашел в море бесхозное твое по праву и никто не может его оспорить. А кто собственно оспорит, коли вся команда до последнего человека крабов кормит. Боян не в счет. Даже если кто и захочет обратить на это внимание, он там был в качестве товара, но никак не члена экипажа. Да и сомнительно, что кто-то из Вякиных захочет так отплатить за услугу. Это нужно было скорее для Клузиума, никто иной в этом отношении даже не вякнет, а империя так и вовсе еще и похлопает в ладошки, ведь одним клузиумским пиратом, никак не подконтрольным им, стало меньше.

И вот теперь астраньский воевода взирал на того, кто с самым честным видом, ну насколько позволяла бандитская внешность, сообщает ему о счастливой находке.

— Это получается, что ты отправился на Клузиум, чтобы выкупить молодого боярича, уплатил откуп, а когда ворочался обратно, то встретил брошенный корабль?

— Именно так и было воевода батюшка.

— Ты за кого меня принимаешь? Хочешь, чтобы я поверил в такую басню?

— Истинную правду сказываю, — прижав руки к груди

продолжал уверять Виктор.

— Так может там зараза какая от которой и померли все, а ты ее в Астрань прямиком доставил.

— Нету там ничего. Кабы от болезней люди погибали, то тела непременно были бы, а тогда я и сам бы на борт не взошел бы. Но никого там не было, ни людей, ни трупов.

— А корабль прозывается 'Ворон', капитан коего держал в плену боярича Вяткина и капитану коего ты откуп отдал?

— Ну, да. Отец небесный ведет нас своими путями, для нас не исповедимыми.

— Да-а, такое и впрямь только Отцу небесному под силу. Вот только я не вчера родился. И помнится мне, тот пират отказался брать выкуп за боярича.

— Передумал он, воевода батюшка, жадная натура свое взяла.

— Ты кому врешь!?

— Не гневайся воевода батюшка, — смиренно опустив глаза, вдруг заговорил твердым голосом Виктор. — Но ить правда она разная бывает. Мы здесь, на корабле пиратов, из их команды никого не осталось, боярич, кровинка древнего рода хотя и не здоров, но на родину возвернулся. Так чья правда должна быть известна всем окрест, наша или Клузиума.

— Хм. Так ты мне-то правду скажи.

— Я тебе правду и сказываю. Самую что ни на есть. И ты можешь Отцом небесным любому поклясться, что сказываешь правду, ибо иного не ведаешь.

— Стало быть подтверждаешь все, что ранее тут говорил правда?

— От первого и до последнего слова, воевода батюшка.

Не глуп воевода. Оно конечно хотелось бы поставить наглеца на место и вызнать все доподлинно, мелькнула даже мысль о пыточной. Но потом он здраво рассудил, что прав этот шельмец. Кто пострадал? Пираты, от коих одни неприятности. А тут боярича из неволи вызволили, опять же со старшим Вяткиным он знался хорошо и тот нынче взлетел повыше самого воеводы. Да и случись какие неприятности, то он может положа руку на сердце заявить, что ничего не знал.

— Ладно, убедил. Верю. Я так понимаю, что тебе бумага на находку нужна?

— Нужна, воевода батюшка, дабы корабль этот под флагом Брячиславии в дальние моря хаживал и пользу княжеству приносил.

Ага. Это еще один плюс Воеводе. Можно сказать его стараниями в княжестве еще одно судно образовалось, причем

вполне законное. То что оно не казенное, а частному лицу принадлежит, то не беда, Миролюб вовсе не собирался подминать все корабли под свою руку, просто желающих строить большие корабли для себя никак сыскиваться не желали. Опять же, будь корабль военным, а это торговая посудина. Так что все одно к одному.

— Доставишь двух видоков к дьяку. Он опросные листы запишет, а там уж мне бумаги подаст с твоим прошением. Все, можешь идти.

Ясно. Решил на всякий случай все же подстраховаться. Вот и ладушки, это Виктора вполне устраивало, время вполне позволяло, над корабликом нужно будет еще потрудиться. Он сейчас не готов, чтобы справиться с той задачей, которую на него собирается возложить. Да и команды пока еще не было. Тот еще геморрой мог получиться.

Дьяк на долго их не задержал. Быстро записал показания, не особо вдаваясь в тонкости, после чего составил прошение от имени Виктора и взял причитающуюся пошлину. Волков решил не пускать дело на самотек и присовокупил к прошению пять рублей. Дьяк отнесся к делу с пониманием и заверил, что сам известит нового владельца судна, когда патент будет готов. По виду чиновника Виктор сразу смекнул, что пошел по правильному пути. Одно дело исполнять долг, но ведь к своим обязанностям можно подходить по разному и сроки могут быть с большим разбегом.

На постоялом дворе было все слава Богу. Переезд каравана прошел без происшествий, никто даже животом не маялся. Как заверила бабка Любава, никого из своих людей Окунь больше не потеряет, все раненные выправятся. А вот с Бояном было совсем худо. Перестарался Бургас изрядно. Парень отходил, может и протянет пару дней, но не больше. Хорошо было хотя бы то, что был он при памяти и мог разговаривать. Ну и ляд с ним. Добролюб свое дело сделал. Может можно было бы сладить и лучше, он не забывал слова Клыка, но уж Вяткины собирались действовать ничуть не лучшими методами. Им его живым из лап пирата вовсе не получить было, как и само тело, которое просто предали бы морю.

К вечеру на постоялый двор заявился капитан нанятого судна, явно взвинченный. Ему стало известно о том, что вошедшая сегодня в гавань бригантина принадлежит ни кому иному, как его нанимателю. Понятно, переволновался мужик. Еще бы выгодный фрахт трещал по всем швам. Однако Виктор заверил его, что договоренность остается в силе и что два корабля куда больше отвечают его требованиям, чем один.

Правда практичный владелец парусника тут же вскинулся, когда понял, что ему придется простоять в Астрани пока 'Ворон' не будет приведен в порядок в соответствии с требованиями для перевозки животных и не наберет команду. Это как же, терять просто так месяц.

Киренаикиец тут же начал выдвигать предложения по использованию этого времени к своей выгоде, а именно принять какой груз и совершить плавание по Теплому морю. Мол и клиент уже есть. Но тут Виктор стал твердо и заявил, что согласен оговорить условия простоя. Найти корабль в Новый Свет, да еще и из самой Астрани, дело вовсе не тривиальное, так что он готов был потерять еще толику денег, но чтобы судно было под рукой. Море оно такое, может шторм случиться, могут пираты повстречаться, а может кто в дальнем порту предложит и более выгодный контракт, деньги-то вперед не плачены, только договор составлен, но кто сказал, что западнику нельзя пренебречь обещанием славену. Договорились.

Только распрощался со шкипером, как появился Окунь. Хорошо хоть на бригантине оказалась изрядная казна, удачное начало сезона у Бургаса оказалось большой удачей для Виктора. Так что он мог обойтись и без награды боярской, и в кубышке неслабо осталось, и с контрабандистом расплатился честь по чести, да еще и за перегон корабля отдельно приплатил.

Но пренебрегать переданными деньгами Виктор не стал. После подсчетов вдруг выяснилось, что его капитал возрос более чем втрое. Это он удачно сплавал или моряки правильно говорят сходил. Хм. Нужно привыкать, чтобы не выглядеть совсем уж бледно, все же судовладелец. Оно вроде документа правообладателя пока нет, но то дело времени, притом и не столь уж и продолжительного.

— Поблагодарить хотел за заботу о раненных, — присев напротив Виктора произнес Окунь.

— То не меня, а бабушку нужно благодарить.

— Ей уже поклонился и добрым словом и деньгой, да ить она не сама на корабле появилась, ты призвал.

— Ну, тогда не за что.

— Я тут слышал ты, на призе своем в Новый Свет собрался?

— Хочешь шкипером ко мне?

— Э-э не-е, от добра, добра не ищут. Но тут уж так вышло, что хотя я и потерял двоих в этом рейсе, но и заработал изрядно и опять же договор с тобой честь по чести исполнил. Ну чего скалишься? Ну да, под стволами мушкетов твоих архаровцев, но ить исполнил.

— Исполнил, исполнил, не кипи как самовар. Вот хочешь,

сейчас на площадь выйду и во всеуслышание заявлю, что знатный контрабандист Окунь, слову своему хозяин.

— Нет. Так не хочу. И не контрабандист я, а честный муж Астраньский, рыбной ловлей пробавляющийся. О том всем ведомо, пусть и далее так будет.

— Пусть, — легко согласился Виктор.

— Кому надо, тот и так узнает, — уточнил свою позицию кормчий. — Я тебе не о том хотел сказать. Есть у меня один паренек на примете. Морскому делу знатно обучен, хаживал на иноземных судах.

— Отчего же не сосватать его на те корабли, что вскорости в строй войдут?

— Можно и туда, да только тут ить дело какое. Капитаном ему не стать, в лучшем случае только боцманом, потому как он без роду без племени и служба на княжьих кораблях, только пожизненная. Да и патента капитанского нет.

— А у меня выходит, может сразу в капитаны скакнуть? Ты меня за кого принимаешь? Как я смогу довериться тому, о ком ничего не знаю, да еще и без патента?

— Патента нет, но кормчий он знатный. Опять же в тех местах бывал. Молодым ить на месте не сидится, хочется мир посмотреть, вот и посмотрел, да обучился многому.

— А как он и себя и нас на корм рыбам пустит?

— Не стал бы я тебе неуча советовать и кровиночку на убой посылать. Племяш он мой родный, так что сомневайся я в нем, то советовать не стал бы, не враг чай. Как брату на том свете в глаза глядеть буду. Но вот случилась оказия пособить парнишке, так отчего же не сделать. Опять же, команда тебе потребна будет, снова пособлю племяшу, наберем добрых моряков, чтобы и дело знали и в подспорье племяшу были, а не бузотеры какие.

— Тут ведь дело какое. Я обратно не собираюсь возвращаться, а так чтобы корабль в одной стороне, а я в другой… Не порядок получается. Пока по морям там ходит ладно, но порт приписки там где я буду.

— Гхм. Не успел еще отчалить, а уж сманиваешь к себе на совсем. Тебе главное корабль довести и людей в сохранности, ну а как приветить людишек, чтобы они при тебе остались уж сам решишь.

— И что, вот так вот кровинушку отпустишь?

— Скучно ему в Теплом море, когда из конца в конец за несколько дней обернуться можно, все одно не удержу. А ты вроде мужик справный, иначе твои обормоты не рвались бы за тобой в пекло. Глядишь присмотришь за ним.

— Ну присылай его. Устрою ему экзамен.

— Так ты же ни уха ни рыла в нашем деле. Ты уж извини.

— Я, да, а вот нанятый мною шкипер очень даже разбирается, придется его еще деньгой одарить, чтобы он его поэкзаменовал.

Оно вроде и глупо так поступать, но по всему выходило, что парень и впрямь толковый, сам знающий насколько может быть опасным море, Окунь, нипочем не стал бы советовать родного племянника, не считай его достойным. Ведь тот по недомыслию мог и корабль угробить и себя грешного, а здесь родственные узы значили очень много. С другой стороны, заиметь шкипера из славен, куда как более предпочтительно, но стоящие кормчие они все с семьями и на совсем уж большие сроки от родного очага не оторвутся, а зимовать так тут и вовсе, только домой. Иное дело, коли на службу государеву, тут уж никуда не денешься, просто нет выбора, Великому князю не больно-то и возразишь, хотя и не хочется с вольготной жизнью прощаться, но приходится.

Вот же, гадство. Вроде и провел на корабле всего ничего, а подиж ты, привык к постоянной качке, так что теперь и не уснешь. Нет ни скрипа такелажа, ни мерного покачивания на волне, словно в колыбельке, а вполне себе твердо стоящая на грешной земле кровать, да то разрастающийся, то затихающий брех собак. Виктор в очередной раз перевернулся на другой бок и постарался отстраниться от окружающего мира, изгнав все мысли из головы, обычно это средство помогало.

Далеко за полночь он все же умудрился задремать, да видно не судьба. Кто-то аккуратно так, словно котенок заскреб в дверь. Виктор подумал даже, что ему померещилось, уж больно осторожно и тих скреблись. Спать с незапертой дверью дураков нет. Мало того, он и оружие изготовленное к бою держал при себе. Вот вроде уже ничего и нет. А нет, вот опять. Сам не зная почему, Виктор решил подыграть тому кто за дверью, правда не забыв прихватить кольты. Мало ли.

— Кто? — Став рядом с дверью и держа оружие на изготовку, поинтересовался он шепотом.

— Я.

От этого 'я', он едва не выронил из рук оружие, даже шепот, доносящийся из-за двери не смог изменить этого голоса. Не веря самому себе, он суетливо отодвинул засов и слегка толкнув дверь, сделал пару шагов назад. Дверь отворилась до конца, и тут же была закрыта, едва пропустив во внутрь легкую фигурку, в ночной рубашке, закутанную в просторную шаль. Смеяна! Она в любом наряде обворожительна и надолго приковывает взгляд, заставляя думать только о ней, а в этом…

— Не ждал? — Понурившись, едва слышно произнесла она срывающимся голосом.

— Н… Гхм. Ты как тут? Случилось чего?

— Нет. Просто…

— Понятно, — вдруг начал злиться Виктор. Спроси его, на кого направлена та злость, он не нашелся бы что ответить. Он был зол на нее, он был зол на себя и на весь белый свет в придачу. — Значится слово боярское дорогого стоит. Да только и для меня оно не пустой звук. Сказывал же, плату серебром возьму.

— Глупый. Отец небесный, какой же ты глупый, в скинулась она, жарко зашептав. — И я дурында, коли раньше в себе разобраться не смогла. Думала, что Боян моя судьба, а как тогда силы в себе нашла, сказать, так с того дня и покоя не ведаю. Люб ты мне.

— А как же Боян.

— И он люб, но вы разные и к тебе сердечко тянется, хотя и мыслю, что вместе нам не быть. Но уж одна ночь, наша и никто тебя у меня сегодня не заберет, ни дочка твоя, ни супруга покойная, кою по сей день чтишь. Мой. Сегодня мой, даже если погонишь никуда не уйду.

Последние слова она говорила уже прильнув к могучей груди и обдавая ее своим жарким дыханием. Глухо брякнули выроненные пистоли, а руки сами собой обняли податливое тело. Разверзнись сейчас под ним земля, он не выпустил бы ее. Ворвись сюда кто, и он не задумываясь убил бы любого, он был готов уничтожить весь свет, если только кто попытался бы помешать им в этот момент. Сейчас на всем белом свете для него существовало только это мгновение и ОНА, столь желанная и наконец обретенная.

***

Карета плавно покачивалась, катя по мягкой полевой дороге, вздымая за собой пыль. Благо возница особо не погонял и кони шли легкой рысью. Будь иначе, пыли было бы столько, что она забила бы все помещение и дышать было бы нечем. Впрочем, ее хватало и сейчас, поэтому время от времени раздавались чихания.

В очередной раз чихнув, Смеяна вдруг вспомнила как все же привольно путешествовать верхом. Там конечно пыли тоже в достатке, тем более, что двигаться приходится в окружении боевых холопов, но зато тебя овивает вольный ветер и самочувствие много лучше, чем в душной карете, с поднятыми окнами. Опускать их никак нельзя, иначе пыли станет не в пример больше, настолько, что не поможет и появившийся

сквозняк. К тому же последний вреден для годовалого сына.

Мысль не смогла в достаточной мере задержаться на верховой езде и плавно свернула на дела насущные. Отец небесный, за что ей это? Чем она прогневала Бога, что он послал такое испытание? Все верно. Прелюбодеяние тяжкий грех и с тем ей теперь жить, до конца дней своих. Никто ей не сможет помочь, видно судьба такая.

Два дня после той ночи она жила словно сама не своя. При виде Добролюба, ее сердце начинало петь, а на щеках сам собой загорался румянец, оборачиваясь спиной она чувствовала его взгляд и от того у нее словно крылья вырастали. Когда же возвращалась в светелку где лежал Боян, на грудь наваливалась непереносимая тяжесть и сердце начинало болеть от нестерпимой боли. Кто же из них был дороже? Ответа на этот вопрос она не знала и сейчас.

К исходу второго дня в Астрани появился Угрюм. Боян словно ждал прибытия старшего брата. Ему как-то сразу полегчало. Поговорил с ним, а потом тихо отошел. В граде их теперь больше ничего не удерживало. Уже на утро, скорбная процессия двинулась в обратный путь. Сердце Смеяны при этом разрывалось на части от охватившего ее горя. Одного любимого она везла, чтобы схоронить в родовой усыпальнице, второй был жив, но и его она потеряла на всю жизнь, потому как совсем скоро он направится за океан, откуда уже не вернется.

Но беды молодой женщины на том не закончились. Угрюм, возжелал воспользоваться древним правом близкого родственника и жениться на Смеяне. Не будь у нее детей или родись дочь, то она могла и отказаться от подобной чести, но у нее был сын, потомок рода Вяткиных, Вяткин по крови и по праву. Теоретически он был наследником рода, хотя на деле такое было маловероятным. С другой стороны у Смолиных еще был жив пример того, как младший отпрыск, неожиданно оказался единственным кто мог наследовать древнему роду.

Так что по всему выходило, что Угрюм имел право взять жену своего брата и воспитать его сына. Это было совсем не обязательным и вдова могла пойти за другого, при этом сын так и остался бы Вяткиным, но старший брат, сам вдовый возжелал воспользоваться древним правом и никто ему в том не мог воспрепятствовать.

Не сказать, что Угрюм был плох, жесток или имел какой иной изъян. Нелюдим, малообщителен, даже с женой, в коей души не чаял, разговаривал так, словно слова через губу выплевывал. Но при этом они друг друга любили и жили душа в душу. В общении с детьми он преображался, дурачился и играл с ними, так что

сразу и не поймешь, что это тот самый Угрюм. Этот мужчина мог быть завидной партией, вот только иначе как старшего брата мужа, она его воспринимать не могла. Но и поделать, что-либо было не в ее власти.

Вскоре карета вкатила во двор господского дома, в сельце пожалованном главой рода сыну на прокорм. Ничего у нее не было своего, только наряды, да украшения, в остальном она жила милостью свекра. У Бояна было какое-никакое жалование, но оно было скорее символическим, потому как род заботился о своих отпрысках. Нет, винить кого-то в жадности она не собиралась. Это было нормально. Владения должны были переходить по наследству к старшему сыну, единой и неделимой вотчиной, дробить их никто не собирался, так как это неизменно вело к ослаблению рода.

Решением Вяткина старшего, Угрюм и Смеяна, после венчания будут жить именно в этом селе. Здесь решили и венчаться, как минует сорок дней. Ни о какой свадьбе и речи быть не может. Коли выдержали бы год, тогда дело иное, а так, только венчание в узком семейном кругу. Только теперь Смеяна вдруг поняла, насколько желал ее Угрюм, коли настоял на минимальном сроке, дозволенном приличиями и церковью.

Неделя прошла в какой-то отстраненности, она словно со стороны наблюдала за собой, за тем, как она ела, давала распоряжения по хозяйству, заботилась о сыне. Все это время она была рассеяна, могла по нескольку раз отдать один и тот же приказ, или вовсе противоречить самой себе. Только одно она знала точно, даже если ее разбудить среди ночи, то безошибочно ответит сколько дней осталось до венчания. Каждый прошедший день, каждый закат отдавались в ее груди тяжким и протяжным звоном, слышимым только ею.

Вот еще один день миновал. Осталось десять. Усадьба как и село погрузилась в сон. Она подошла к колыбельке, в которой мирно спал сын, рожденный в любви, в том сомнений никаких. Да она согрешила, но она искренне любила мужа. Что же, пора смириться с потерей. Может и права молва — стерпится, слюбится. И иные дети у нее будут и будет она их любить, даже если муж нелюбим, дети они всегда подле сердца матери.

Она едва не закричала дурным голосом, когда в окно ввалился какой-то мужчина, в странной одежде и изборожденным шрамами как висельник лицом. Такое зрелище кого угодно напугает до колик, да и некому иному так вламываться в дом, если это не тать. Однако, она вовремя рассмотрела и узнала этого человека, едва сумев подавить чуть не вырвавшийся наружу испуганный крик, зажав ладошками рот, от чего в светелке

раздался только слабый сдавленный писк. Добролюб! Но как?

Виктор стоял и смотрел на ту, ради которой был готов на многое и в общем-то сейчас и делающий это самое, 'многое'. Этот его поступок ставил его в пику одному из самых могущественных родов Брячиславии, вот только чихать он хотел на все. Если бы она ничего не предприняла, если бы не пришла к нему той ночью, то ничего этого не было бы, но после того… Он не мог позволить себе потерять ее опять. Вот если она сама прогонит, оттолкнет… Будет тяжко, но зато все точки будут расставлены.

После той ночи, он буквально преобразился. Его просто переполняла энергия и он с удвоенными усилиями взялся за воплощение в жизнь своих планов. Одного мимолетного взгляда на Смеяну было достаточно, чтобы эта энергия начала бурлить с удвоенной силой, а мысль о том, что Бояну осталось недолго, вообще заставляла всего трепетать. Грешно ждать чьей-то смерти с таким нетерпением, так что на него порой накатывали угрызения совести и чувство вины. Но не сказать, что подобные мысли могли удержаться в его голове надолго. В конце концов, он сделал все от него зависящее, чтобы спасти его жизнь. Да, можно было реально ее спасти, а не доставить израненного человека, чтобы он умер на руках близких, но это была глупость, непредусмотрительность, все что угодно, только не злой умысел или трезвый расчет.

Когда Смеяна уехала в сопровождении брата покойного боярича, Виктор вдруг полностью осознал, что это все, конец. Она была с ним только раз и как сказала, была вся без остатка, это все, что она могла ему дать и судя по всему, взять себе. Отдайся она ему просто, так сказать в исполнение своего слова, он все одно сделал бы это. Заявлять, даже самому себе, что такого ему не надо и удержаться от подобного соблазна, вещи абсолютно разные. Когда тебя переполняют чувства на протяжении длительного времени, ты просто не способен отказаться. Иное дело, что порой случается так, что твои ожидания не оправдываются и тебя охватывает разочарование. Но вот он разочарован не был. А главное то, что сказала Смеяна. Он не был ей безразличен, это не было простым исполнением данного обещания, она сама желала этого и не из-за похоти. Тут еще и бабка Любава, выступила в роли истопника и подкинула пару поленьев, когда брякнула не подумав, о том как Смеяна своей грудью кормила Неждану, даже после того как малышку забрали в дом Бояна, тогда она уже знала, что она его дочь.

С отъездом Вяткиной, Виктор вновь преобразился, вот только не в лучшую сторону. На него часто накатывала апатия и он забрасывал дела, пуская их на самотек. Однако дела все одно

двигались вперед, и силой заставляющей его делать хоть что-то была дочь. Потетешкавшись с Нежданой, Волков возвращался к делам, вот только задора и огня уже не было. Все время после отъезда любимой, он походил на тягловую лошадь, тянущую тяжело груженную повозку и понукаемую возницей.

В немалой степени снаряжение кораблей и людей в дальнее странствие легло на плечи Богдана и Беляны. Эти были теперь заинтересованы в отплытии лично, поэтому старались не за страх, а за совесть. Наличие второго корабля во многом снимало сложности по комфортному размещению нуждающихся в этом, детей, стариков и беременных женщин, несмотря на строгие наставления Виктора таких было трое. Ничего, Бог даст, все срастется так как надо. Так вот, эта пара тоже изъявила желание отправиться в дальнее путешествие и никаких возражений слушать не хотела. Хм. Вообще-то, Виктор ни разу не был против, тем более, что на 'Вороне' должна была находиться и их лекарка. Волков твердо решил не допустить гибели ни одного человека, а потому все рекомендации лекарки и бывалых моряков выполнялись неукоснительно, несмотря на лишние затраты.

Беляна, не полагаясь на свои познания и опыт, не стеснялась советоваться с бабами, по поводу того, что им может еще понадобиться, стараясь не упустить ничего. Богдан, так же старался во всю использовать тот факт, что у них в распоряжении теперь появился еще один корабль, способный унести большой груз. Так что в числе закупленного был и большой запас железа. Разумеется они не принимали решения самостоятельно, а советовались с Виктором, но он только одобрительно кивал, не забывая правда обратиться к капитанам кораблей, которым четко были даны указания, не допустить перегруза судов. Однако с этим похоже проблем возникнуть не должно, скорее у него иссякнет казна.

Наконец снаряжение кораблей подошло к концу. За это время, 'Ворон' успел сделать пробный двухдневный выход в море, с новой командой и под руководством молодого капитана, за которым присматривал шкипер, разумеется за отдельную плату. Все прошло великолепно и иноземец остался доволен как действиями капитана, так и самой команды.

Первым в море вышел, зафрахтованный барк. Он имел более низкий ход, поэтому должен был добраться до порта Сана, на западном побережье Империи, где ему предстояло пополнить припасы и там дождаться подхода 'Ворона', который задерживался с отплытием. Виктор решил оставить старое название, разве только его переписали на славенском.

Когда оставалось только поднять паруса и двинуться в путь,

Виктор вдруг понял, что не сможет просто так уехать. Он назначил крайний срок, до которого его следовало ждать и один, со сменными лошадьми тронулся в дальний путь. Порывавшихся его сопровождать ватажников он просто одернул и велел не дергаться. Это его личное дело и его риск, никого подставлять он не собирался и случись, за все ответит сам.

Добравшись до Брячиславля в рекордные сроки, он узнал обо всем, что случилось со Смеяной и о близкой свадьбе с Угрюмом и о том, что она в настоящий момент скорбит о покойном супруге в селе, отданном им на прокорм. Вот только есть ли у нее желание выйти замуж за брата Бояна, или она поступает таким образом под тяжестью обстоятельств, оставалось все еще неизвестным и он был намерен выяснить это доподлинно.

Пару дней он наблюдал за господской усадьбой, расположившись на высокой сосне и делая по ночам вылазки. За это время он успел разобраться и с системой охраны и расположением обитателей дома. Так что действовал он не наобум, а вполне продуманно, с холодным и ясным расчетом, используя все свои навыки наработанные за бурное время.

— Здравствуй, Смеяна. Ты уж прости, что как тать к тебе пробрался, но с красного крыльца, меня никто не впустил бы.

— Но…

— Хотел поговорить. Мой корабль уже готов двинуться в путь, только распустить паруса. Но вот жизни мне без тебя нет. Если сказанное тобой не пустое, то хочу позвать тебя с собой.

— Нет. Не могу я. Мне ведь скоро под венец.

— Значит, ты сама желаешь Угрюма, — горестно произнес Виктор. Он не вопрошал, а говорил как человек которого постигло большое разочарование, как пришибленный горем страдалец.

— То не важно, — тяжко опустившись на лавку и понурившись, ответила молодая женщина. Вот только несчастный ее вид, вдруг взбодрил Виктора. Она не хочет этого! Она вынуждена так поступить, но не хочет!

— Смеяна, брось все и иди со мной. Ведь вижу, что не мил тебе Угрюм и за него ты не желаешь, ведь ты хочешь быть со мной. Хочешь, но не можешь, потому как считаешь, что это недостойно дочери боярина. Но что недостойного в любви? Там в Новом Свете, все по иному и там мы будем счастливы.

— Да я с радостью отправилась бы с тобой, но закон на стороне Угрюма и его родовичей, мой сын Вяткин и он желает взять о нем заботу. Если поступлю по своему, то не будет нам прощения.

— Плевать. Нам бы только до Астрани добраться, а там ищи

свищи. А как новых берегов доберемся, так нам сам черт не брат. Пусть попробуют до нас дотянуться.

— Дак там ить тоже, власть Великого князя.

— Какое ему дело до того, что Вяткины не смогли совладать со своей невесткой. То дело семейное, так что пусть сами и разбираются.

— Даже коли и так. А как быть с многолетней дружбой меж родами Смолиных и Вяткиных. Посеять раздор и вражду?

— Пустое. Ты сейчас к роду Смолиных не принадлежишь. Ты вообще была бы вольна делать все что угодно, коли Угрюму не возжелалось бы тебя получить. Ты Вяткина и поступки твои повредить Смолиным никак не могут.

— Нельзя так.

— Можно, — убежденно сказал, словно припечатал Виктор. — Нельзя измываться над собой, коли можно этого избежать и быть счастливым. Решай. Времени нет вовсе. Либо ты пойдешь с тем кого любишь и проживешь остаток дней счастливой, либо будешь всю оставшуюся жизнь мучиться и сожалеть о том, что не сделала одного единственного шага, способного изменить всю твою жизнь.

— Но как же так-то. Нет. Нет, я не могу. Уходи Добролюб. Богом тебя заклинаю, не мучь ни себя ни меня.

— Смеяна.

— Уходи.

Что же, он хотел расставить все точки. Расставил. Правда, расчет был на совсем иной результат, но вышло так, как вышло. Главное слово было за ней, потому как именно Смеяне предстояло сделать выбор, именно она была связана по рукам и ногам и это ей нужно было порвать оковы. Она сделала свой выбор и теперь им с этим жить. Жить порознь, каждому своей жизнью и лучше как можно быстрее позабыть друг о друге. Вначале будет трудно и больно, но время и большие расстояния помогут если не излечиться полностью, то притупить боль, он это знал точно. Сейчас же нужно просто уйти и ни в коем случае не оборачиваться, иначе сил сделать это не останется.

— Отец небесный, да что же это! Любый!

Смеяна не отдавая себе отчета, бросилась к отвернувшемуся от нее мужчине и повисла на нем, желая всеми силами удержать его подле себя. Волков весь сжался, едва сдерживаясь, чтобы не дать волю своим чувствам. Чертова баба! Она что думает, что ему сейчас легко!? Стоять! Не оборачиваться! Кулаки сжимаются с яростной силой, так что пальцы побелели, а в суставах образовалась ломота, челюсти сжаты так, что еще малость и зубы покрошатся в крошку, на лбу выступила холодная испарина, а в

глазах вселенская печаль и боль. Но она ничего этого не видит, только чувствует, как он весь напрягся, разом превратившись в камень. Только не оборачиваться, потому как это будет конец. Никого он больше не будет слушать, а схватит в охапку свою ладу и потащит ее с собой, как бы она не брыкалась. Он вдруг ощутил это всем своим существом, потому как почувствовал как в нем просыпается зверь, живущий только своими инстинктами и берущий все, что считает своим по праву, не спрашивая о том никого.

— Прости меня, дурру грешную. Согласна. Я на все согласна. Даже если придется конец принять, то вместе с тобой.

А вот теперь, только бы не потерять голову. Ага. Легко сказать. Смеяна тут же оказалась в крепких объятиях, и он с жадностью впился в ее губы. Страсть волной начала подниматься в них, угрожая затопить собой все. Да что там, грозить, когда она трясясь как осиновый лист, уже тянет его к постели, а он как телок идет на привязи, не в силах противостоять собственным желаниям.

Однако, толика здравого смысла у него все же еще осталась и он сумел таки вынырнуть из затягивающего омута. Больно! Боже, как же больно! Душа разрывается на части, от того, что приходится гасить всеобъемлющий восторг. Стоять, телячья немочь!

— Милая, лада моя. Потом. Все потом. Нужно торопиться. Обряжайся для верховой езды, возьми вещи для сына и все.

— Д-да, к-конечно. Ой, а как же…

— Более ничего не бери. Ночь уж на убыль пошла, нужно спешить.

Конечно Виктор не мог знать наверняка, согласится ли Смеяна, но надежду на то имел, а потому и позаботился обо всем. Сейчас на опушке леса их дожидались четыре лошади, одна из которых была оседлана дамским седлом. Волков помнил, что она хорошая наездница, сейчас это было как нельзя кстати, потому как от будущего счастья их отделяла только скорость, выносливость лошадей и их силы.

Чего стоила им та многодневная скачка, лучше и не думать, потому как вымотались они до последнего. В Астрань они прибыли на взмыленных лошадях, едва не падая от истощения. Как не странно, но легче всего перенес тяжелое путешествие маленький Ратибор, проведший почти весь путь на руках Виктора, что измотало его почище любых иных нагрузок. Усталые, изможденные и вымотанные до последнего, но счастливые, они поспели вернуться к сроку назначенным Виктором и даже на три дня раньше. Поди пойми этих влюбленных, на что они способны

когда оказываются вместе и задаются общей целью.

Знай Вяткины откуда пришла беда и в каком направлении искать беглянку, то скорее всего им все же не удалось бы благополучно закончить свое путешествие. Но, как говорится — у убегающего одна дорога, у догоняющего, сотня. Видно Отец небесный простер над ними свою длань, весь путь они проделали без происшествий и лишних задержек, двигаясь настолько быстро, насколько это вообще было возможно в данное время.

Виктор открыл глаза и взглянул на низкий потолок просторной каюты, чувствуя как уже привычно покачивается его ложе. Скрип такелажа, качка, слышащиеся команды, если ты хоть раз путешествовал на корабле, то навсегда запомнишь признаки указывающие на то, что корабль в настоящее время находится в движении.

Он повернул голову набок и увидел, сидящую у распахнутого окна Смеяну, держащую в руках ребенка и улыбающуюся ему так, как может улыбаться только любящая мать. Сколько бы он не провалялся, она спала значительно меньше. Вопреки расхожему мнению, женщины все же куда более выносливы, чем мужчины, и восстановить силы они могут значительно быстрее. Вот и его любимая, встала раньше него и мало того, уже проявляет заботу о сыне. Виктор невольно залюбовался представшей картиной и перекатившись для удобства на бок стал всматриваться в любимый образ, млея от охватившей его нежности.

— Ой. Ты уж проснулся.

— Ага.

— И давно за нами наблюдаешь?

— Не знаю, — искренне ответил Виктор озаряясь счастливой улыбкой и впрямь потерявший счет времени.

— Есть будешь? Я сейчас попрошу Беляну и …

— Нет. Это потом.

— Ты не голоден?

— Голоден и готов быка съесть, но это подождет, — Виктор легко соскочил на пол, или палубу, с этим нужно будет еще разобраться, а затем спешно оделся. — Вот уладим одно дельце, а тогда уж и поедим.

Выйдя на палубу он тут же оказался под жаркими лучами солнца. В каюте было куда как прохладнее, оно и тень и сквознячок гуляет в распахнутые окна. Здесь же было самая натуральная жара, от которой не спасал и ветер. Люди старались располагаться в тени от парусов, на баке растянули тент, под которым так же расположились пассажиры. По вантам и реям сноровисто движутся матросы, споро управляясь с оснасткой, как видно корабль готовится к какому-то маневру. Для Виктора это

темный лес, но догадаться о чем-то таком можно. Чего без дела заставлять маяться людей. Море относительно спокойное, лишь незначительная волна, которую и волнением-то не назовешь, корабль летит под всеми парусами.

До ноздрей донесся запах навоза, свежего молока и сена. Ну прямо утро в деревне. Большая часть батарейной палубы сейчас отведена под скотину и лошадей. От пушек Виктор отказываться не стал. Оно можно было их и продать, да только денег на закупку всего необходимого достало и без того, еще и осталось, а пушки это дело такое, никогда не помешают, ведь не на обжитые места собрались. Там все может случиться, от столкновения с аборигенами, до нападения беспокойных соседей или пиратов. Против последних аргумент в виде установленных в нужном месте пушек, наиболее весом.

В планы Виктора теперь вовсе не входило селиться в славенской колонии. Ну их к ляду. Мало ли как там и что, ведь Вяткины так просто обиду не спустят. Сомнительно, что великий князь влезет в эту склоку, очень сомнительно, но зато родовичам покойного мужа Смеяны, а главное униженному и оскорбленному Угрюму, куда легче будет добраться до обидчиков в местах обжитых. Так что лучше создать новое поселение. Оно с одной стороны вроде и опаснее, чем сходить на берег там, где уж есть соплеменники, но с другой от них же опасности ждать и не стоит. Да и Миролюбу это только на руку, вместо одного поселения, появятся сразу два.

Виктор поднялся на шканцы, теперь-то уж его никто не одернет, чай его корабль-то. Поздоровался со Студенеем, как звали молодого, лет двадцати пяти, капитана, поинтересовался делами на корабле, а потом огорошил вопросом.

— А правда ли, что капитан на корабле, первый после Бога?

Студень с нескрываемым подозрением взглянул на Виктора. Не покушается ли тот на права капитана, оно ведь как ни крути, а он владелец судна. Ох не даром все шкиперы, с кем ему доводилось ходить по морям, всегда как огня боялись присутствия на корабле его владельца.

— Правда, — осторожно ответил он, еще не понимая куда клонит собеседник.

— Выходит, случись отпевать кого, то ты имеешь все права сделать это вместо священника?

— Ну, да. Только все здоровы, а питание такое, что о том и мечтать нечего. Эвон и молоко парное и сыр свежайший и сметана и яйца, я и не припомню такого, сколь по морям хаживаю. Опять же и цинга нам не грозит, запаслись в путь, опыт у меня в таких долгих переходах есть, так что отсюда беды не

жди.

— Ага. Тогда получается, и окрестить кого сможешь?

— Могу, — в конец растерялся Студень, — да только нам столько в пути не быть, чтобы в море кто разродился, я у бабушки Любавы о том уж узнавал.

— А вот скажем, обвенчать кого?

Так вот куда клонит Добролюб. О его похождениях и о том, кого он привез парню уж было известно, потому при последних словах он озарился понимающей улыбкой. А что, Добролюб ему нравился, несмотря на свое отталкивающее обличье. Опять же люди знавшие его куда как дольше, к нему не просто с уважением, а даже с любовью, знать человек достойный. Да и за то время, что он знал его, он уже успел проникнуться к нему уважением.

— Могу и обвенчать. Только потом нужно в церкви запись подобающую сделать, опять же с моего подтверждения.

— Но даже до того, сколько бы времени ни прошло, брак тот действительный?

— Так и есть.

— Отлично. Готовься, через час будем венчаться.

— Да как же это, — вдруг растерялся Студень, — Я ить никогда… Мне подготовится надо. В писание заглянуть, чтобы все ладно, по закону божьему. А может погодим до Саны? Там чин чином в церкви и обвенчаетесь, — попытался он все же свалить со своих плеч ответственность.

— До туда сколько еще идти, а мне все, уж край как невтерпеж. Там конечно церковь посетим, чай православная, там и запись сделаем, но венчаться будем через час.

Размечтался. Как только Беляна узнала чего удумал этот олух, то едва не набросилась на него с кулаками. А как же, обед-то праздничный устраивать нужно и никто лучше нее с тем не сладит, потому ее он поставил в известность в первую очередь, после капитана. Не желая слушать никаких отговорок, она усадила его есть прямо на камбузе, потому как ходу ему в свою каюту не было, а сама убежала чтобы огорошить нежданной вестью Смеяну. Ну не успел он сказать, что молодая как бы еще не в курсе намеченного мероприятия…

— Ох ты и баламут, Добролюб, — прильнув к груди мужа счастливо улыбаясь вынесла свой вердикт Смеяна.

— А что не так-то? — Шутя возмутился этому Виктор, прижимая к себе супругу и скосив на нее взгляд.

— Дак ить, хоть бы спросил, согласная ли я. А может я просто сбежала, чтобы от постылого брака избавиться.

— А как же: 'Любый мой'. Или уж и не люб.

— Да, люб, люб, успокойся. Просто как-то оно все не по людски. Опять же без церкви.

— Я столько не выдержал бы, а ты без венчания к себе не допустила бы, чай нам среди этих людей жить и их уважение для нас не последнее дело.

— А тебе так хотелось?

— А ты разве не заметила.

— Как же, не заметишь тут, — прыснула уткнувшись в грудь мужа, молодая. Но затем посерьезнела, приподнялась и заглянув в его глаза серьезно спросила. — И как теперь все будет?

— Как в сказке: 'И жили они долго и счастливо'.

— Ой ли? Сказки они сказки и есть, а быль оно иное.

— Мы рождены, чтоб сказку сделать былью.

— Складно, — все так же серьезно глядя в его глаза произнесла она.

— Знаешь, один мой знакомый сказал золотые слова — если ты проснулся однажды и почувствовал, что у тебя нет проблем, пощупай воздух перед собой, нет ли там крышки гроба. Конечно будут и проблемы, и волнения, и опасности, и радости, и горести, но ведь теперь мы вместе, а значит нам все по плечу. Горы своротим, реки поворотим вспять, превратим пустыню в цветущий сад. Мне сейчас все по плечу. Ты просто верь в меня и я всего достигну.

— Я верю, — с самым серьезным видом произнесла она и впрямь веря, потому как вид у него при этих словах был таков, что он готов был подписаться под каждым словом собственной кровью.

notes

Примечания

1

*Кветень — апрель, травень — май.